

Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253

Перевод А. И. Малеина.

М.: Государственное издательство географической литературы, 1957.

Примечания и иллюстрации добавлены по изданию: Рубрук Вильгельм, Карпини Иоанн Плато. История Монголов / Путешествие в восточные страны СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911.

Послание Вильгельма де Рубрук Людовику IX, королю французскому

Превосходительнейшему и христианнейшему государю, Людовику, Божией милостью славному королю Франков, брат Вильгельм де Рубрук, наименьший в ордене братьев миноритов [шлет] привет и [желает] всегда радоваться о Христе. Писано в Екклезиасте о Мудреце: "Он отправится в землю чужих народов, испытает во всем хорошее и дурное".

Это дело свершил я, господин Король мой, но о если бы как мудрец, а не как глупец, ибо многие творят то, что творит мудрец, но не мудро, а более глупо; боюсь, что я принадлежу к их числу.

Все же, каким бы образом я ни свершил это, но, раз вы сказали мне, когда я удалялся от вас, чтобы я описал вам все, что увижу среди Татар, и даже внушили, чтобы я не боялся писать вам длинных посланий, я делаю то, что вы препоручили, правда, делаю со страхом и почтением, так как у меня не хватает соответствующих слов, которые я должен был бы написать вашему столь славному величеству.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отъезд наш из Константинополя и прибытие в Солдаию, первый город Татар

Итак, да знает ваше священное величество, что в лето Господне 1253 г. седьмого мая, въехали мы в море Понта, именуемое в просторечии великим (majus) морем. Как я узнал от купцов, оно имеет в длину 1400 миль и разделяется как бы на две части. Именно около его середины находятся два выступа земли: один на севере, а другой на юге. Тот, который находится на юге, именуется Синополь, и это - крепость и гавань султана Турции; тот, который находится на севере, занят некоей областью, именуемой ныне Латинами Газария; Греками же, живущими в ней по берегу моря, она именуется Кассария, то есть Цезария. И [там] есть некие мысы, выдающиеся в море, именно с юга в направлении к Синопюлю; между Синопюлем и Кассарией триста миль, так что от этих выступов считается в направлении к Константинополю семьсот миль в длину и ширину и семьсот в направлении к востоку, то есть к Иверии, которая есть область Георгии. Мы прибыли в область Газарию, или Кассарию, которая представляет как бы треугольник, имеющий с

запада город, именуемый Керсона, в котором был замучен святой Климент. И, плывя перед этим городом, мы увидели остров, на котором находится знаменитый храм, сооруженный, как говорят, руками ангельскими. В середине же, приблизительно в направлении к южной оконечности, Кассария имеет город, именуемый Солдаия, который обращен к Синопюлю наискось, и туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из России и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Одни привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазею (gambasio), шелковые материи и душистые коренья. В восточной же части этой области есть город, именуемый Матрика, где река Танаид впадает в море Понта, имея в устье 12 миль в ширину. Именно эта река, прежде чем впасть в море Понта, образует на севере как бы некое море, имеющее в ширину и длину семьсот миль, но нигде не имеющее глубины свыше шести шагов (passus); поэтому большие корабли не входят в него, а купцы из Константинополя, приставая к вышеупомянутому городу Матрике, посылают [оттуда] свои лодки (barcas) до реки Танаида, чтобы закупить сушеной рыбы, именно осетров, чебаков (hosas barbatus) и других рыб в беспредельном количестве.

Итак, вышеупомянутая область Цезария окружена морем с трех сторон, именно с запада, где находится Керсона, город Климента, с юга, где город Солдаия, к которому мы пристали, он вершина области, и с востока, где город Маритандис или Матрика и устье моря Танаидского. Выше этого устья находится Зикия, которая не повинуется Татарам, а к востоку Сवेвы и Иверы, которые [также] не повинуются Татарам. Затем к югу находится Трапезунда, которая имеет собственного государя по имени Гвидо, принадлежащего к роду императоров константинопольских; он повинуется Татарам. Затем лежит Синопюль, который принадлежит султану Турции; он равным образом [им] повинуется. Затем находится земля Вастация, сын которого, по деду со стороны матери, именуется Аскар; он не повинуется [Татарам]. От устья Танаида к западу, до Дуная, все принадлежит им; также и за Дунаем, в направлении к Константинопюлю, Валахия, земля, принадлежащая Ассану, и малая Булгария до Склавонии, все платят им дань; даже и сверх условленной дани они брали, в недавно минувшие годы, со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке.

Итак, мы прибыли в Солдаию 21 мая, а раньше нас приехали туда некие купцы из Константинополя, которые сказали, что туда явятся послы из Святой Земли, желающие направиться к Сартаху. Однако я заявил в Вербное Воскресенье, говоря проповедь в церкви Святой Софии, что я не ваш и ничей посол, но направляюсь к этим неверным согласно уставу нашего ордена. Затем, когда я прибыл в Солдаию, названные купцы внушили мне, чтобы я говорил осторожно, так как они ранее сказали, что я являюсь послом, и если бы я стал говорить, что я не посол, то мне отказали бы в проезде. Тогда я следующим образом сказал начальникам (capitaneos) города, а вернее их заместителям, так как начальники отправились зимою к Батью с данью и еще не вернулись: "Мы слышали, что о вашем господине Сартахе (Sarcaht) говорят в Святой Земле, будто он христианин, и христиане этому очень обрадовались, а в особенности христианнейший государь, король Франков, который там странствует и сражается с Саррацинами, чтобы вырвать из рук их святые места; поэтому я намереваюсь отправиться к Сартаху и отвезти ему грамоту

господина короля, в которой тот внушает ему о пользе всего христианства". Они приняли нас с радостью и дали нам приют в епископской церкви. И епископ той церкви бывал у Сартаха; он сказал мне много хорошего о Сартахе, чего я впоследствии не нашел.

Тогда предоставили нам на выбор, хотим ли мы иметь для перевозки своего имущества телеги, запряженные двумя быками, или вьючных лошадей. Константинопольские купцы посоветовали мне взять телеги и даже купить в собственность крытые повозки, в которых русские перевозят свои меха, и положить туда наше имущество, которое мне не нужно было доставать ежедневно, ибо если бы я взял лошадей, то мне приходилось бы во всякой гостинице снимать имущество и перекладывать на других лошадей. Кроме того, они посоветовали мне ехать тихим шагом верхом, рядом с быками. Я послушался тогда их совета, однако на свою беду, так как был в пути до Сартаха два месяца, а если бы я поехал на лошадях, то мог бы совершить этот путь в один месяц. По совету купцов, я привез с собою из Константинополя, в качестве подарков главным начальникам, плодов, мускатного вина и вкусных сухарей (biscoctum), дабы путь мне был более доступен, так как у них ни на кого не взирают милостивым оком, если он приходит с пустыми руками; все это, не найдя начальников города, я сложил на одной повозке, так как мне говорили, что эти вещи будут весьма приятны для Сартаха (Sarcakt), если я смогу довести их до него. Итак, мы направились в путь около 1 июня с четырьмя нашими крытыми повозками и полученными от них двумя другими, на которых везли тюфяки, чтобы спать ночью; сверх того, они дали нам пять верховых лошадей, ибо нас было пять лиц: я и товарищ мой, брат Варфоломей из Кремоны, везший подарки Госсель, человек Божий Тургеманн [драгоман] и отрок Николай, которого я купил в Константинополе на вашу благодетельность. Они дали нам также двух людей, которые правили повозками и караулили быков и лошадей. На море, от Керсоны до устья Танаида, находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдаией существует сорок замков; почти каждый из них имел особый язык; среди них было много Готов, язык которых немецкий. За этими гористыми местностями к северу тянется по равнине, наполненной источниками и ручейками, очень красивый лес, а сзади этого леса простирается огромная равнина, которая тянется на пять дневных переходов до конца этой области к северу; она суживается, имея море с востока и с запада, так что от одного моря до другого существует один большой перекоп (fossatum). На этой равнине, до прихода Татар, обычно жили Команы и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань. А когда пришли Татары, Команы, которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых, как мне рассказывал видевший это некий купец; живые пожирали и разрывали зубами сырое мясо умерших, как собаки - трупы. На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей России ездят туда за солью, и со всякой нагруженной повозки дают два куса хлопчатой бумаги, стоящих пол-иперпера. Морем также приходит за этой солью множество судов, которые все платят пошлину по своему грузу. Итак, выехав из Солдаии, на третий день мы нашли Татар. Когда я вступил в их среду, мне совершенно

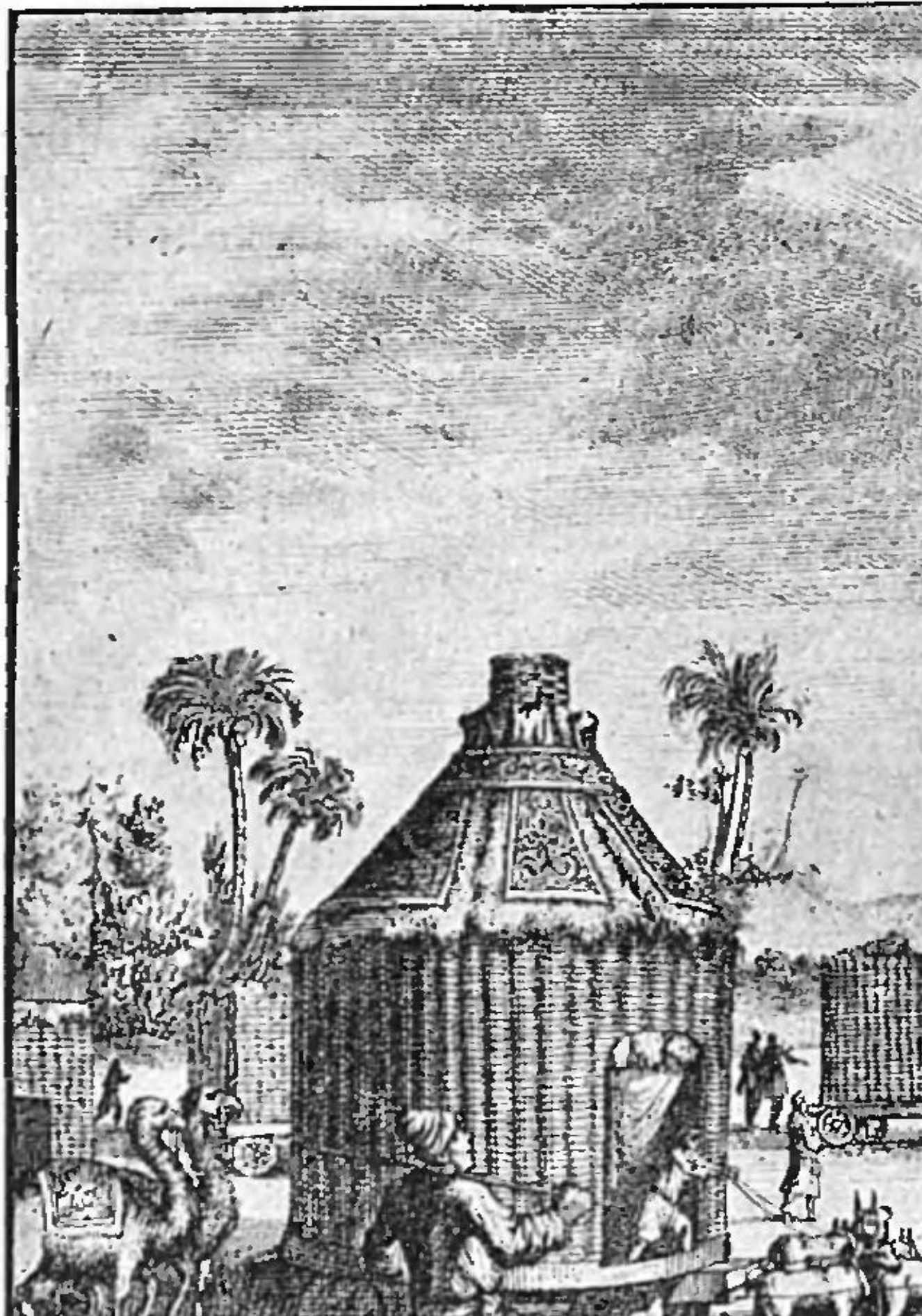
представилось, будто я попал в какой-то другой мир. Как могу, опишу вам их жизнь и обычаи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О Татарах и их жилищах

Они не имеют нигде постоянного местожительства (*civitatem*) и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собою Скифию (*Cithiam*), которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник (*capitaneus*) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды. Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков. Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук, а после того, с одного краю до другого, устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестротканными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок. Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами. Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу

вам описать иначе, как живописью; мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать. Один богатый Моал, или Татарин, имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Бату 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор богатого Моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин (*muliercula*) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Об их постелях, идолах и обрядах перед питьем

Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них, находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам. Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанности женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колена, и это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток, в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад, для выражения почтения к воде; на север они кропят (*prohiciunt*) в память умерших. Когда господин держит чашу в руке и должен пить, то, прежде чем пить, он выливает на землю соответствующую часть. Если он пьет, сидя на лошади, то до питья делает изливание ей на шею или на гриву. Итак, когда слуга покропит таким образом на четыре стороны мира, он возвращается в дом; и два служителя с двумя чашами и столькими же блюдами стоят наготове, чтобы отнести питье господину и жене, сидящей на постели возле него, но повыше. И если у господина очень много жен, то та, с которой он спит ночью, сидит рядом с ним днем, а всем другим в тот день надлежит приходить к тому дому, и там в тот день происходит собрание, приносимые же подарки складываются в сокровищницы этой госпожи. При входе стоит скамья с бурдюком молока или другого какого питья и с чашами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Об их напитках и о том, как они поощряют других к питью

Зимой они делают превосходный напиток из рису, проса, ячменя и меду, чистый, как вино, а вино им привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе (cosmos). Кумыс стоит всегда внизу у дома, пред входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой. Наших гитар и рылей (viellas) я там не видал, но видел много других инструментов, которых у нас не имеется. И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: "Га!" И гитарист ударяет о гитару, а когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши, и также пляшут под звуки гитары, мужчины пред лицом господина, а женщины пред лицом госпожи. Когда же господин выпьет, то слуга восклицает, как прежде, и гитарист молчит. Тогда все кругом, и мужчины, и женщины, пьют, при этом иногда они пьют взапуски очень гадко и с жадностью. И когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло, и рукоплещут и танцуют пред его лицом. Точно так же, когда они хотят сделать кому-нибудь большой праздник и радость, один берет полную чашу, а двое других становятся направо и налево от него, и таким образом они трое идут с пением и пляской к тому лицу, которому они должны подать чашу, и поют и пляшут пред его лицом; а когда он протянет руку для принятия чаши, они внезапно отскакивают и снова возвращаются, как прежде, и издеваются над ним таким образом, отнимая у него чашу три или четыре раза, пока он не развеселится хорошенько и не почувствует хорошего аппетита. Тогда они подают ему чашу, поют, хлопают в ладоши и ударяют ногами, пока он не выпьет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Об их пище

Об их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных.

Однако летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку и лошади, они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли и не распространяя никакой вони. Из кишок лошадей они делают колбасы, лучшие, чем из свинины, и едят их свежими. Остальное мясо сохраняют на зиму. Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки. От мяса одного барана они дают есть 50 или 100 человекам, именно они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой, - другой приправы они не делают, - а затем острием ножа или вилочки, сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка, сообразно с количеством вкушающих.

Прежде чем поставить мясо барана (гостям), господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему

надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собою или отдать своему служителю, если налицо находится тот, кто охраняет его, или иначе он прячет это в свой каптаргак, то есть в квадратный мешок, который они носят для сохранения всего подобного; сюда они прячут также и кости, когда у них нет времени хорошенько обглодать их, чтобы обглодать впоследствии, дабы не пропало ничего из пищи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как они готовят кумыс

Самый кумыс, то есть кобылье молоко, готовится следующим образом. На двух кольях, вбитых в землю, они натягивают длинную веревку; к этой веревке они привязывают около третьего часа дня детенышей кобылиц, которых хотят доить. Тогда матки стоят возле своих детенышей и дают доить себя спокойно. А если какая-нибудь из них очень несдержанна, то человек берет детеныша и подносит к ней, давая немного сосать; затем он оттаскивает его, и на смену является доильщик молока.

Итак, накопив большое количество молока, которое, пока свежее, так же сладко, как коровье, они наливают его в большой бурдюк или бутыл (butellum) и начинают бить по нему приспособленной для этого деревяшкой; величина ее внизу с человеческую голову, а внутри она просверлена. Как только они начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино, и окисать или бродить, и они его сбивают до тех пор, пока не извлекут масла. Тогда они пробуют молоко и, если оно надлежаще остро, пьют. Ибо оно при питье щиплет язык так же, как вино с прибавкой свежего винограда, а когда человек перестает пить, оно оставляет на языке вкус миндального молока и доставляет много приятности внутренностям человека, слабые же головы даже опьяняет; также вызывает оно много мочи. Они делают также для нужд важных господ каракосмос, то есть черный кумыс. В этом случае кобылье молоко не свертывается. Правилom служит то, что ни у одного животного, если оно не стерильно, молоко не подвергается свертыванию. Если в брюхе кобылицы нет зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается.

Итак, они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно, как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собою сыворотку или белый виноградный сок. Гуща бывает очень бела, дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия. Около своего становища, на расстоянии дня пути, Бату имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, то есть во всякий день [он получает] молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого белого молока, которое приносят другие. Ибо как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, так Татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня. Из коровьего молока они сперва извлекают масло и кипятят его до полного сварения, а потом прячут его в кожах баранов, которые для этого сберегают. Хотя

они не кладут соли в масло, оно все-таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть, насколько только можно сильнее, и кипятят его; от кипения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока, они кладут в бурдюк это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут, наливают сверху теплой воды и сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О животных, которыми они питаются; об их одежде и об их охоте

Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи. Рабы наполняют свой желудок даже грязной водой и этим довольствуются. Ловят они также и мышей, многие породы которых находятся там в изобилии. Мышей с длинными хвостами они не едят, а отдают своим птицам. Они истребляют соней (glîges) и всякую породу мышей с коротким хвостом. Там водится также много сурков, именуемых там согур; они собираются зимою в одну яму зараз в числе 20 или 30 и спят шесть месяцев; их ловят Татары в большом количестве. Водятся там также кролики с длинным хвостом, как у кошки, и с черными и белыми волосами на конце хвоста. У них есть также много других маленьких зверьков, пригодных для еды, которых они сами очень хорошо различают. Оленей я там не видал; зайцев видел мало, газелей много. Диких (silvestres) ослов я видел в большом количестве; они похожи на мулов. Видел я также другую породу животных, именуемых аркали; они имеют тело, точно у барана, и рога, загнутые, как у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва мог поднять два рога; из этих рогов они делают большие чаши. У них есть в большом количестве соколы, кречеты и аисты; всех их они носят на правой руке и надевают всегда соколу на шею небольшой ремень, который висит у него до середины груди. При помощи этого ремня они наклоняют левой рукой голову и грудь сокола, когда выпускают его на добычу, чтобы он не получал встречных ударов от ветра или не уносился ввысь. Итак, охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания.

Об одежаниях и платье их знайте, что из Катайи и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. Из России, из Моксея (Machel), из великой Булгарии и Паскатира, то есть великой Венгрии, из Керкиса (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в наших странах и в которые они одеваются зимою. И зимою они всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос

которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу к ветру и снегам. Эти шубы по большей части сшиты из шкур волчьих и лисьих или из шкур павианов (parionibus); пока Татары сидят в доме, они носят другую шубу, более нежную. Бедные готовят верхние шубы из шкур собачьих или козьих. Когда они хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы. Они устраивают также шаровары из кож. Богатые также подшивают себе платье шелковыми хлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой. Из более грубой шерсти они делают войлок для покрытия своих домов, сундуков, а также постелей. Из шерсти также, с примесью третьей части конского волоса, они делают себе веревки. Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя; таким образом они издерживают много шерсти. Платье мужчин вы видели.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О бритье мужчин и наряде женщин

Мужчины выбривают себе на макушке головы четырехугольник и с передних углов ведут бритье макушки головы до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей. Платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением того, что оно несколько длиннее. Но на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу; она носит рубашку такой ширины, как куколь монахини, но в общем более широкую и длинную и спереди разрезанную, которую завязывают на правом боку. Ибо Татары отличаются от Турок именно тем, что Турки завязывают свои рубашки с левой стороны, а Татары всегда с правой. Кроме того, они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а сверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка пустая, а в середине над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или из тонких тростинок длиною также в локоть и больше. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой (almussia), имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собирают сзади к верху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком. Отсюда,

когда много господ едет вместе, то, если смотреть на них издали, они кажутся солдатами, имеющими на головах шлемы с поднятыми копьями. Именно бокка кажется шлемом, а прутик наверху копьем. И все женщины сидят на лошадях, как мужчины, расставляя бедра в разные стороны, и они подвязывают свои куколки по чреслам шелковой тканью небесного цвета, другую же повязку прикрепляют к грудям, а под глазами подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь. Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой. Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо. Для родов они никогда не ложатся в постель.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Об обязанностях женщин, об их занятиях и об их свадьбах

Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, готовить шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки и после сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии (sotulares), башмаки и другое платье. Платьев они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них. Они боятся грома выше меры, высылают тогда всех чужестранцев из своих домов и закутываются в черные войлоки, в которые прячутся, пока не пройдет [гроза]. Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел. Они делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и вьют их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи готовят они при помощи кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока. Когда они хотят вымыть руки или голову, они наполняют себе рот водою и мало-помалу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют такой же водою свои волосы и моют себе голову. О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее; отсюда, раньше чем выйти замуж, девушки достигают иногда очень зрелого возраста. Ибо родители постоянно держат их, пока не продадут. Они соблюдают первую и вторую степень родства, свойства же не признают ни в какой степени. Именно они женятся вместе или последовательно на двух сестрах. Ни одна вдова не выходит у них замуж на том основании, что они веруют, что все, кто служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них случается позорный обычай, именно, что сын берет иногда всех жен своего отца, за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским

двором, и тогда при желании он пользуется ими как женами, так как он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется к отцу. Итак, когда кто-нибудь заключит с кем-нибудь условие о взятии дочери, отец девушки устраивает пиршество, и она бежит к близким родственникам, чтобы там спрятаться. Тогда отец говорит: "Вот дочь моя твоя; бери ее везде, где найдешь". Тогда тот ищет ее со своими друзьями, пока не найдет, и ему надлежит силой взять ее и привести как бы насильно к себе домой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Об их судопроизводстве, судах, смерти и похоронах

Об судопроизводстве их знайте, что, когда два человека борются, никто не смеет вмешиваться, даже отец не смеет помочь сыну; но тот, кто оказывается более слабым, должен жаловаться пред двором государя, и если другой после жалобы коснется до него, то его убивают. Но ему должно идти туда немедленно без отсрочки, и тот, кто потерпел обиду, ведет другого как пленного. Они не карают никого смертным приговором, если он не будет уличен в деянии или не сознается. Но когда очень многие опозорят его, то он подвергается сильным мучениям, чтобы вынудить сознание. Человекоубийство они карают смертным приговором, так же как соитие не со своею женщиной. Под не своей женщиной я разумею или не его жену, или его служанку. Ибо своей рабыней можно пользоваться, как угодно. Точно так же они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу, например за одного барана, лишь бы только человек нечасто попадался в этом, они жестоко бьют, и если они назначают сто ударов, то это значит, что те получают сто палок. Я говорю о тех, кто подвергается побоям по приговору двора. Точно так же они убивают ложных послов, то есть тех, которые выдают себя за послов и не суть таковые. Точно так же умерщвляют колдуний, о которых, однако, я скажу вам потом полнее, так как считают подобных женщин за отравительниц. Когда кто-нибудь умирает, они скорбят, издавая сильные вопли, и тогда они свободны, потому что не платят подати до истечения года. И если кто присутствует при смерти какого-нибудь взрослого лица, то до конца года не входит в дом самого Мангу-хана. Если умерший - ребенок, то он входит только по истечении месяца. Возле погребения усопшего они оставляют всегда один его дом, если он из знатных лиц, то есть из рода Чингиса, который был их первым отцом и государем. Погребение того, кто умирает, остается неизвестным; и всегда около тех мест, где они погребают своих знатных лиц, имеется гостиница для охраняющих погребения. Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища. Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для

питья кумыс, для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади. Когда кто-нибудь занедужит, он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и чтобы никто не входил. Отсюда никто не посещает недужного, кроме прислуживающего ему. Когда также занедужит кто-нибудь принадлежащий к великим дворам, то далеко вокруг двора ставят сторожей, которые не позволяют никому переступить за эти пределы. Именно они опасаются, чтобы со входящими не явился злой дух или ветер. Самих гадателей они называют как бы своими жрецами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О нашем приезде в страну варваров и об их неблагодарности

Итак, когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступаю в другой мир. Именно они на лошадях окружили нас, заставив нас наперед долго ожидать, причем мы сидели в тени под нашими повозками. Первый вопрос их был, были ли мы когда-нибудь среди них. Получив ответ, что нет, они начали бесстыдно просить себе пищи. Мы дали им сухарей и вина, которое привезли с собою из города; выпив одну бутылку вина, они попросили другую, говоря, что человек не входит в дом на одной ноге, но мы не дали им, отговорившись тем, что у нас его мало. Тогда они спросили нас, откуда мы едем и куда желаем направиться. Я им сказал прежние слова, именно что мы слышали про Сартаху, что он христианин и что я желаю направиться к нему, так как должен вручить ему вашу грамоту. Они усиленно расспрашивали, еду ли я по своей воле или меня посылают. Я ответил, что никто не заставляет меня ехать и я не поехал бы, если бы не захотел; поэтому я еду по своей воле, а также по воле моего настоятеля. Я очень остерегался, чтобы отнюдь не сказать, что я ваш посол. Тогда они спросили, что имеется на повозках для вручения Сартаху: золото ли, или серебро, или драгоценные одежды. Я ответил, что Сартах хорошо рассмотрит, что мы вручим ему, когда доберемся до него, и что не их дело расспрашивать об этом, но пусть они прикажут проводить меня к своему начальнику и пусть тот, если пожелает, прикажет дать мне провожатых до Сартаху, в противном случае я могу вернуться. Именно в этой области был один родственник Бату, начальник, по имени Скатай, которому господин император константинопольский посылал письмо с просьбой, чтобы тот позволил мне проехать. Тогда они успокоились, дав нам лошадей, быков и двух людей, чтобы проводить нас; а другие, которые привезли нас, вернулись. Прежде чем, однако, дать нам вышесказанное, они заставили нас долго ждать, прося у нас хлеба для своих малюток, а также всего, что они видели у наших слуг: ножики, перчаток, кошельков и ремешков, всем восхищаясь и все желая иметь. Я отговаривался тем, что нам предстоит дальняя дорога и что нам не следует так скоро лишать себя предметов, нужных для

окончания столь дальней дороги. Тогда они стали говорить, что я самозванец. Правда, что они ничего не отняли у нас силою; но они очень надоедливо и бесстыдно просят то, что видят, и если человек дает им, то теряет, так как они неблагодарны. Они считают себя владыками мира и им кажется, что никто не должен им ни в чем отказывать; если он не даст и после того станет нуждаться в их услуге, они плохо прислуживают ему. Они дали нам выпить своего коровьего молока, из которого было извлечено масло и которое было очень кисло; они называли его айра. И таким образом мы удалились от них, причем мне прямо представилось, что я вырвался из рук демонов. На следующий день мы добрались до начальника.

С тех пор как мы выехали из Солдаии и вплоть до Сартаха, два месяца, мы никогда не лежали в доме или в палатке, но всегда под открытым небом или под нашими повозками, и мы не видели никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где было бы селение, кроме огромного количества могил Команов. В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствие страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как это и есть на самом деле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О дворе Скатая и о том, что христиане не пьют кумыса

Итак, утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне двигается большой город. Я также изумился количеству стад быков и лошадей и отар овец. Я видел, однако, немногих людей, которые ими управляли. В силу этого я спросил, сколько человек имеет Скатай в своей власти, и мне было сказано, что не более 500, мимо половины которых мы проехали ранее при другой остановке. Тогда служитель, который провожал нас, начал мне говорить, что Скатаю надлежит что-нибудь дать, и, заставив нас стоять, пошел вперед с сообщением о нашем приходе. Уже было более трех часов, и они поставили свои дома возле какой-то воды, когда к нам пришел его толмач, который узнав тотчас, что мы никогда не были среди них, потребовал себе пищи, и мы дали ему. Требовал он также какой-нибудь одежды, так как должен был говорить наши слова перед своим господином. Мы отговорились. Он спросил, что несем мы его господину. Мы взяли бутылку вина, наполнили корзину сухарями и блюдо яблоками и другими фруктами, но ему не нравилось, что мы не подносим никакой драгоценной ткани. Итак, все же мы вошли с робостью и со стыдом. Скатай сам сидел на своем ложе, держа в руке маленькую гитару, а рядом с ним сидела его жена, о которой я вправду полагал, что она отрезала себе между глаз нос, чтобы быть более курносой, ибо у нее там ничего не осталось от носа. И она намазала это место, а также и брови, какой-то черной мазью, что было весьма отвратительно в наших глазах. Тогда я сказал Скатаю вышеупомянутые слова. Ибо везде нам надлежало говорить ту же самую речь. Именно те, кто был у них, хорошо предупреждали нас на этот счет, чтобы мы никогда не меняли своих слов. Я также

попросил его, чтобы он соблаговолил принять подарок из наших рук, причем извинялся, что я монах и что нашему ордену не надлежит владеть золотом, серебром и драгоценными одеждами; поэтому у меня нет ничего подобного, что я мог бы ему дать, но пусть он примет в знак благословения нашу пищу. Тогда он приказал принять и тотчас распределил своим людям, которые собрались для попойки. Я дал ему также грамоту господина императора константинопольского. Это было в восьмой день по Вознесении. Он тотчас послал ее в Солдаию, чтобы там перевести, так как она была написана по-гречески, а с ним не было никого, кто знал бы греческую грамоту. Он также спросил у нас, хотим ли мы пить кумыс, то есть кобылье молоко. Ибо находящиеся среди них христиане, Русские, Греки и Аланы, которые хотят крепко хранить свой закон, не пьют его и даже не считают себя христианами, когда выпьют, и их священники примиряют их тогда [со Христом], как будто они отказались от христианской веры. Тогда я ответил, что у нас еще есть достаточно, что пить, а когда это питье у нас выйдет, нам надлежит пить то, что он нам даст. Он спросил также, что содержится в той грамоте, которую вы посылали Сартаху. Я сказал, что наша булла запечатана, но что в ней заключаются только любезные и дружественные слова. Он спросил также, какие слова скажем мы Сартаху. Я ответил: "Слова христианской веры". Он спросил, какие именно, так как охотно желал бы послушать. Тогда я изложил ему, как мог, при посредстве своего толмача, человека вовсе не развитого и не обладавшего никаким красноречием, символ веры. Выслушав его, он замолчал и кивнул головой. Затем он назначил нам двух людей для охраны нас, лошадей и быков и приказал нам ехать с собой, пока не вернется гонец, которого он послал для перевода грамоты императора, и мы ехали с ним до дня, следующего за Пятидесятницей.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О том, как накануне Пятидесятницы к нам пришли Аланы

Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие Аланы, которые именуется там Аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмена и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно Грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц. Они принесли нам вареного мяса, прося покушать их пищи и помолиться за одного усопшего их. Тогда я сказал им, что теперь канун столь великого праздника и что в такой день мы не будем есть мяса, и объяснил им этот праздник, чему они очень обрадовались, так как не знали ничего, имеющего отношение к христианскому обряду, за исключением только имени Христова. Спрашивали также они и многие другие христиане, Русские и Венгры, могут ли они спастись, потому что им приходилось пить кумыс и есть мясо животных, или павших, или убитых Саррацинами и другими неверными, что даже сами Греческие и Русские священники считают как падаль или как принесенное в жертву идолам, а также потому, что они не знали времени поста и не могли соблюдать его, даже если бы знали. Тогда я разъяснил им, как мог, научая и наставляя их в вере. Мясо,

принесенное ими, мы сберегли до праздничного дня, ибо не находили ничего продажного за золото или серебро, а только за полотно или за другие ткани, чего у нас не было. Когда наши слуги показывали им иперперы, они терли их пальцами и подносили к носу, чтобы узнать по запаху, не медь ли это.

В пищу нам давали только коровье молоко, очень кислое и вонючее. Вино было у нас уже на исходе; воду лошади мутили так, что она не была годна для питья. Если бы у нас не было сухарей, которые мы имели, и милости Божьей, мы, наверное, умерли бы от голода.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Об одном Саррацине, желавшем креститься, и о некоторых людях, имевших вид прокаженных

В день Пятидесятницы пришел к нам некий Саррацин, во время разговора которого с нами мы начали излагать веру. Слыша про благодеяния Божии, оказанные человеческому роду воплощением и воскресением мертвых, и про будущий суд, а также про то, что омовение грехов заключается в крещении, он заявил о своем желании креститься. Когда мы стали готовиться к его крещению, он неожиданно сел на свою лошадь, говоря, что отправится домой и посоветуется со своей женой. На следующий день в разговоре с нами он сказал, что никоим образом не дерзает принять крещение, так как тогда не может пить кумысу. Именно христиане той местности говорили то, что ни один истинный христианин не должен пить его, а без этого напитка он не может жить в этой пустыне. Я никоим образом не мог отвратить его от этого мнения. Отсюда знайте за верное, что они весьма далеки от веры вследствие этого мнения, которое уже укрепилось среди них благодаря Русским, количество которых среди них весьма велико. В этот день начальник дал нам человека, чтобы проводить нас к Сартаху, и двоих людей, чтобы отвезти нас до ближайшей стоянки, отстоявшей оттуда на пять дневных переходов таким шагом, каким могли пройти быки. Они дали также нам в пищу козу, несколько бурдюков с коровьим молоком и немного кумысу, так как он считается среди них драгоценностью. И когда мы таким образом направились прямо на север, мне показалось, что мы переступили ворота ада. Служители, нас сопровождавшие, начали нас дерзко обкрадывать, так как видели, что мы мало остерегаемся. Наконец, когда мы потеряли очень много, мучения сообщили нам разум. Наконец, мы добрались до края этой области, которая замыкается перекопом от одного моря до другого; за нею были пристанища тех, по входе к которым они показались нам все прокаженными, так как это были презренные люди, помещенные там, чтобы получать дань с берущих соль из вышеупомянутых солеварен. С того места, как говорили, нам надлежало странствовать 15 дней, не встречая никаких людей. Мы выпили с ними кумысу и дали им корзину, полную сухарей; они дали нам, восьми человекам, для столь продолжительного пути одну козу и сколько-то бурдюков, полных коровьего молока. Переменив таким образом лошадей и быков, мы снова пустились в путь, который совершили в десять дней до

другой остановки, и на этой дороге находили воду только во рвах, сделанных в долинах, да еще в двух небольших реках. И все время, как мы оставили упомянутую выше область Газарию, мы ехали на восток, имея с юга море, а к северу большую степь, которая в некоторых местах продолжается на 30 дневных переходов и в которой нет никакого леса, никакой горы и ни одного камня, а трава отличная. В ней прежде пасли свои стада Команы, именуемые Капчат; Немцы же называют их Валанами, а область Валанией. Исидор же называет страну от реки Танаида до Меотидских болот и Данубия Аланией, и эта страна тянется в длину от Данубия до Танаида, который служит границей Азии и Европы, на двухмесячный путь быстрой езды, как ездят Татары. Она вся заселена была Команами Капчат, равно как и дальше, от Танаида до Этилии; между этими реками существует 10 больших дневных переходов. К северу от этой области лежит Руссия, имеющая повсюду леса; она тянется от Польши и Венгрии до Танаида. Эта страна вся опустошена Татарами и поныне ежедневно опустошается ими.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

О тягостях, которые мы испытали, и о могилах Команов

Именно Татары предпочитают Саррацинов Русским, так как они - христиане. Когда Русские не могут дать больше золота или серебра, Татары уводят их и их малюток, как стада, в пустыню, чтобы караулить их животных. За Руссией, к северу, находится Пруссия, которую недавно покорили всю братья Тевтонского ордена, и, разумеется, они легко покорили бы Руссию, если бы принялись за это. Ибо если бы Татары узнали, что великий священник, то есть Папа, поднимает против них крестовый поход, они все убежали бы в свои пустыни. Итак, мы направлялись к востоку, не видя ничего, кроме неба и земли, а иногда с правой руки море, именуемое морем Танаидским (Tanays), а также усыпальницы Команов, которые видны были в двух лье, ибо у них существует обычай, что все родство их погребается вместе. Пока мы были в пустыне, нам было хорошо, так как я не могу выразить словами той тягости, которую я терпел, когда мы прибыли к становищам Команов. Именно наш проводник желал, чтобы я входил ко всякому начальнику с подарком, а для этого не хватало средств. Ибо ежедневно нас было восемь человек, которые ели хлеб, не считая случайно приходивших, которые все хотели есть вместе с нами. Ибо нас было пятеро, и трое сопровождало нас: двое правили повозками, а один желал отправиться с нами к Сартаху. Мяса, которое они давали, не хватало, и мы не находили ничего продажного за деньги. Даже когда мы сидели под своими повозками ради тени, так как в то время там стояла сильная жара, они так надоедливо приставали к нам, что давили нас, желая рассмотреть все наши вещи. Если у них появлялось желание опорожнить желудок, они не удалялись от нас и настолько, насколько можно бросить зерно боба; мало того, они производили свои нечистоты рядом с нами во взаимной беседе, делали они и много другого, что было тягостно выше меры. Но больше всего удручало меня то, что я бессилён был сказать им какое-нибудь слово проповеди; мой толмач говорил: "Вы не можете

заставить меня проповедовать, потому что я не умею говорить таких слов". И он говорил правду. Ибо впоследствии, когда я начал немножечко понимать язык, я узнал, что когда я говорил одно, он говорил совсем другое, что ему приходило в голову. Тогда, видя опасность говорить при его посредстве, я предпочел больше молчать. Итак мы с великим трудом странствовали от становища к становищу, так что не за много дней до праздника блаженной Марии Магдалины достигли большой реки Танаида, которая отделяет Азию от Европы, как река Египта Азию от Африки. В том месте, где мы пристали, Бату и Сартах приказали устроить на восточном берегу поселок (casale) Русских, которые перевозят на лодках послов и купцов. Они сперва перевезли нас, а потом повозки, помещая одно колесо на одной барке, а другое на другой; они переезжали, привязывая барки друг к другу и так гребя. Там наш проводник поступил очень глупо. Именно он полагал, что они должны дать нам коней из поселка и отпустил на другом берегу животных, которых мы привезли с собою, чтобы те вернулись к своим хозяевам; а когда мы потребовали животных у жителей поселка, те ответили, что имеют льготу от Бату, а именно: они не обязаны ни к чему, как только перевозить едущих туда и обратно. Даже и от купцов они получают большую дань. Итак там, на берегу реки, мы стояли три дня. В первый день они дали нам большую свежую рыбу - чебак (borbotam), на второй день - ржаной хлеб и немного мяса, которое управитель селения собрал, наподобие жертвы, в различных домах, на третий день - сушеной рыбы, имевшейся у них там в большом количестве. Эта река была там такой же ширины, какой Сена в Париже. И прежде чем добраться до того места, мы переправлялись через много рек, весьма красивых и богатых рыбою, но Татары не умеют ее ловить и не заботятся о рыбе, если она не настолько велика, что они могут есть ее мясо, как мясо барана. Эта река служит восточной границей России и начинается из болот Меотиды, которые простираются к северу до Океана. Течет же река к югу, образуя, прежде чем достигнуть моря Понта, некое великое море в семьсот миль, и все воды, через которые мы переправлялись, текут в те стороны. Упомянутая река имеет также на западном берегу большой лес. Выше этого места Татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу; поэтому ниже есть другой поселок, где послы переправляются в зимнее время. Итак, мы были там в великом затруднении, потому что не находили за деньги ни лошадей, ни быков. Наконец, когда я доказал им, что мы трудимся на общую пользу всех христиан, они дали нам быков и людей; самим же нам надлежало идти пешком. В то время они жали рожь. Пшеница не родилась там хорошо, а просо имеют они в большом количестве. Русские женщины убирают головы так же, как наши, а платья свои с лицевой стороны украшают беличьими или горностаевыми мехами от ног до колен. Мужчины носят епанчи, как и Немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные наверху длинным острием. Итак мы шли пешком три дня, не находя народа, и когда сильно утомились сами, а равно и быки, и не знали, в какой стороне можем найти Татар, прибежали внезапно к нам две лошади, которых мы взяли с великою радостью, и на них сели наш проводник и толмач, чтобы разведать, в какой стороне можем мы найти народ. Наконец, на четвертый день, найдя людей, мы обрадовались, как будто после кораблекрушения пристали к гавани. Тогда, взяв лошадей и быков, мы

поехали от становища к становищу, пока, 31 июля, не добрались до местопребывания Сартаха.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О стране Сартаха и об ее народах

Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах. Их государь и большая часть людей были убиты в Германии. Именно Татары вели их вместе с собою до вступления в Германию, поэтому Моксель очень одобряет Германцев, надеясь, что при их посредстве они еще освободятся от рабства Татар. Если к ним придет купец, то тому, у кого он впервые пристанет, надлежит заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробыть в их среде. Если кто спит с женой другого, тот не печалится об этом, если не увидит собственными глазами; отсюда они не ревнивы. В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые Мердас, которых Латины называют Мердинис, и они - Саррацины. За ними находится Этилия. Эта река превосходит своею величиною все, какие я видел; она течет с севера, направляясь из Великой Булгарии к югу, и впадает в некое озеро, имеющее в окружности пространство [пути] в четыре месяца; о нем я скажу вам после. Итак, эти две реки, Танаид и Этилия, отстоят друг от друга в направлении к северным странам, через которые мы проезжали, только на десять дневных переходов, а к югу они очень удалены друг от друга. Именно Танаид впадает в море Понта, а Этилия образует вышеназванное море или озеро, вместе со многими другими реками, которые впадают в него из Персии. К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, Черкисы (Cherkis) и Аланы, или Аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против Татар. За ними, вблизи моря или озера Этилии, находятся некие Саррацины, именуемые Лесгами, которые равным образом не подчинены [Татарам]. За ними находятся Железные Ворота, которые соорудил Александр для преграждения варварским племенам входа в Персию; о положении этих ворот я скажу вам впоследствии, так как я проезжал через них при возвращении, и среди этих двух рек в тех землях, через которые мы проехали, до занятия их Татарами, жили Команы Капчат.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О Дворе Сартаха и об его славе

Итак мы нашли Сартаха близ Этилии, в трех днях пути от нее; двор его показался нам очень большим, так как у него самого шесть жен, да его первородный сын имеет возле него их две или три, и у всякой есть большой дом и около двухсот повозок. Наш проводник обратился к некоему несторианцу по имени Койяку, который считается одним из старших при дворе. Тот заставил нас идти очень далеко к господину, который именуется Ямьям. Так называют того, на котором лежит обязанность принимать послов. Вечером упомянутый Койяк приказал нам прийти к нему. Тогда наш проводник начал спрашивать, что мы ему поднесем, и пришел в великое негодование, когда увидел, что мы не готовим ничего поднести ему. Мы стали пред Койяком, и он сидел во славе своей и заставлял играть на гитаре и плясать в его присутствии. Тогда я ему сказал вышесказанные слова, как мы прибыли к его господину, и просил его помочь, чтобы господин его увидел нашу грамоту. Я также извинился, что, будучи монахом, не имею, не получаю и не держу ни золота, ни серебра, ни чего-либо драгоценного, за исключением только книг и церковной утвари, с которой мы служим Богу; поэтому мы не подносим ни ему, ни его господину никакого дара, ибо тот, кто оставил собственное имущество, не может быть носителем чужого. Тогда он ответил довольно милостиво, что я хорошо делаю, если с тех пор, как стал монахом, соблюдаю свой обет, и что он не нуждается в нашем имуществе, а скорее даст нам из своего имущества, если мы станем нуждаться. И он приказал нам сесть и выпить его молока, а спустя немного попросил произнести для него благословение, что мы и сделали. Он спросил также, кто наибольший государь среди Франков. Я сказал: "Император, если бы он держал свою землю в мире". - "Нет", - отвечал он, - "а король". Ибо он слышал про вас от господина Балдуина Гэно. Я нашел там также одного из товарищей Давида, который был на Кипре; он рассказал все, что видел. Затем мы вернулись в свое помещение. На следующий день я послал Койяку бутылку мускатного вина, которое очень хорошо сохранилось, несмотря на столь продолжительный путь, и корзину, полную сухарей, что ему было весьма приятно; и в тот вечер он удержал при себе наших служителей. На другой день он поручил мне, чтобы я явился ко двору и принес с собою грамоту короля, церковную утварь и книги, так как его господин хотел видеть это; мы это и сделали, нагрузив одну повозку книгами и утварью, а другую хлебом, вином и плодами. Тогда он приказал развернуть все книги и одеяния, и нас окружали на конях много Татар, христиан и Саррацинов. Рассмотрев это, он спросил, желаю ли я отдать все это господину. Услышав это, я оробел, и его слово мне не понравилось. Однако, скрывая [свое неудовольствие], я ответил: "Господин, мы просим, чтобы ваш господин соблаговолил принять этот хлеб, вино и плоды не в качестве подарка, так как это нечто незначительное, а в качестве благословения, дабы мы не являлись пред его лицо с пустыми руками. А он сам увидит грамоту господина короля и из нее узнает, по какой причине мы прибыли к нему, и тогда мы будем состоять в его распоряжении, как сами, так и все наше имущество. А одежды эти священные, и к ним можно прикасаться только священникам". Тогда он указал нам облачиться пред отправлением пред лицо его господина, что мы и сделали. Я же, облачившись в более драгоценные одежды, взял на грудь подушку, которая была очень красива, и Библию, которую вы дали мне, а также очень красивый псалтырь, который дала мне госпожа королева и в котором были очень красивые картинки. Мой товарищ взял служебник и крест.

Причетник, одетый в стихарь, взял курильницу. В таком виде мы явились пред домом Сартаха, и они подняли войлок, висевший пред входом, чтобы господин мог видеть нас. Затем они заставили причетника и толмача преклонить колена, а от нас этого не потребовали. Затем они очень усердно посоветовали нам остеречься при входе и выходе, чтобы не коснуться порога дома, и пропеть какое-нибудь благословение для Сартаха. Затем мы вошли с пением: "Salve, regina" ("Радуйся, Царица"). При входе же в дверь стояла скамья с кумысом и чашами; тут были все жены его, и сами Моалы, войдя с нами, теснили нас. Упомянутый Койяк подал Сартаху курильницу с благовонием, которую тот рассмотрел, бережно держа в руке. После Койяк поднес ему псалтырь, который тот усердно рассматривал, равно как и жена его, сидевшая рядом с ним. Затем Койяк принес Библию, и тот сам спросил, есть ли там Евангелие. Я оказал, что там есть [не только Евангелие, а] даже все священное Писание. Он взял также себе в руку крест и спросил про изображение, Христа ли оно изображает. Я ответил утвердительно. Сами несториане и армяне никогда не делают на своих крестах изображения Христа; поэтому, кажется, они плохо понимают о страстях или стыдятся их. После того Сартах приказал удалиться окружавшим нас, чтобы иметь возможность полнее рассмотреть наши облачения. Тогда я подал ему вашу грамоту с переводом по-арабски и сирийски. Ибо я приказал переложить ее в Аконе на оба языка и письмена; и при дворе Сартаха были армянские (Негмені) священники, которые знали по-турецки и по-арабски, и упомянутый товарищ Давида, который знал по-сирийски, по-турецки и по-арабски. Затем мы вышли и сняли наши облачения, и пришли писцы и упомянутый Койяк и заставили перевести грамоту. Выслушав ее, он приказал принять хлеб, вино и плоды, а облачения и книги приказал нам отнести в наше помещение. Это случилось в день поклонения веригам (Vincula) святого Петра.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

О том, что мы получили приказание ехать к отцу Сартаха Бату

На следующее утро пришел некий священник, брат упомянутого Койяка, и потребовал сосуд с св. миром, так как Сартах, по его словам, хотел видеть его; и мы ему дали. В вечерние часы Койяк позвал и сказал нам: "Господин король написал хорошие слова моему господину, но среди них есть некоторые трудноисполнимые, касательно которых он не смеет ничего сделать без совета своего отца; поэтому вам надлежит отправиться к его отцу. И две повозки, которые вы привезли вчера с облачениями и книгами, вы оставите мне, так как господин мой желает тщательно рассмотреть это". Я тотчас заподозрил злой и корыстолюбивый умысел его и сказал ему: "Господин, мы оставим под вашей охраной не только те повозки, но и еще две, которые мы ныне имеем". - "Нет, отвечал он, - вы оставите те, а с другими сделаете, что вам угодно". Я сказал ему, что этого никоим образом не может быть, но мы оставим ему все. Тогда он спросил, желаем ли мы остаться надолго в этой земле. Я сказал: "Если вы хорошо

поняли грамоту господина короля, то можете знать, что это так". Тогда он сказал, что нам надлежит быть очень терпеливыми и смиренными. Так расстались мы с ним в тот вечер. На следующее утро он прислал одного несторианского священника за повозками, и мы привезли все четыре. Тогда брат Койяка, выйдя к нам навстречу, отделил все наше от тех вещей, которые мы накануне приносили ко двору, и взял их как свое имущество, именно - книги и облачения; а Койяк ранее приказывал, чтобы мы увезли с собой облачения, которые надели перед лицом Сартаха, и надели их перед лицом Бату, если будет нужно. Этот же священник отнял их у нас силой, говоря: "Как, ты принес их Сартаху, а теперь хочешь отнести Бату!" И, когда я хотел дать ему объяснение, он ответил мне: "Не говори лишнего и ступай своей дорогой". Тогда мне необходимо было запастись терпением, так как доступ к Сартаху нам был прегражден, и не было никого, кто мог бы оказать нам правосудие. Я боялся также и насчет толмача, не передал ли он чего-нибудь иначе, чем я сказал ему, так как он очень желал, чтобы я отдал все в подарок. Единственным утешением мне служило то, что, предчувствуя их алчность, я извлек из книг Библию, правила и другие книги, которые я больше любил. Псалтырь госпожи королевы я не посмел извлечь, так как он был слишком замечен по своим золоченым картинкам. Таким образом, стало быть, вернулись мы с двумя оставшимися повозками в свое помещение. Затем пришел тот, кто должен был провожать нас к Бату, и выразил желание пуститься в путь немедленно. Я ему сказал, что ни под каким видом не возьму повозку; он доложил это Койяку. Тогда Койяк распорядился оставить их у него, но уже с нашим служителем, что мы и сделали.

Таким образом, стало быть, мы направились к Бату, держа путь прямо на восток, и на третий день добрались до Этилии; увидев ее воды, я удивился, откуда с севера могло спуститься столько воды. Прежде чем нам удалиться от Сартаха, вышеупомянутый Койяк вместе со многими другими писцами двора сказал нам: "Не говорите, что наш господин - христианин, он не христианин, а Моал", так как название "христианство" представляется им названием какого-то народа. Они превознеслись до такой великой гордости, что хотя, может быть, сколько-нибудь веруют во Христа, однако не желают именоваться христианами, желая свое название, т.е. Моал, превознести выше всякого имени; не желают они называться и Татарами. Ибо Татары были другим народом, о котором я узнал следующее.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сартах, Мангу-хан и Кен-хан оказывают почет христианам. Происхождение Чингиса и Татар

Именно, в то время, когда Франки взяли Антиохию, единовластие в упомянутых северных странах принадлежало одному лицу, по имени Кон-хан. Кон - имя собственное, а хан - обозначение достоинства, значит же оно то же, что прорицатель. Всех прорицателей они называют хан. Отсюда их государи называются хан, так как в их власти находится управление народом путем

прорицания. Поэтому в истории Антиохии читаем, что Турки послали за помощью против Франков к королю Кон-хану. Ибо из этих стран явились все Турки. Этот Кон был Каракатай. Кара значит то же, что "черный", а Катай - название народа, откуда Каракатай значит то же, что "черный Катай". И это они говорят для различия их от Катаев, живущих на востоке над океаном, о которых я скажу вам впоследствии. Эти Катаи жили на неких горах, через которые я переправлялся, а на одной равнине между этих гор жил некий несторианин пастух (pastor), человек могущественный и владычествующий над народом, именуемым Найман (Naiman) и принадлежавшим к христианам-несторианам. По смерти Кон-хана этот несторианец превознес себя в короли, и несториане называли его королем Иоанном, говоря о нем вдесятеро больше, чем согласно было с истиной. Именно так поступают несториане, прибывающие из тех стран: именно из ничего они создают большие разговоры, поэтому они распространили и про Сартаха, будто он христианин; то же говорили они про Мангу-хана и про Кен-хана и потому только, что те оказывают христианам большее уважение, чем другим народам; и однако на самом деле они не христиане. Таким-то образом распространилась громкая слава и об упомянутом короле Иоанне; и я проехал по его пастбищам; никто не знал ничего о нем, кроме немногих несториан. На его пастбищах живет Кен-хан, при дворе которого был брат Андрей, и я также проезжал той дорогой при возвращении. У этого Иоанна был брат, также могущественный пастух, по имени Унк; он жил за горами Каракатаев, на три недели пути от своего брата, и был властелином некоего городка, по имени Каракарум; под его властью находился народ, именовавшийся Крит и Меркит и принадлежавший к христианам-несторианам. А сам властелин их, оставив почитание Христа, следовал идолам, имея при себе идольских жрецов, которые все принадлежат к вызывателям демонов и к колдунам. За его пастбищами, в расстоянии на 10 или 15 дневных переходов, были пастбища Моалов; это были очень бедные люди, без главы и без закона, за исключением веры в колдовство и прорицания, чему преданы все в тех странах. И рядом с Моалами были другие бедняки, по имени Тартары (Tartar). Король Иоанн умер без наследника, и брат его Унк обогатился и приказывал именовать себя ханом; крупные и мелкие стада его ходили до пределов Моалов. В то время в народе Моалов был некий ремесленник Чингис; он воровал, что мог, из животных Унк-хана, так что пастухи Унка пожаловались своему господину. Тогда тот собрал войско и поехал в землю Моалов, ища самого Чингиса, а тот убежал к Татарам и там спрятался. Тогда Унк, взяв добычу от Моалов и от Татар, вернулся. Тогда Чингис обратился к Татарам и Моалам со следующими словами: "Так как у нас нет вождя, наши соседи теснят нас". И Татары, и Моалы сделали его вождем и главою. Тогда, собрав тайком войско, он ринулся на самого Унка и победил его; тот убежал в Катайю. Там попала в плен его дочь, которую Чингис отдал в жены одному из своих сыновей; от него зачала она ныне царствующего Мангу. Затем Чингис повсюду посылал вперед Татар, и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: "Вот идут Татары". Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Отсюда упомянутые Моалы ныне хотят уничтожить это название и возвысить свое. Та земля, в которой они были сперва и где находится еще двор Чингис-хана, называется Онанкеруле. Но так как Каракарум есть местность, вокруг

которой было их первое приобретение, то они считают этот город за царственный и поблизости его выбирают своего хана.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

О Русских, Венграх, Аланах и о Каспийском море

Что касается до Сартаха, то я не знаю, верует ли он во Христа, или нет. Знаю только, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан. Именно он живет на пути христиан, то есть Русских, Валахов (Власогум), Булгаров Малой Булгарии, Солдаинов, Керкисов и Аланов, которые все проезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан. Однако, если бы явились Саррацины и привезли больше, их отправили бы скорее. Он имеет также около себя священников несториан, которые ударяют в доску и поют свою службу. У Бату есть еще брат, по имени Берка (Жегга), пастбища которого находятся в направлении к Железным Воротам, где лежит путь всех Саррацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берки, привозят ему дары. Берка выдает себя за Саррацина и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо. Тогда, при нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с того места за Этилию к востоку, не желая, чтобы послы Саррацинов проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным. В те же четыре дня, когда мы были при дворе Сартаха, о нашей пище вовсе не заботились, кроме того, что раз дали нам немного кумысу. А на пути между ним и его отцом мы ощущали сильный страх: именно Русские, Венгры и Аланы, рабы их (Татар?), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух увозят с собою, чтобы в случае нужды съесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи. Во время этого пути мы умерли бы с голоду, если бы не взяли с собой немного сухарей. Итак мы добрались до Этилии, весьма большой реки. Она вчетверо больше, чем весьма глубокая Сена; начинается Этилия из Великой Булгарии, лежащей к северу, направляется к югу и впадает в некое озеро или в некое море, которое ныне называется море Сиркан по имени некоего города, лежащего на берегу его в Персии. А Исидор называет его Каспийским морем. К югу от него находятся Каспийские горы и Персия, а к востоку горы Мулигек, то есть Человекоубийц (Ахасиногум), которые соприкасаются с Каспийскими горами, к северу же от него находится та пустыня, в которой ныне живут Татары. Прежде же там были некие Команы, называвшиеся Кангле. С этой-то стороны море принимает Этилию, которая летом увеличивается, как Египетский Нил. К западу же от Каспийского моря находятся Аланские горы, Лесги, Железные Ворота и горы Георгианов. Стало быть, это море с трех сторон окружено горами, а с северной стороны к нему прилегает равнина. Брат Андрей лично обогнул две стороны его,

именно южную и восточную, я же другие две, именно северную при путешествии от Бату к Мангу-хану и равным образом при возвращении, западную же - при возвращении от Бату в Сирию. Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это - залив, выходящий из океана, ибо он нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружен землей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О дворе Бату и том, как он нас принял

Вся эта страна от западной стороны того моря, где находятся Железные Ворота Александра и горы Аланов, до северного океана и Болот Меотиды, где начинается Танаид, обычно называлась Албанией. Исидор говорит про нее, что там водятся собаки такие большие и такие свирепые, что они хватают волов и умерщвляют львов. Это верно, судя по тому, что я узнал от рассказывавших, как там, в направлении к северу, собаки, в силу своей величины и крепости, тянут повозки, как быки. Итак в том месте, где мы остановились на берегу Этилии, есть новый поселок, который Татары устроили вперемешку из Русских и Саррацинов, перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда, потому что Бату находится на другом берегу в восточном направлении, и он не проходит через это место, где мы остановились, когда поднимается летом, а он уже начал спускаться. Именно с января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться. Итак, мы спустились на корабле от этого поселка до двора Бату, и от этого места до городов Великой Булгарии к северу считается пять дней пути. И я удивляюсь, какой дьявол занес сюда закон Магомета. Ибо от Железных Ворот, находящихся в конце Персии, требуется более тридцати дней пути, чтобы, поднимаясь возле Этилии, пересечь пустыню до упомянутой Булгарии, где нет никакого города, кроме неких поселков вблизи того места, где Этилия впадает в море; и эти Булгаре - самые злейшие Саррацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой. Итак, когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье. И как в Израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома [с повозок]. Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так как он всегда находится по середине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо пред двором или напротив двора. Итак, нас отвели сперва к одному Саррацину, который не позаботился для нас ни о какой пище. На следующий день нас отвели ко двору, и Бату приказал раскинуть большую палатку, так как дом его не мог вместить столько мужчин и столько женщин, сколько их собралось. Наш проводник внушил нам, чтобы мы ничего не

говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко. Он спросил также, отправляли ли вы к ним послов. Я сказал, что вы посылали их к Кен-хану и что не отправляли бы ни послов к нему, ни грамоты к Сартаху, если бы не думали, что они были христианами, так как вы послали нас не из-за какого-нибудь страха, а с целью поздравления, потому что вы слышали, что они - христиане. Затем он отвел нас к шатру [павильону, papilionem], и мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривают как порог дома. Мы стояли там в нашем одеянии босиком с непокрытыми головами, представляя и в собственных глазах великое зрелище.

Там был брат Иоанн де Поликарпо, но он переменял платье, чтобы не подвергнуться презрению, так как был послом Господина Папы. Тогда нас провели до середины палатки и не просили оказать какое-либо уважение преклонением колен, как обычно делают послы. Итак мы стояли перед ним столько времени, во сколько можно произнести "Помилуй мя, Боже", и все пребывали в глубочайшем безмолвии. Сам же он сидел на длинном троне, широком, как ложе, и целиком позолоченном; на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа. Мужчины же сидели там и сям направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить на своей стороне, так как там были только жены Бату, заполняли мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла при входе в палатку. Итак Бату внимательно осмотрел нас, а мы его; и по росту, показалось мне, он похож на господина Жана де Бомон, да почиет в мире его душа. Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами. Наконец он приказал нам говорить. Тогда наш проводник приказал нам преклонить колена и говорить. Я преклонил одно колено, как перед человеком. Тогда Бату сделал мне знак преклонить оба, что я и сделал, не желая спорить из-за этого. Тогда он приказал мне говорить, и я, вообразя, что молюсь Богу, так как преклонил оба колена, начал речь с молитвы, говоря: "Государь, мы молим Бога, от которого исходят все блага и который дал вам сии земные, чтобы после этого он даровал вам небесные, так как первые без последних ничтожны". Он внимательно выслушал, и я прибавил: "Знайте за верное, что не получите небесных благ, если не станете христианином. Ибо сказал Бог: "Кто уверует и крестится, спасен будет. Кто же не поверит, будет осужден". При этом слове он скромно улыбнулся, а другие Моалы начали хлопать в ладоши, осмеивая нас, и мой толмач оцепенел, так что надо было ободрить его, чтобы он не боялся. Затем, когда настала тишина, я сказал: "Я прибыл к вашему сыну, так как мы слышали, что он - христианин, и я привез ему грамоту от господина короля Франков. Он сам послал меня сюда к вам. Вы должны знать, по какой причине". Тогда он приказал мне встать и спросил об имени вашем, моем, моего товарища и толмача и приказал все записать; так как он знал, что вы вышли из вашей земли с войском, то спросил также, против кого ведете вы войну. Я ответил: "Против Саррацинов, оскорбляющих дом Божий в Иерусалиме". Он спросил также, отправляли ли вы когда-нибудь к нему послов. "К вам, - сказал я, - никогда". Тогда он приказал нам сесть и дать выпить молока; это они считают очень важным, когда кто-нибудь пьет с ним кумыс в его доме. И так как я, сидя, смотрел в землю, то он приказал мне поднять лицо, желая еще больше рассмотреть нас или, может быть, от суеверия, потому что они считают за дурное знамение или признак, или за дурное предзнаменование, когда кто-нибудь сидит перед ними, наклонив лицо, как бы печальный, особенно если он опирается на руку щекой или подбородком. Затем мы вышли, и спустя немного к нам пришел наш проводник и, отведя нас в назначенное помещение, сказал мне: "Господин король просит, чтобы ты остался в этой земле, а этого Бату не может сделать без вехома Мангу-хана. Отсюда следует, чтобы ты и твой толмач отправились к Мангу-хану; а твой товарищ и другой человек вернутся ко двору Сартаха, ожидая там, пока ты не вернешься". Тогда мой толмач, человек Божий, начал скорбеть, считая себя погибшим, а товарищ мой стал свидетельствовать, что пусть ему лучше отрубят голову, чем он отделится от меня.

И я сказал, что не могу отправиться без товарища, прибавив, что мы очень нуждаемся в двух служителях, так как если кому случится захворать, то другой не может оставаться одиноким. Тогда он, вернувшись ко двору, передал эти слова Бату. Тогда тот приказал: "Пусть отправляются два священника и толмач, а причетник пусть вернется к Сартаху"! Проводник, вернувшись, сообщил нам это решение, а когда я хотел говорить в защиту причетника, чтобы тот ехал с нами, проводник сказал: "Не рассуждайте больше, так как Бату решил, и я не смею больше возвращаться ко двору". Из вашей благостыни у причетника Госсета было 26 иперперов, не больше; 10 из них он удержал для себя и для служителя, а 16 отдал Божьему человеку для нас, и так мы расстались друг с другом со слезами: он вернулся к Сартаху, а мы остались там.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

О пути братьев ко двору Мангу-хана

Накануне Успения наш причетник прибыл ко двору Сартаху, а на следующий день священники-несториане, облаченные в наши одеяния, были перед лицом Сартаху. Меж тем нас отвели к другому хозяину, который должен был заботиться для нас о помещении, пище и конях. Но так как у нас не было, что дать ему, то он делал все плохо. И мы ехали с Бату, спускаясь возле Волги, в течение 5 недель. Иногда мой товарищ ощущал столь сильный голод, что говорил мне почти со слезами: "Мне кажется, что я никогда не получу есть". Рынок всегда следует за двором Бату, но этот базар был так далек от нас, что мы не могли пойти туда. Ибо нам приходилось, за недостатком лошадей, идти пешком. Наконец, нас нашли некие Венгры, которые некогда были причетниками; один из них умел еще многое петь наизусть, и другие Венгры считали его как бы за священника, призывая его для погребения умерших соотечественников; а другой был достаточно сведущ в грамматике, так как понимал все то, что мы говорили ему по буквам, но не умел отвечать; они доставили нам большое утешение, принося кумысу для питья, а иногда и мяса для еды. Они попросили у нас каких-нибудь книг, а у меня не было, что я мог бы дать, ибо у меня не было никаких книг, кроме Библии и служебника, поэтому я сильно опечалился. Затем я сказал им: "Принесите нам бумаги, и я напишу вам, пока мы будем здесь". Они это и исполнили, и я написал те и другие часы Святой Девы и службу по усопшим. Однажды днем к нам подошел некий Коман, сказавший нам привет латинской речью: "Здравствуйте, господа!" Я с удивлением приветствовал его в ответ и спросил, кто научил его этому приветствию; он сказал, что наши братья в Венгрии его крестили и научили приветствию. Он сказал также, что Бату много спрашивал у него про нас и что он рассказал ему правила нашего ордена. Я видел Бату разъезжавшим с своим отрядом, и все главы семейств ездят с ним. По моему расчету, их было менее пятисот человек. Наконец, около праздника Воздвижения Святого Креста пришел к нам некий богатый Моал, отец которого был тысячником, что считается важным среди них, и сказал: "Я должен отвести вас к Мангу-хану; это - путь четырех

месяцев, и там стоит столь сильный холод, что от него раскалываются камни и деревья. Смотрите, сможете ли вы выдержать". Я ответил ему: "Надеюсь на милость Божию, что мы выдержим то, что могут выдерживать другие люди". Тогда он сказал: "Если не сможете выдержать, я оставлю вас на дороге". Я ответил ему: "Это было бы несправедливо, так как мы отправились не по своей воле, а только посланы вашим государем, поэтому с тех пор, как мы вам доверились, вы не должны нас покидать". Тогда он сказал: "Все будет хорошо". После этого он приказал нам показать ему все наши платья и, что ему казалось менее необходимым, велел оставить под охраной нашего хозяина. На следующий день каждому из нас принесли по овечьей шубе с длинной шерстью, штаны из того же меха, сапоги или полусапожки согласно их обычаю, а также войлочные башмаки и меховые шапки согласно их обычаю. На второй день после Воздвижения Святого Креста мы выехали, причем у нас троих было две вьючные лошади, и мы ехали, не переставая, в восточном направлении вплоть до дня праздника Всех Святых. И по всей той земле, и еще дальше жили Канглы, какие-то родственники Команов. К северу от нас была Великая Булгария, а к югу вышеупомянутое Каспийское море.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

О реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране

Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак; она течет с севера из земли Паскатир и впадает в вышеупомянутое море. Язык Паскатир и Венгров - один и тот же; это - пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария - последняя страна, имеющая город. Из этой земли Паскатир вышли Гунны, впоследствии Венгры, а это, собственно, и есть Великая Булгария. И Исидор говорит, что на быстрых конях они переправились через преграды Александра, удерживавшие дикие народы скалами Кавказа, так что им платили дань вплоть до Египта. Они разорили также все земли вплоть до Франции, поэтому они обладали бСльшим могуществом, чем нынешние Татары. С ними боролись Валахи, Булгары и Вандалы. Ибо те Булгары, которые живут за Дунаем вблизи Константинополя, вышли из упомянутой Великой Булгарии. И вблизи Паскатир живут Иллак, что значит то же, что Блак, но Татары не умеют произносить Б; от них произошли те, кто живет в земле Ассана. Ибо обоих, как тех, так и этих, именуют Иллак. Язык Русских, Поляков, Чехов (Воетогит) и Славян один и тот же с языком Вандалов, отряд которых всех вместе был с Гуннами, а теперь по большей части с Татарами, которых Бог поднял из более отдаленных стран, не народ и племя несмысленное, по словам Господним: "Я вызову их, то есть не хранящих своего закона, чрез того, кто не народ, и раздражу их племенем несмысленным". Это исполняется буквально над всеми народами, не хранящими закона Христова. То, что я сказал о земле Паскатир, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар, и с того времени жители

ее были покорены соседними Булгарами и Саррацинами, и многие из них стали Саррацинами. Другое можно узнать из летописей, так как известно, что области за Константинополем, именуемые ныне Булгарией, Валахией и Славонией, были областями Греков. Венгрия таким образом была Паннонией. Итак, мы ехали через землю Кангле от праздника Святого Креста до праздника Всех Святых, причем почти всякий день, как я мог рассчитать, делали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана, а иногда и больше, смотря по тому, какое у нас было количество лошадей. Именно иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа, и тогда приходилось ехать медленнее. Из 20 или 30 лошадей у нас всегда были худшие, так как мы были чужестранцами. Ибо все, ехавшие раньше нас, брали лучших лошадей. Для меня всегда сохраняли крепкого коня, так как я был очень дорожен, но я не смел предлагать вопрос о том, хорошо ли идет конь, или нет, не смел я также жаловаться, если он имел не рысистый шаг, но каждому надлежало терпеть свою участь. Отсюда для нас возникали весьма тягостные затруднения, так как неоднократно лошади утомлялись раньше, чем мы могли добраться до народа, и тогда нам надлежало их погонять и бить кнутом, даже перекладывать одежду на других вьючных лошадей, переменять коней на вьючных лошадей, а иногда двоим ехать на одной лошади.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О голоде, жажде и иных бедствиях, которые мы испытали в этом пути

Нет числа нашим страданиям от голода, жажды, холода и усталости. Пищу они дают только вечером. Утром дают что-нибудь выпить или проглотить пшена. Вечером же давали нам мяса - баранье плечо с ребрами, а также выпить известное количество супа. Когда у нас было мясного супа досыта, мы отлично подкреплялись, и он казался мне весьма вкусным напитком и весьма питательным. В пятницу я пребывал в посте до ночи, не делая ни глотка, а затем мне надлежало с печалью и скорбью вкушать мясо. Иногда, когда мы попадали на ночлег с наступлением уже темноты, нам приходилось есть мясо полусваренное или почти сырое вследствие недостатка пищи для огня, так как тогда мы не могли набрать достаточно бычачьего или конского навозу. Другую пищу для огня мы находили редко, разве только кое-где какой-нибудь терновник. Также по берегам некоторых рек растут кое-где леса, но это бывает редко. Вначале наш проводник очень презирал нас и чувствовал отвращение, провожая столь низких людей. Впоследствии, однако, когда он начал нас лучше узнавать, он провожал нас через дворы богатых Моалов, и нам надлежало молиться за них. Поэтому, будь у меня хороший толмач, я имел бы удачный случай посеять много добра. У упомянутого Чингиса, первого хана, было четыре сына, от которых произошли многие; все они имеют теперь большие дворы и ежедневно множатся и распространяются по пустыне, обширной, как море. Итак, через владения многих из них вез нас наш проводник. И они удивлялись превыше меры, почему мы не хотели брать золото,

серебро и драгоценные одежды. Они спрашивали также о великом Папе, так ли он стар, как они слышали. Именно они слышали, что ему пятьсот лет. Спрашивали они о наших землях, водится ли там много овец, быков и коней. О море-океане они не могли понять, что оно беспредельно или безбрежно. Накануне дня Всех Святых мы оставили дорогу на восток, так как Татары уже значительно спустились к югу, и направили, через какие-то горы, путь прямо на юг, в течение 8 дней подряд. В этой пустыне я видел многих ослов, именуемых кулам, которые больше похожи на мулов; наш проводник и его товарищи усиленно их преследовали, но ничего не достигли вследствие их чрезмерной быстроты. На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы въехали на равнину, которая орошалась, как сад, и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника Всех Святых мы въехали в некий Саррацинский город, по имени Кинчат. Глава его выехал навстречу нашему проводнику с пивом и чашами. Ибо у них существует такой обычай, что изо всех городов, им подчиненных, послов Бату и Мангу-хана встречают с пищей и питьем. В то время там ходили по льду, и еще раньше, начиная с праздника святого Михаила, в степи стояли морозы. Я спросил о названии этой области; так как мы были уже на другой территории, они не умели мне сказать иначе, как по имени города, который был очень мал. И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Об умерщвлении Бури и о жилищах Немцев в этой земле

На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам, и я спросил про горы, про которые узнал, что это были горы Кавказа, которые соприкасаются с обеими сторонами моря от запада к востоку. Тут также узнал я, что мы уже проехали вышеупомянутое море, в которое втекает Этилия. Я спросил также о городе Талас, в котором были Немцы, рабы Бури, про которых говорил брат Андрей и про которых я также много спрашивал при дворе Сартаха и Бату. Я не мог узнать ничего, кроме того, что Бури, господин их, был убит по такому случаю: он не имел хороших пастбищ и однажды, когда был пьян, стал так рассуждать со своими людьми: "Разве я не из рода Чингис-хана, как Бату (а он был племянником или братом Бату)? Почему и мне, как Бату, не идти на берег Этилии, чтобы там пасти стада?" Эти слова были доложены Бату. Тогда Бату написал его людям, чтобы они привели к нему господина их связанным, что те и сделали. Тогда Бату спросил у него, говорил ли он подобные речи, и тот сознался. Однако он извинился тем, что был пьян, так как они обычно прощают пьяных. И Бату ответил: "Как ты смел называть меня в своем опьянении?" И затем приказал отрубить ему голову. Об этих Немцах я не мог узнать ничего вплоть до приезда ко двору Мангу-хана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади нас возле гор, на

шесть дней пути. Когда я прибыл ко двору Мангу-хана, то узнал, что сам Мангу перевел их, с позволения Бату, к востоку на расстояние месяца пути от Таласа, в некий город, по имени Болат, где они копают золото и делают оружие; поэтому я не мог попасть в их страну в оба мои проезда, туда и обратно. Однако я проехал на пути туда довольно близко, может быть, всего на три дня пути, от этого города. Но я не знал этого, да и не мог также отклониться от дороги, если бы и хорошо знал ее. От упомянутого поселка мы направились к востоку прямо к вышеупомянутым горам, и с того времени мы въехали в среду людей Мангу-хана, которые везде пели и рукоплескали пред лицом нашего проводника, так как он был послом Бату. Этот почет они оказывают друг другу взаимно, так что люди Мангу принимают вышеупомянутым способом послов Бату и равным образом люди Бату послов Мангу-хана. Однако люди Бату стоят выше и не исполняют этого так тщательно. Через несколько дней после этого мы въехали в горы, на которых обычно живут Каракатаи, и нашли там большую реку, через которую нам надлежало переправиться на судне. После этого мы въехали в одну долину, где увидели какой-то разрушенный замок, стены которого были только из глины, и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город по имени Эквиус, в котором жили Саррацины, говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии. На следующий день, переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море. Летом мы возвращались с северного бока этого моря, где равным образом были большие горы. На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены Татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища. Мы нашли там большой город по имени Кайлак, в котором был базар, и его посещали многие купцы. В нем мы отдыхали 12 дней, ожидая одного секретаря Бату, который должен был быть товарищем нашего проводника в устройении дел при дворе Мангу. Земля эта прежде называлась Органум, и жители ее имели собственный язык и собственные письмена. Но теперь она была вся занята Туркоманами. Этими письменами и на этом языке несториане из тех стран прежде даже справляли службу и писали книги, и, может быть, отсюда ведут название органы, так как там были, как мне говорили, наилучшие гитаристы или органисты. Там впервые видел я идолопоклонников, имеющих, как вы узнаете, многочисленные секты на Востоке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О смещении несториан и Саррацинов и об их идолопоклонстве

Прежде всего назову Югуров, земля которых соприкасается с вышеупомянутой землей Органум, именно между названных гор в восточном направлении, во всех городах их перемешаны несториане и Саррацины, и отдельные лица из них самих

также живут в городах Саррацинов в направлении к Персии. В вышеупомянутом городе Кайлаке они имели три кумирни; в две из них я заходил, чтобы увидеть эти безумия. В первой я нашел некоего человека, имевшего у себя на руке крестик из чернил; отсюда я поверил, что он - христианин, ибо на все, что я спрашивал у него, он отвечал, как христианин. Поэтому я спросил у него: "Почему же вы не имеете здесь креста и изображения Иисуса Христа?" Он ответил: "У нас это не в обычае". Отсюда я поверил, что они христиане, но пренебрегают этим по недостатку образования. Все же я там видел за сундуком, служащим им вместо алтаря, на который они ставят светильники и жертвы (oblationes), какое-то изображение, имевшее крылья как у святого Михаила, и другие изображения вроде епископов, державших пальцы как бы для благословения. В тот вечер я не мог узнать ничего другого, так как Саррацины настолько избегают их, что даже не желают о них и говорить. Отсюда, когда я спрашивал у Саррацинов об обрядах Югуров, они оскорблялись. На следующий день было первое число и пасха Саррацинов, и я переменял помещение, так что меня поселили рядом с другой кумирней. Ибо тамошние люди принимают послов [поочередно] каждый по степени своего могущества и по своим средствам. Войдя тогда в упомянутую кумирню, я нашел там жрецов идольских. Именно первого числа они открывают свои храмы, и жрецы облачаются, возносят фимиам, поднимают светильники и возносят жертвы народа, состоящие из хлеба и плодов.

Итак, прежде всего я опишу вам все обряды всех идолопоклонников, а после того тех Югуров, которые являются как бы сектой, отделенной от других. Все они молятся на север, хлопая в ладоши и простираясь на землю на согнутых коленях, причем челом опираются на руки. Отсюда несториане в тех странах отнюдь не соединяют рук для молитвы, а молятся, протянув руки пред грудью. Идолопоклонники ставят свои храмы в направлении с востока на запад и в северной стороне устраивают комнату, выступающую наподобие клироса (cozum), а иногда, если дом четырехугольный, эта комната бывает в середине дома. С северного бока они делают углубление на месте клироса. Там они помещают сундук, длинный и широкий, как стол. И за этим сундуком, к югу, ставят они главный идол, который я видел в Каракаруме такой же величины, как рисуют блаженного Христофора. Один несторианский священник, прибывший из Катайи, говорил мне, что в этой земле есть идол такой большой, что его можно видеть издали за два дня пути. Кругом ставят они другие идолы; все они очень красиво позолочены. На этом сундуке, который напоминает собою стол, они ставят светильники и жертвы. Все двери храмов открываются на юг противоположно обычаю Саррацинов. Точно так же у идолопоклонников, как и у нас, есть большие колокола; поэтому, думаю я, восточные христиане не пожелали иметь их. У Русских, однако, и у Греков в Газарии они имеются.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Об их храмах и идолах и о том, как они отправляют службу своим богам

Точно так же все жрецы их бреют целиком голову и бороду; одеяние их желтого цвета; с тех пор как они обреют голову, они хранят целомудрие и должны жить по сто или по двести зараз в одной общине. В те дни, когда они входят в храм, они ставят две скамьи и сидят в направлении клироса, но против него, на земле, держа в руках книги, которые иногда кладут на упомянутые скамейки, и, пока они в храме, головы их открыты; они читают в молчании и сохраняют молчание. Отсюда, когда я в Каракаруме вошел в один храм их и застал их так сидящими, я на разные лады пробовал вызвать их на разговор и никоим образом не мог. Куда бы они ни шли, они имеют также постоянно в руках какую-то веревочку со стами или двумястами ядрышками, как мы носим четки, и повторяют постоянно следующие слова: "on mani bassam", то есть "Господи, ты веси", как один из них перевел мне это, и он столько раз ожидает благодарности от бога, сколько раз, говоря это, вспоминает о боге.

Около своего храма они всегда устрояют красивый притвор, который замыкают крепкой стеной, и к югу устрояют большие ворота, в которых садятся для разговоров. Над этими воротами они воздвигают длинный шест, чтобы он выдавался, если можно, над всем городом. И по этому шесту можно узнать, что этот дом - храм идолов. Это обще всем идолопоклонникам. Итак, когда я вошел в упомянутую кумирню, я застал жрецов сидящими у наружных ворот. Те, кого я видел, казались мне Франками по своим бритым бородам. На головах у них были татарские тиары. Жрецы этих Югуров имеют следующее одеяние: куда бы они ни шли, они постоянно носят желтые рубашки, довольно узкие; подпоясаны они сверху прямо, как Франки; плащ они носят на левом плече; он, спускаясь, покрывает грудь и спину до правого бока, как облачение у дьякона во время четырехдесятницы. Татары приняли их письма. Они начинают писать сверху и ведут строку вниз; таким же образом они читают и продолжают строки слева направо. Они усиленно пользуются для волшебства бумагой и буквами, откуда храмы их наполнены висящими краткими изречениями (brevibus). И Мангу-хан посылает вам грамоту на языке Моалов, но письмами Югуров. Они сожигают своих умерших по старинному обряду и сохраняют прах на вершине пирамиды. Итак, когда, войдя в их храм и осмотрев много их идолов, как больших, так и малых, я сел рядом с вышеупомянутыми жрецами, то спросил их, как они веруют в Бога. Они ответили: "Мы веруем только в единого Бога". И я спросил: "Веруете ли вы, что Он дух или нечто телесное?" Они сказали: "Мы веруем, что Он дух". Тогда я спросил: "Веруете ли вы, что Он никогда не принимал человеческой природы?" Они ответили: "Никогда". Тогда я спросил: "Раз вы веруете, что Он только один и дух, почему вы делаете для Него телесные изображения и в таком количестве? Сверх того, раз вы не веруете, что Он стал человеком, почему вы делаете для Него предпочтительнее изображения людей, а не другого животного?" Тогда они ответили: "Мы не представляем в этих изображениях Бога, а когда какой-нибудь богач из наших умирает, то или сын его, или жена, или кто-нибудь дорогой для него приказывает сделать изображение умершего и ставит его здесь, а мы чтим его в память его". Я сказал им: "Тогда, стало быть, вы делаете это только ради лести людям". - "Нет, - отвечали они, - а на память о нем". Затем они спросили у меня как бы в насмешку: "Где находится Бог?" Я возразил им: "Где находится душа ваша?" Они сказали: "В нашем теле". Я спросил их: "Разве она не находится повсюду в

вашем теле и не управляет им всем, а все-таки невидима? Так и Бог находится повсюду и всем распорядится, однако Он невидим, так как Он разумение и мудрость". Затем, когда я хотел дальше рассуждать с ними, мой толмач, утомившись и не желая переводить разговор, заставил меня замолчать. Моалы или Татары принадлежат к их сектам в том отношении, что они веруют только в единого Бога, однако они делают из войлока изображения своих умерших, одевают их драгоценнейшими тканями и кладут на одну повозку или на две. К этим повозкам никто не смеет касаться, и они находятся под охраной их прорицателей, которые являются их жрецами, о которых я после расскажу вам. Эти прорицатели находятся всегда пред двором самого Мангу и других богачей. Ибо у бедных их нет, за исключением принадлежащих к роду Чингиса. И, когда они должны ехать, эти прорицатели предшествуют им, как облачный столб сынам Израиля, и они выбирают место, где разбить лагерь, и затем первые снимают свои дома, а за ними весь двор. И затем, если наступает праздничный день или первое число месяца, они извлекают вышеупомянутые изображения и ставят их в порядке вокруг в своем доме. Затем приходят сами Моалы и вступают в тот дом, кланяются этим изображениям и чтут их. И в этот дом нельзя входить ни одному чужестранцу. Один раз я хотел войти, но меня очень жестоко выбрали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

О разных народах этих стран и о тех, кто имели обычай есть своих родителей

Упомянутые Югуры, которые перемешаны с христианами и Саррацинами, как я думаю, путем частых рассуждений пришли к тому, что веруют только в единого Бога. Они жили в городах, которые сперва повиновались Чингис-хану, и оттуда он отдал в жены их царю свою дочь. И самый Каракарум стоит как бы на их территории, и вся земля короля или Пресвитера Иоанна и его брата, Унка, находится вокруг их земель. Но эти последние живут на пастбищах к северу, а Югуры среди гор к югу. От этого вышло, что Моалы заимствовали их письмена, и Югуры являются главными писцами среди них, и почти все несториане знают их письмена. За ними к востоку, среди упомянутых гор, живут Тангуты, очень храбрые люди, которые пленили на войне самого Чингиса; по заключении мира он был ими отпущен, а впоследствии покорил их. У них водятся очень сильные быки, с хвостами, полными волос, как у лошадей; также и брюхо, и спина их богаты волосами. В ногах они ниже других быков, но гораздо сильнее их. Эти быки тянут большие дома Моалов и имеют рога тонкие, длинные, изогнутые и очень острые, так что верхушки их всегда надлежит отрезать. Корова не дает себя доить, если пред нею не начать петь. Эти быки по своей природе имеют то сходство с буйволом, что если они видят человека, одетого в красный цвет, то бросаются на него, желая умертвить. За этим народом живут Тибетцы, люди, пожирившие прежде своих умерших родителей, так как по чувству сыновней любви они не признают для них другой могилы, кроме своих внутренностей. Теперь, однако, они это оставили, так как стали возбуждать отвращение у всех народов. Однако они все

еще делают красивые чаши из голов родителей, чтобы при питье из этих чаш вспоминать о родителях во время своего наслаждения. Это рассказал мне очевидец. В земле их имеется много золота, поэтому кто нуждается в золоте, копает, пока не найдет его, и берет, когда нуждается, скрывая остальное в землю. Ибо если он станет прятать золото в сокровищницу или сундук, то верует, что Бог отнимет у него другое, которое находится в земле. Среди этих людей я видел очень безобразных личностей. Среди Тангутов я видел людей больших, но смуглых. Югуры роста среднего, как наши соотечественники. У Югуров заключается источник и корень турецкого и команского наречия. За Тибетанцами живут Лонга и Соланга, послов которых я видел при дворе; они привели более десяти повозок, каждую из которых тянули шесть быков. Эти люди маленького роста и смуглые, как Испанцы. Они носят рубашки, такие же, как облачение (*supertunicale*) у диакона, с немного более тесными рукавами, а на голове имеют митру, как епископы, но передняя часть ее немного ниже, чем задняя, и она оканчивается не одним углом, а сверху четырехугольна. Митры эти сделаны из крепкого черного холста и до такой степени выглажены, что при солнечных лучах блестят, как зеркало или хорошо отполированный шлем; вокруг висков они носят длинные ленты из такой же материи и пришитые к самой митре, которые развеваются на ветре, как два рога, выходящие из висков, и, когда ветер сильно волнует эти ленты, их складывают посредине митры сверху от виска к виску, так что они лежат поперек головы, как круг; это очень красивое украшение для головы. Главный посол их всегда, когда приходил ко двору, имел дощечку из слоновой кости, длиною в локоть, а шириною в ладонь, очень гладкую. И когда он говорил с самим ханом или с каким-нибудь важным человеком, он всегда глядел на эту дощечку, как будто находя в ней то, что он говорил; он не глядел при этом ни направо, ни налево, ни в лицо того, с кем говорил. И, приходя пред лицо государя и уходя от него, он не смотрит никуда, кроме своей дощечки. За этими народами, как я узнал, наверное, живут еще люди, по имени Мук; у них есть города, но они не берут себе в частную собственность никаких животных. Однако в их земле пасется много стад как крупного, так и мелкого окота, но никто их не караулит; а когда кто-нибудь нуждается в каком-нибудь животном, он взбирается на холм и кричит; тогда все животные, слыша его крик, подходят к нему и позволяют обращаться с собой, как с домашним скотом. И если посол или какой-нибудь иностранец прибывает в ту страну, они, до окончания его дела, запирают его в доме, доставляя все необходимое, так как если бы иностранец поехал по стране, животные разбежались бы от его запаха и стали бы дикими. Далее находится великая Катайя, жители которой, как я полагаю, в древности назывались Серами (*Seres*). Ибо от них прибывают самые лучшие шелковые ткани, называемые по-латыни по имени этого народа *serici*, а народ называется Серами от некоего их города. Я достоверно узнал, что в этой стране есть город с серебряными стенами и золотыми башнями. В этой земле есть много областей, большинство которых еще не повинуетя Моалам, и между ними [Серами?] и Индией лежит море. Эти Катай люди маленького роста, при разговоре они усиленно дышат ноздрями; у всех жителей Востока то общее, что они имеют небольшое отверстие для глаз. Катай отличные работники во всяком ремесле, и их медики очень хорошо знают действие трав и отлично рассуждают о пульсе, а мочегонных средств они не употребляют, да и вообще о моче ничего не

знают. Я это заметил. Многие из них живут в Каракаруме, и у них всегда существует обычай, чтобы все сыновья занимались тем же искусством, каким занимается отец. И потому они платят столь большую дань, именно они отдают Моалам ежедневно тысячу пятьсот иаскотов, или космос; иаскот есть кусок серебра, весящий десять марок. Таким образом они платят всякий день 15 тысяч марок, помимо шелковых тканей и съестных припасов, которые берут отсюда Моалы, и других услуг, оказываемых им Катаями. Все эти племена живут среди гор Кавказа, но у северных склонов этих гор, вплоть до восточного океана, с южной стороны Скифии, которую населяют пастухи Моалы; все племена платят им дань и все преданы идолопоклонству и рассказывают басни про множество богов, про некоторых обоготворенных людей и про родословную богов, как поступают и наши поэты. Между ними, в качестве пришельцев, примешаны вплоть до Катайи несториане и Саррацины. В 15 городах Катайи живут несториане и имеют там епископа в городе по имени Сегин, а дальше находятся чистые идолопоклонники. Жрецы идолов названных племен все носят широкие желтые капюшоны. Есть также среди них, как я узнал, в лесах и горах какие-то пустынники удивительной жизни и строгости. Несториане там ничего не знают. Они произносят свою службу и имеют священные книги на Сирийском языке, которого не знают, отсюда они поют, как у нас монахи, совершенно не знающие грамоты, и отсюда они совершенно развращены. Прежде всего они лихоимцы и пьяницы; некоторые из них, живущие вместе с Татарами, имеют даже, подобно Татарам, многих жен. Входя в церковь, они подобно Саррацинам, моют себе нижние части тела, в пятницу едят мясо и, по Саррацинскому обычаю, устраивают в этот день попойки. Редко бывает в этих странах епископ, может быть, едва один раз в пятьдесят лет. Тогда они заставляют его поставлять в священники всех младенцев, даже в колыбели, отсюда все мужчины их - священники. И после этого они женятся, что совершенно противно учению святых отцов, и бывают двоеженцами, так как и священники, по смерти первой жены, берут другую. Все они преданы симонии, не исполняя даром ни одного таинства. Они озабочены судьбою своих жен и малюток, почему стараются не о расширении веры, а о наживе. Отсюда случается, что, когда некоторые из них воспитывают каких-нибудь сыновей знатных Моалов, то, хотя и учат их Евангелию и вере, однако своей дурной жизнью и страстями скорее удаляют их от закона христианского, так как жизнь самих Моалов и даже Туинов, то есть идолопоклонников, более невинна, чем жизнь этих священников.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Что случилось с нами по отъезде из Кайлака в землю Найманов

Итак мы выехали из вышеупомянутого города [Кайлака] в праздник святого Андрея и там поблизости, в трех лье, нашли поселение совершенно несторианское. Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли громко: "Радуйся, Царица", так как уже давно не видали церкви. Отправившись отсюда, через три дня мы добрались до столицы этой области, в начале (in capite) вышеназванного моря,

которое казалось нам столь бурным, как океан. И мы видели на нем большой остров. Мой товарищ приблизился к его берегу и помочил в нем льняную ткань, чтобы отведать вкус воды; она была солоновата, но все же пригодна для питья. Среди больших гор в юго-восточном направлении тянулась долина, а затем между горами было еще какое-то большое море, и через эту долину от первого моря до второго протекала река; в этой долине почти беспрестанно дует столь сильный ветер, что люди проезжают с великим опасением, как бы ветер не унес их в море. Итак, мы переправились через долину, направляясь на север, к большим горам, покрытым глубокими снегами, которые тогда лежали на земле. Поэтому в праздник святого Николая мы стали сильно ускорять путь, так как уже не находили никаких людей, а только ям, то есть лиц, расставленных от одного дневного перехода к другому для приема послов, потому что во многих местах среди гор дорога тесна и пастбищ немного. Таким образом, между днем и ночью мы проезжали расстояние между двумя ямами, делая из двух дневных переходов один, и ехали больше ночью, чем днем. Там стояла сильнейшая стужа, поэтому они одолжили нам козьи шубы мехом наружу. Во вторую субботу Рождественского поста вечером мы проезжали через одно место среди очень страшных скал, и проводник наш прислал просить меня произнести какие-нибудь молитвенные (bona) слова, чтобы ими можно было обратить в бегство демонов, так как на этом переходе демоны обычно внезапно уносили людей. И неизвестно было, что с ними делалось. Иногда демоны похищали лошадь, оставив человека; иногда они извлекали у человека внутренности, оставив на коне его телесную оболочку (busto), и многое тому подобное часто совершалось там. Тогда мы запели громким голосом: "Верую во единого Бога", и, по милости Божией, проехали невредимо со всеми спутниками. С того времени они стали меня просить, чтобы я написал им бумаги, дабы они могли носить их над головами своими, и я говорил им: "Я научу вас слову, которое вы будете носить в сердце вашем и через которое спасутся души ваши и тела ваши навеки". И всегда, когда я хотел их учить, мой толмач был не способен для этого. Однако я написал им "Верую во единого Бога" и "Отче наш", говоря: "Здесь написано то, чему человек должен верить о Боге, и молитва, в которой просят у Бога о всем том, что необходимо для человека; поэтому твердо веруйте в то, что здесь написано, хотя вы и не можете понять это, и просите у Бога, чтобы Он сделал для вас то, что содержится в написанной здесь молитве, которой Он сам собственными устами научил своих друзей, и я надеюсь, что Он спасет вас". Другого я не мог сделать, так как произносить учительные слова при посредстве подобного толмача было очень опасно, даже невозможно, потому что он сам не знал их.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

О земле Найманов, о смерти Кен-хана, об его жене и старшем сыне

После этого мы въехали на ту равнину, на которой был двор Кен-хана. Эта земля прежде принадлежала Найманам, которые были собственно подданными

Пресвитера Иоанна. Но тогда я не видал этого двора, а видел его при возвращении. Все-таки здесь я расскажу вам, что случилось с родством Кен-хана, его сыном и женами. По смерти Кен-хана Бату пожелал, чтобы Мангу был ханом. О смерти же самого Кена я не мог узнать ничего достоверного. Брат Андрей говорил мне, что Кен умер от одного врачебного средства, данному ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату. Однако я слышал другое. Именно Кен сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата, по имени Стикана, который, прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга. Вдова этого Стикана удержала нас на один день, прося войти в ее дом и благословить ее, то есть помолиться за нее. Итак, по смерти Кена, был по желанию Бату избран Мангу, и он был уже избран, когда брат Андрей был там. У Кена был брат, по имени Сиремон, который, по совету жены Кена и его вассалов, выступил с большою пышностью по направлению к Мангу, как бы собираясь поклониться ему. Однако на самом деле он намеревался убить его и уничтожить весь его двор. И, когда он был уже вблизи Мангу, на расстоянии одного или двух дневных переходов, одна из повозок его сломалась и остановилась на дороге, и, пока кучер трудился над ее починкой, прибыл нечаянно один из людей Мангу, который оказал ему помощь. И он столько расспрашивал об их пути, что упомянутый кучер открыл ему то, что намеревался сделать Сиремон. Тогда человек Мангу, удаляясь и как бы не обратив внимания на сообщение, пошел к табуну лошадей и взял наиболее сильную лошадь, какую только мог выбрать. Скача ночь и день, он с поспешностью прибыл ко двору Мангу и сообщил ему то, что услышал. Тогда Мангу, созвав быстро всех своих людей, приказал окружить свой двор 4 кругами вооруженных людей, чтобы никто не мог войти. Остальных он отправил против Сиремона; те захватили его, не подозревавшего, что его план был открыт, и привели ко двору со всеми его людьми. Когда Мангу выставил ему упомянутое обвинение, он тотчас сознался. Тогда он был убит, а с ним старший сын Кен-хана и также триста из более знатных Татар. Послали также за госпожами, которых бичевали раскаленными головнями, чтобы они сознались. После сознания их умертвили. Малютка, сын Кена, который не только не мог быть способен на заговор, но даже и знать о нем, был оставлен в живых, и ему предоставили двор отца со всеми принадлежавшими к нему животными и людьми. Мы проехали мимо этого двора при возвращении, и мои проводники не осмелились на пути туда или обратно пристать к этому двору. "Ибо в печали сидела владычица народов, и не было у нее утешителя". Затем мы снова поднялись на горы, направляясь все к северу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О приезде нашем ко двору Мангу-хана

Наконец, в день блаженного Стефана мы въехали на равнину, обширную, как море, так что нигде на ней не виделось никакой горки, а на следующий день, в праздник святого Евангелиста Иоанна, мы прибыли ко двору упомянутого великого государя. Когда же мы были еще на пять дней пути от него, тот ям, у которого мы провели ночь, хотел было направить нас по какой-то обходной дороге, так что нам надлежало бы страдать еще более пятнадцати дней. И, как я узнал, ему хотелось сделать это для того, чтобы мы проехали через Онан-керуле, то есть через их собственную землю, в которой находится двор Чингис-хана; другие говорили, что они хотели сделать это для того, чтобы сделать дорогу более продолжительной и больше выказать свое могущество. Ибо так обычно поступают они с людьми, прибывающими из стран, не подвластных им. И наш проводник с большим трудом добился того, чтобы мы ехали по прямой дороге. По поводу этого события нас задержали от рассвета до третьего часа дня. Во время также этого пути тот секретарь, которого мы дожидались в Кайлаке, сказал мне, что в грамоте Бату, которую он посылал Мангу-хану, содержалось сообщение, будто вы искали войска и помощи от Сартаха против Саррацинов. Тогда я выразил сильное удивление и пришел даже в беспокойство, так как знал и содержание вашей грамоты, и то, что в вашей грамоте не было об этом никакого упоминания, кроме того, что вы внушали ему быть другом всех христиан, воздвигнуть крест и быть недругом всех недругов креста; и еще, так как толмачами были Армяне из Великой Армении, сильно ненавидевшие Саррацинов [я опасался], как бы они случайно не перевели, по своему усмотрению, чего-нибудь нарочно с целью вызвать ненависть и затруднения против Саррацинов. Поэтому я замолчал, не говоря ничего ни за, ни против, так как боялся противоречить словам Бату, чтобы не попасть в клеветники без должного основания. Итак, в упомянутый выше день мы приехали к названному двору. Нашему проводнику был назначен большой дом, а нам троим маленькая хижинка, в которой мы едва могли сложить наше имущество, сделать постели и развести небольшой огонь. Многие пришли повидать нашего проводника и принесли ему рисовое пиво в длинных бутылочках с узкой шейкой. Я не мог установить никакого различия этого напитка от самого лучшего Оксерского (antisiodorensi) вина, за исключением того, что он не имел запаха вина. Нас позвали и настоятельно спросили, по какому делу мы приехали. Я ответил: "Мы слышали про Сартаха, что он христианин; приехали к нему. Король Франков послал ему через нас запечатанное письмо; Сартах послал нас к своему отцу, отец его послал нас сюда. Он сам должен был бы написать причину, зачем". Они стали спрашивать, желаете ли вы заключить с ними мир. Я ответил: "Король послал грамоту Сартаху, как христианину, и если бы он знал, что тот не христианин, он никогда не послал бы ему грамоты. Что касается до заключения мира, я утверждаю, что король не сделал вам никакой обиды. Если бы он сделал что-нибудь, почему вы должны были бы объявить войну ему или его народу, он сам охотно, как человек справедливый, пожелал бы извиниться и просить мира. Если вы без причины захотите объявить войну ему или его народу, то мы надеемся, что Бог, который справедлив, поможет им". И они все удивлялись, повторяя: "Зачем вы приехали, раз вы не хотите заключить мир?" Именно они в великой гордости превознеслись уже до того, что думают, будто вся вселенная желает заключить мир с ними. И, конечно, если бы мне позволили, я стал бы, насколько у меня хватило бы сил, во всем мире

проповедовать войну против них. Я же не хотел открыто объяснять им причину моего прибытия, чтобы случайно не сказать чего-нибудь лишнего, вопреки тем словам, которые поручил Бату. И потому всю причину моего прибытия я сводил к тому, что он послал меня. На следующий день нас повели ко двору, и я полагал, что могу идти босиком, как в наших краях, почему и снял сандалии. Когда же они являются ко двору, они слезают с лошади далеко, именно на полет стрелы из лука, от того дома, в котором находится сам хан, и там остаются лошади и служители, сторожащие лошадей. Когда мы слезли там и наш проводник отправился к дому хана, там находился один венгерский служитель, который признал нас, то есть наш орден. И когда люди стали окружать нас, разглядывали нас, как чудовищ, в особенности потому, что мы были босые, и стали спрашивать, неужели наши ноги нам надоели, так как они предполагали, что мы сейчас лишимся их, то этот венгерец объяснил им причину этого, рассказав правила нашего ордена. Затем пришел повидать нас великий секретарь, христианин из несториан, по совету которого делается почти все [при дворе]; он тщательно осмотрел нас и позвал упомянутого венгерца, у которого много расспрашивал [про нас]. Затем нам было приказано вернуться в свое помещение.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

О христианской часовне и о встрече с несторианским лжемонахом по имени Сергием

Когда мы возвращались, я увидел далеко перед концом двора в восточном направлении, примерно на расстоянии двух выстрелов из баллисты, дом, над которым был крестик. Тогда, сильно обрадовавшись и предполагая, что там находится что-нибудь христианское, я вошел с уверенностью и нашел алтарь, убранный поистине красиво. Именно по золотой материи были вышиты или настланы (brosdate sive bistrate) изображения Спасителя, святой Девы, Иоанна Крестителя и двух ангелов, причем очертания тела и одежд были расшиты жемчугом. Здесь же находился большой серебряный крест с драгоценными камнями по углам и в середине и много других церковных украшений (philateria), а также перед алтарем горела лампада с маслом, имевшая восемь светилен. Там сидел один армянский монах, черноватый, худощавый, одетый в очень жесткую власяничную тунику, спускавшуюся до середины ног; сверху на нем был черный шелковый плащ, подбитый мехом, а под власяницей он имел железный пояс. Как только мы вошли, то, еще не здороваясь с монахом, простерлись ниц и запели "Радуйся, Царица небесная!" И тот, встав, молился с нами. Затем, поздоровавшись с ним, мы сели рядом с ним; перед ним на жаровне было немного огня. Мы рассказали ему причину нашего прибытия, и он стал усиленно ободрять нас, увещевая говорить смело, так как мы - посланцы Божии, который выше всякого человека. Затем он рассказал нам о своем прибытии, говоря, что явился туда за месяц ранее нас, что он был пустынником на земле Иерусалимской и что Бог три раза являлся ему, приказывая идти ко владыке Татар; когда он откладывал свое

отправление, Бог в третий раз пригрозил ему, повергнув его ниц на землю и сказав, что он умрет, если не отправится. Монах этот, по его словам, сказал Мангу-хану, что если тот пожелает стать христианином, то весь мир придет в повиновение ему, и что ему будут повиноваться Франки и великий папа; при этом он советовал мне сказать хану то же самое. Тогда я ответил: "Брат, я охотно буду внушать ему, чтобы он стал христианином, ибо я прибыл ради того, чтобы всем это проповедовать. Я буду обещать ему также, что Франки и папа сильно обрадуются и будут считать его братом и другом. Но никогда я не буду обещать того, что они должны стать его рабами и платить ему дань, как другие народы, потому что я говорил бы это против своей совести". Тогда он замолчал. Мы пошли в свое помещение, которое я нашел холодным, а мы еще и не ели ничего в тот день. Мы сварили немного мяса, а также проса в мясном супе для питья. Наш проводник и его товарищи пьянствовали при дворе. К нам прилагалось мало заботы. Там были тогда рядом с нами послы Вастация, чего мы не знали. На рассвете люди, принадлежавшие ко двору, приказали нам поспешно встать. Я босиком пошел с ними по узкой тропинке к дому вышеупомянутых послов, и придворные спросили у тех, знают ли они нас. Тогда греческий воин, признав орден и даже моего товарища, так как видел его при дворе Вастация с нашим Провинциалом братом Фомою, дал, вместе со всеми своими товарищами, о нас превосходное свидетельство. Тогда они спросили, что у вас с Вастацием, война или мир. Я отвечал: "Ни мир, ни война". И они спросили, каким образом это может быть. "Потому, - отвечал я, - что их земли удалены взаимно друг от друга, и им нечего разбирать друг с другом". Тогда посол Вастация сказал, что между вами мир; это замечание сделало меня осторожным, и я замолчал. В это утро у меня отмерзли концы пальцев ног, так что больше я не мог ходить босиком.

Холод в тех странах бывает весьма резок, и с тех пор, как начнутся морозы, они не прекращаются до мая, а бывают даже и в этом месяце. Ибо всякое утро были заморозки, а днем от силы солнца таяло. Зимой же никогда не тает, но морозы продолжают при всяком ветре. И если бы ветер там дул зимою так же, как у нас, то там не могло бы быть никакой жизни; но воздух остается тихим до апреля, когда поднимаются ветры. И тогда, когда мы там были, холод, поднявшийся с ветром, убил около времени Пасхи бесчисленное количество животных. Зимой там выпало немного снега, а около Пасхи, приходившейся на конец апреля, выпало такое количество его, что все улицы Каракарума были полны им, и его надлежало вывозить на повозках. Тогда нам впервые принесли от двора овчинные шубы и штаны из того же материала, а также сандалии; мой товарищ и толмач взяли это. А я думал, что не нуждаюсь в этом одеянии, так как мне казалось, что мне хватит шубы, которую я получил от Бату.

Затем, спустя неделю после дня избияния Невинных младенцев, нас повели к двору, и пришли священники-несториане, о которых я не знал, что они христиане; они стали спрашивать нас, в какую сторону мы оборачиваемся для молитвы. Я отвечал: "К востоку". Они спрашивали об этом потому, что мы, по совету нашего проводника, выбрили себе бороды, чтобы предстать пред лицо хана согласно обычаю нашей родины. Поэтому они думали, что мы - Туины, то есть идолопоклонники. Они заставили нас также разъяснить места из Библии. Затем они спросили нас, какой почет хотим мы оказать хану, по нашему или по их обычаю. Я

ответил им: "Мы священники, поставленные на служение Богу. Знатные господа не допускают в наших странах, чтобы священники перед лицом их преклоняли колена иначе, как ради почитания Бога. Однако для Бога мы готовы унижить себя пред всяким человеком. Мы являемся издалека; прежде всего, если вам угодно, мы воспоем хвалу Богу, который после столь дальнего пути привел нас сюда невредимыми, а затем сделаем так, как угодно будет вашему господину; за исключением того, что нам нельзя приказывать что-нибудь такое, что было бы вопреки поклонению Богу и почитанию Его".

Тогда, войдя в дом, они пересказали мои слова государю, и ему это понравилось; нас поставили перед дверью дома, подняв войлок, висевший перед дверью, и, так как это было на Святках, мы начали петь: "От края востока солнечного и до пределов земли мы воспоем владыку Христа, родившегося от девы Марии".

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Описание сделанного нам приема

Когда мы пропели этот гимн, они обшарили у нас ноги, грудь и руки с целью узнать, нет ли при нас ножей. Нашего толмача заставили они отстегнуть и оставить снаружи, под охраной одного придворного, бывший на нем ремень с ножом. Затем мы вошли; при входе была скамья с кумысом, возле которой они приказали стать толмачу. Нас же заставили сесть на скамью пред госпожами. Дом весь был покрыт внутри золотым сукном, и на маленьком жертвеннике в середине дома горел огонь из терновника и корней полыни, которая вырастает там очень большой, а также из бычачьего навоза. Сам хан сидел на ложе, одетый в пятнистую и очень блестящую кожу, похожую на кожу тюленя. Это был человек курносый, среднего роста, в возрасте сорока пяти лет; рядом с ним сидела его молоденькая жена; а взрослая дочь его, по имени Цирина, очень безобразная, сидела с другими малыми детьми на ложе сзади них. Этот дом принадлежал раньше христианской госпоже, которую хан очень любил, и от которой родилась у него вышеупомянутая дочь. И сверх того, он взял себе молоденькую жену, но все же дочь оставалась госпожой всего двора, принадлежавшего ее матери. Затем он приказал спросить у нас, чего мы желаем выпить, вина или террацины, то есть рисового пива, или каракосмосу, то есть светлого кобыльего молока, или бал, то есть напитка из меда (*medonemex melle*). Эти четыре напитка они употребляют зимой. Тогда я ответил: "Государь, мы не принадлежим к людям, ищущим удовольствия в питье; для нас вполне достаточно исполнить только вашу волю". Тогда он приказал подать нам светлого рисового напитка, вкусного, как белое вино, от которого, из уважения к хану, я отведал немножечко.

На нашу беду наш толмач стоял рядом с ключниками, которые дали ему много пить, и он тотчас опьянел. Затем хан приказал принести соколов и других птиц, которых брал себе на руку и рассматривал, и спустя много времени он приказал нам говорить. Тогда нам надлежало преклонить колена. У него был толмачом один Несторианин, про которого я не знал, что он христианин, а у нас был наш

таковский переводчик, который к тому же был уже пьян. Тогда я сказал: "Мы прежде всего воздаем благодарность и хвалу Богу, который привел нас из столь отдаленных стран, чтоб видеть Мангу-хана, которому Бог дал столько власти на земле. И мы молим Христа, по власти которого мы все живем и умираем, чтобы он даровал ему хорошую и долгую жизнь". Ибо они хотят того, чтобы молились за жизнь их. Затем я рассказал ему: "Государь, мы слышали про Сартаха, что он христианин, и христиане, слышавшие это, обрадовались, а в особенности господин король Франков. Поэтому мы отправились к Сартаху, и господин король послал ему через нас грамоту, содержащую мирные слова, и среди других слов он свидетельствовал ему и о нас, что мы за люди, и просил его позволить нам побывать в земле его. Ибо наша обязанность состоит в том, чтобы учить людей жить согласно с законом Божиим. Сартах же послал нас к отцу своему Бату. Бату же послал нас сюда к вам. Вы тот, кому Бог дал великое владычество на земле. Поэтому просим ваше могущество даровать нам возможность оставаться в земле вашей для совершения служения Богу за вас, жен и детей ваших. У нас нет золота, серебра или драгоценных камней, которые мы могли бы предложить вам; мы можем предложить только себя самих для служения Богу и молитвы Богу за вас. По крайней мере дайте нам возможность остаться, пока не пройдет этот холод. Ибо товарищ мой так слаб, что никоим образом не может перенести труд верховой езды без опасности для жизни".

Именно, товарищ мой сам рассказал мне про свою немощь и заклинал меня, чтобы я попросил позволения остаться. Ибо мы наверное предполагали, что нам надлежит вернуться к Бату, если Мангу по особой милости не даст нам позволения остаться. Затем начал отвечать хан: "Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату. Отсюда мы не нуждаемся в вашем золоте или серебре".

До сих пор я хорошо понимал моего толмача, но дальше не мог уловить ни одной цельной фразы, из чего я наверное узнал, что он был пьян. Да и сам Мангу-хан, как мне казалось, был в состоянии опьянения. Все-таки он, как мне показалось, окончил свои слова тем, что ему не нравилось, что мы прибыли к Сартаху раньше, чем к нему. Тогда я, видя непригодность толмача, замолчал, попросив только хана не принимать в дурную сторону того, что я сказал о золоте и серебре, так как я не говорил того, что он нуждается в подобных вещах или желает их, а хотел сказать, что мы охотно желали бы почтить его мирскими и духовными благами.

Затем он приказал нам встать и снова сесть, а спустя немного, после приветствия ему, мы вышли и с нами его секретари и тот его толмач, который растит одну из его дочерей. Они начали много спрашивать нас про французское королевство, водятся ли там много баранов, быков и лошадей, как будто они должны были сейчас вступить туда и все захватить. И много раз и в другое время мне приходилось делать большое усилие, чтобы скрыть свое негодование и гнев. И я ответил: "Там много хорошего, что вы увидите, если вам доведется отправиться туда". Затем они приставили к нам одно лицо, которое должно было заботиться о нас, и мы отправились к монаху. И, когда мы выходили оттуда, собираясь идти в свое помещение, вышеназванный толмач пришел к нам и сказал: "Мангу-хан жалеет вас и дает вам сроку пребыть здесь два месяца; тогда пройдет сильный холод. И он поручает передать вам, что здесь вблизи, в десяти днях пути, есть

хороший город, по имени Каракарум. Если вы желаете отправиться туда, он сам прикажет доставить вам необходимое; если же вы желаете остаться здесь, вы можете это, и получите необходимое. Однако вам трудно будет ездить вместе со двором".

И я ответил: "Господь да хранит Мангу-хана и да пошлет ему хорошую и долгую жизнь! Мы нашли здесь такого монаха, о котором думаем, что он человек святой и что он прибыл в эти страны по воле Божией. Поэтому, так как и мы монахи, мы охотно пребывали бы вместе с ним и произносили бы вместе наши молитвы о сохранении жизни хана". Тогда он молча удалился. И мы пошли к своему большому дому, который нашли холодным и без топлива; мы все еще были натошак, а наступила уже ночь. Тогда тот, кому мы были препоручены, позаботился доставить нам топлива и небольшое количество пищи. Наш проводник вернулся к Бату, но предварительно потребовал у нас дорожку (carpitam) или ковер, который мы оставили по его распоряжению при дворе Бату. Мы согласились, и он удалился с миром, попросив у нас пожать правую руку и высказав, что был виноват пред нами. Именно он допускал, чтобы мы терпели на пути голод и жажду. Мы простили его, причем равным образом попросили извинения у него и у всего его семейства на тот случай, если показали им какой-нибудь дурной пример.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Об одной Лотарингской женщине и об одном Парижанине, золотых дел мастере, которых мы нашли в той стране

Нас нашла одна женщина из Метца в Лотарингии, по имени Пакетта (Pascha), взятая в плен в Венгрии. Она устроила нам, как умела, хорошее угощение. Пакетта принадлежала ко двору той госпожи, которая была христианкой и о которой я сказал выше. Эта женщина рассказала нам про неслыханные лишения, которые вынесла раньше, чем попасть ко двору. Но теперь она жила вполне хорошо. У ней был молодой муж, русский, от которого у нее было трое маленьких мальчиков, очень красивых. Муж ее умел строить дома, что считается у них выгодным занятием. Сверх того, она рассказала нам, что в Каракаруме живет золотых дел мастер родом из Парижа, по имени Вильгельм. Фамилия его Бушье, а имя отца его Лоран Бушье. И она еще думает, что на Большом Мосту у него есть брат, по имени Роже Бушье. Говорила она мне также, что у этого Вильгельма живет один юноша, которого он вырастил и считает за сына, и этот последний слывет отличным переводчиком. Но Мангу-хан дал названному мастеру триста яскотов, то есть три тысячи марок, и пятьдесят работников для создания какого-то произведения. И потому эта женщина боялась, что Вильгельм не может прислать ко мне своего сына. А она сама слышала, что говорили ей при дворе: "Прибывшие из твоей земли - люди хорошие, и Мангу-хан охотно поговорил бы с ними, но переводчик их ничего не стоит". Поэтому она заботилась о переводчике. Тогда я написал упомянутому мастеру о своем прибытии, прося его, если возможно, прислать мне своего сына; тот написал в ответ, что в текущем месяце он этого не может, а в

следующем завершит свою работу и тогда придет ко мне сына. Мы жили там вместе с другими послами, да и вообще с послами при дворе Бату поступают иначе, чем при дворе Мангу. Именно при дворе Бату есть один Ям на западной стороне, который принимает всех прибывающих с запада, также обстоит и касательно других стран мира. А при дворе Мангу все вместе находятся под властью одного Яма и могут посещать друг друга и видаться. При дворе Бату они не знакомы друг с другом, и один не знает про другого, посол ли он, так как они не знают помещений друг друга и видятся только при дворе. И когда зовут одного, другого, может быть, и не зовут, ибо они ходят ко двору только по зову. Мы нашли там одного христианина из Дамаска, который говорил, что он прибыл от султана Монреальского и Кракского, который хотел стать данником и другом Татар.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

О Феодуле, причетнике из Акры, и о других

Также за год до моего приезда туда там был один причетник из Акры, называвший себя Раймундом, а на самом деле имя его было Феодул. Он начал путешествие из Кипра с братом Андреем и ехал вместе с ним вплоть до Персии, достал себе там в Персии из Амморика какие-то инструменты и остался после отъезда брата Андрея. Когда брат Андрей вернулся, он двинулся далее со своими инструментами и прибыл к Мангу-хану. На вопрос хана, зачем он приехал, Феодул сказал, что он был вместе с одним святым епископом, которому Бог послал грамоту с неба, написанную золотыми буквами, и поручил, чтобы тот послал ее владыке Татар, так как он должен быть владыкой вселенной, и чтобы епископ убеждал людей заключить мир с ханом. Тогда Мангу сказал: "Если бы ты принес грамоту, пришедшую с неба, и грамоту твоего господина, тогда ты был бы желанным гостем". Тогда тот ответил, что он нес грамоту, но она находилась вместе с другими его вещами на неукротимом скакуне, который, вырвавшись, убежал в леса и горы, так что все потерял. И вполне правильно, что подобные случаи происходят часто. Отсюда каждому надлежит очень тщательно держать свою лошадь, когда он слезает с нее по необходимости. Тогда Мангу спросил об имени епископа. Тот ответил, что его зовут Отоном. Затем Феодул стал говорить ему о Дамаске и о мастере Вильгельме, что он был причетником господина легата. Затем сам хан спросил, к какому королевству он принадлежит. Тот ответил ему, что он состоит под властью одного короля Франков, по имени король Молес. Ибо он уже слышал о том, что случилось при Мансуре, и хотел сказать, что принадлежит к вашим подданным. Сверх того, он говорил хану, что между Франками и ним находятся Саррацины, которые преграждают путь, а будь дорога открыта, Франки отправили бы послов к нему и охотно заключили бы мир с ним. Тогда Мангу-хан спросил, желает ли он провести послов к упомянутому королю и епископу. Тот выразил свое согласие провести их даже к папе. Тогда Мангу приказал изготовить самый тугой лук, который едва могли натянуть два человека, и две стрелы (bousiones), головки которых были серебряные и полные отверстий, так

что, когда их пускали, они свистели, как флейты. А тому Моалу, которого он собирался послать с упомянутым Феодулом, он внушил: "Ты отправишься к тому королю Франков, к которому этот человек проведет тебя, и поднесешь ему это от меня. И, если он пожелает иметь мир с нами, мы и покорим землю Саррацинов вплоть до его владений, и уступим ему остальную часть земли вплоть до Запада. В случае же отказа верни нам лук и стрелы, и скажи ему, что из подобных луков мы стреляем далеко и поражаем сильно". Затем он приказал выйти Феодулу, переводчиком которого был сын мастера Вильгельма, и в присутствии этого молодого человека сказал Моалу: "Ты отправишься с этим человеком; хорошенько разведай дорогу и страну, города, крепости, и их оружие". Тогда этот юноша стал бранить Феодула, говоря, что он поступает плохо, ведя с собою Татарских послов, которые идут только с целью разведок. Тогда тот ответил, что повезет их морем, так что они не будут знать, ни откуда они прибыли, ни куда им вернуться. Мангу дал также Моалу свою буллу, то есть золотую дощечку, шириною в ладонь и длиною в пол-локтя, на которой пишется его приказ. Кто ее имеет в руках, тот может приказывать, что хочет, и это делается без замедления. Таким образом Феодул добрался до Вастация, желая переправиться к папе и обмануть папу так же, как он обманул Мангу-хана. Тогда Вастаций спросил у него, имеет ли он папскую грамоту на то, что он посол и что должен сопровождать послов Татар. Так как тот не мог показать грамоту, Вастаций взял его в плен, лишил его всего того, что он приобрел, и бросил в темницу. Что же касается Моала, то с ним приключился там недуг, и он умер там. Вастаций же отослал золотую буллу к Мангу-хану через служителей этого Моала, с которыми я встретился в Аарзеруме на окраине Турции и которые рассказали мне случившееся с этим Феодулом. Подобные обманщики рыщут по свету, и Моалы убивают их, когда могут поймать. Но наступал день Богоявления, и армянский монах, по имени Сергей, говорил мне, что окрестит Мангу-хана в этот праздничный день. Я просил его всячески постараться, чтобы и я был тут же и мог дать свидетельство воочию. Он обещал.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О празднике, данном Мангу-ханом О том, что главная его жена и старший сын были при богослужении несториан

Настал праздничный день, монах меня не позвал; а в шестом часу меня позвали ко двору, и я увидел, что монах со священниками возвращался от двора с своим крестом, а священники с кадилами и евангелием. Именно в этот день Мангу-хан устроил пиршество, и у него существует такой обычай, что в те дни, которые его прорицатели называют ему праздничными, или какие-нибудь священники-несториане - священными, он устраивает при дворе торжественное собрание, и в такие дни прежде всего приходят в своем облачении христианские священники, молятся за него и благословляют его чашу. Когда уходят они, являются Саррацинские священники и поступают так же. После них приходят жрецы идолов,

поступая так же. И монах говорил мне, что хан верит одним только христианам, но хочет, чтобы все молились за него. Но он лгал, потому что, как вы впоследствии узнаете, хан не верит никому, хотя все следуют за его двором, как мухи за медом, и он всем дарит, все считают себя его любимцами и все предвещают ему благополучие. Тогда мы сели пред его двором на большом расстоянии, и нам принесли для еды мяса. Я ответил им, что мы там не будем есть, но если они хотят позаботиться о пище для нас, то пусть позаботятся о нас в нашем доме. Тогда они сказали: "Так и ступайте к себе домой, потому что вас и позвали только для того, чтобы есть". Итак мы вернулись с монахом, который краснел от сказанной мне лжи, и потому я не хотел заводить с ним разговор по этому поводу. Однако некоторые несториане хотели уверить меня, что хан окрещен. Я говорил им, что никогда не поверю и не скажу другим, раз не увижу этого. И так мы пришли к своему дому, холодному и пустому. Они позаботились для нас о постелях и одеялах. Приносили они нам также нужное для разведения огня, давали в пищу мясо от небольшого и тощего барана, для нас троих на шесть дней, и ежедневно блюдо, полное пшена (*de mellis*), а также кварту в день просового пива и одолжили нам для сварения мяса котел и треножник; сварив мясо, мы варили просо в мясной похлебке. Это была наша пища, и ее вполне хватало бы нам, если бы они давали съедать ее в мире. Но там великое множество голодных, о пище для которых не заботятся, и, как только они видели, что мы приготавливаем пищу, они бросались на нас, так что приходилось давать им есть с нами. Там я испытал, какое мучение составляет дарить при бедности.

Затем холод начал усиливаться, и Мангу-хан прислал нам три шубы из шкур папионов (*pariones*), мех которых они поворачивают наружу; мы их приняли с изъявлением благодарности. Они спросили также, в каком количестве имеется у нас необходимая пища. Я сказал им, что нам достаточно умеренного количества пищи, но у нас нет дома, где бы мы могли молиться за Мангу-хана. Ибо наша хижина была так мала, что мы не могли ни стоять в ней прямо, ни открывать книги, как только разводили огонь. Тогда они довели эти слова до хана, и он послал к монаху узнать, желает ли он нашего товарищества; тот с радостью ответил утвердительно. С тех пор нам доставили лучшее помещение, и мы поселились с монахом пред двором, где не жило никого, кроме нас и их прорицателей, но те жили ближе и пред двором старшей госпожи, а мы помещались на краю в восточном направлении пред двором последней госпожи. Это было накануне недельного дня после Богоявления. На следующий день, то есть в недельный день по Богоявлению, все священники-несториане собрались до рассвета в часовне, ударили в доску, торжественно пропели утреню, оделись в свои облачения и приготовили курильницу и благовоние. И в то время, как они ожидали на церковной паперти (*area*), первая супруга по имени Котота Катен (Катен значит госпожа, а Котота - имя собственное), вошла в часовню с очень многими другими госпожами, со своим первородным сыном, по имени Балту, и другими своими малютками, и они распростерлись на землю, касаясь ее лбом по обычаю несториан, а после этого дотронулись правой рукой до всех образов, постоянно целуя руку после прикосновения; после этого они подали руки всем стоящим кругом в церкви. Это - обычай несториан, входящих в церковь, Затем священники пропели многое, давая ладан госпоже в ее руку, и она полагала его на огонь, а затем они кадили

пред госпожой. После этого, когда был уже ясный день, она стала снимать у себя с головы украшение, именуемое бокка, и я увидел, что голова ее плешива. Тогда она сама приказала, чтобы мы ушли, и, уходя, я увидел, как ей принесли серебряный таз. Я не знаю, крестили они ее или нет, но знаю, что они не совершают обедни в палатке, а в постоянной церкви. И на Пасхе я видел, как они крестили и с большою торжественностью освящали купели, чего они тогда не делали. И, пока входили мы к себе в дом, явился сам Мангу-хан и вошел в церковь или часовню; ему принесли золоченое ложе, на котором он сел рядом с госпожою против алтаря. Затем позвали нас, не зная, что пришел Мангу, и привратники обшарили нас, ища, нет ли при нас ножей. Войдя в часовню, я имел на груди Библию и служебник. Я сперва преклонился пред алтарем, а затем пред ханом, и, пройдя мимо его, мы стали между монахом и алтарем. Затем они приказали нам пропеть псалом по нашему обычаю и петь вообще. Мы им пропели следующую прозу: "Гряди, о Святой Дух". А хан приказал принести наши книги, Библию и служебник, и внимательно расспросил про картинки, что они обозначают. Несториане ответили ему, что хотели, так как наш толмач не входил с нами. Также, когда я первый раз был у хана, у меня на груди была Библия, которую он приказал принести к себе и долго ее рассматривал. Затем он удалился, а госпожа осталась там и раздала всем христианам, там бывшим, подарки, монаху она дала один яскот, а архидьякону священников другой. Перед нами она приказала положить насик, то есть материю широкую, как покрывало для постели, и очень длинную, и буккаран. Так как я не пожелал взять их, то они послали толмачу, и тот удержал их за собою. Насик он довез до Кипра и продал его за восемьдесят кипрских золотых (besanciis), но в дороге он очень испортился. Затем принесли питье, а именно рисовое пиво, красное вино, напоминающее собою вино из Рошелля, и кумыс. Тогда госпожа, держа в руке полную чашу и преклонив колена, просила благословения, все священники пели громким голосом, и она выпивала всю чашу. Даже и мне, и моему товарищу пришлось петь, когда она пожелала пить в другой раз. Когда почти все были пьяны, то принесли пищу, именно баранье мясо, которое тотчас было съедено, а после этого, без соли и без хлеба, больших рыб, по имени карпов, от которых вкусил и я. Так провели они день до вечера. И, когда опьянела уже сама госпожа, она села на повозку при пении и завывании священников и поехала своей дорогой. На следующее воскресенье при чтении "Брак был в Кане" явилась дочь хана, мать которой была христианка, и поступила так же, однако не со столь большою торжественностью, именно она не давала подарков, а дала жрецам пить до опьянения и есть вареное пшено.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

О посте несториан

О том, как мы ходили во дворец Мангу-хана, и о весьма многих других посещениях

Перед воскресеньем семидесятницы несториане постятся три дня, называемые ими Иониным постом, который тот проповедовал Ниневитянам, а армяне постятся тогда пять дней, называя это постом святого Серкиса, который считается у них наибольшим святым и про которого греки говорят, что он был канон. Несториане начинают пост во вторник и оканчивают его в четверг, так что в пятницу едят мясо. И я видел тогда, как канцлер, то есть старший секретарь двора, по имени Булгай, предоставил им тогда мясное продовольствие в пятницу, и они благословили это мясо с большою торжественностью, как благословляют пасхального агнца. Однако сам Булгай не ел мяса [в пятницу], поступая так по наставлению мастера Вильгельма парижского, его большого друга. Монах сам препоручил Мангу поститься эту неделю, что тот и исполнил, как я слышал. Итак в субботу семидесятницы, когда бывает, так сказать, армянская пасха, мы пошли в процессии к дому Мангу; и монаха, и обоих нас предварительно обшарили, ища, нет ли у нас ножей, затем мы вошли со священниками пред лицо хана. И, когда мы входили, из дома вышел служитель, вынося кости бараньих лопаток, сожженные до черноты угольев; по этому поводу я очень изумился, что это значит. Спросив об этом впоследствии, я узнал, что хан не делает ничего в целом мире без того, чтобы предварительно не поискать совета в этих костях; поэтому он не позволяет человеку входить к себе в дом раньше, чем посоветуется с этой костью. Этот способ гадания происходит так: когда хан хочет что-нибудь предпринять, он приказывает принести себе три упомянутые кости, еще не сожженные, и, держа их, размышляет о том предприятии, о котором хочет искать совета, приступать к нему или нет, а затем передает служителю кости для сожжения. И возле того дома, где он пребывает, существуют два маленьких домика, в которых сожигаются эти кости, и их тщательно отыскивают ежедневно по всему становищу. Итак, когда их сожгут до черноты, их приносят ему обратно, и тогда он рассматривает, раскололись ли кости от жара огня прямо вдоль. Тогда для того, что он должен сделать, дорога открыта. Если же кости треснут поперек, или выскочат из них круглые кусочки, тогда он этого не делает. Ибо или сама кость, или какая-то ткань, лежащая на ее поверхности, всегда трескается на огне. И, если из трех костей одна трескается надлежаще, он предпринимает дело. Итак, когда мы вошли пред его лицо, предупрежденные ранее, чтобы не касаться порога, священники-несториане поднесли ему ладану; он сам положил его в курильницу, и они кадили пред ним. Затем они пропели, благословляя его напиток, и после них монах произнес свое благословение, а в конце и нам надлежало сказать наше. И когда он увидел, что мы держим у груди Библию, он приказал принести ее себе посмотреть и разглядывал ее очень тщательно. Затем, когда он выпил, причем старейший священник поднес ему чашу, они дали пить священникам. После этого мы вышли, и мой товарищ остался сзади; и когда мы были снаружи, он, готовясь выйти сзади нас, повернулся лицом к хану, кланяясь ему, а затем, следуя за нами, споткнулся о порог дома. В то время как мы шли впереди, направляясь с поспешностью к дому сына хана, Балту, наблюдавшие за порогом наложили руки на моего товарища и приказали ему остановиться и не следовать за нами. Затем они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища к Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть. А я не знал этого. Однако, оглянувшись и не видя его идущим, я подумал, что они удержали его, чтобы дать ему более легкое платье.

Ибо он был слаб и так отягощен шубами, что едва мог ходить. Затем они позвали нашего толмача и приказали ему сесть вместе с моим товарищем. Мы же пошли к дому первородного сына хана. Этот сын имеет уже двух жен и помещается направо от двора своего отца. Увидев, что мы идем, он тотчас вскочил с ложа, на котором сидел, распростерся на землю, ударяясь о нее лбом и преклоняясь пред крестом. Встав, он приказал положить крест с большим почетом на новое сукно на возвышенном месте рядом с собою. У сына хана есть наставник, один несторианский священник, по имени Давид, сильный пьяница, который учит его. Затем Балту приказал нам сесть и дать священникам пить. И сам он также выпил, получив от них благословение. Затем мы пошли ко двору второй госпожи, по имени Кота, которая поклонялась идолам; ее мы застали лежащей в постели и больной. Тогда монах приказал ей встать с постели и поклониться кресту с коленопреклонением и ударяясь о землю лбом, причем он стоял с крестом у западной стороны дома, а она у восточной. После этого они переменились местами, и монах пошел с крестом к востоку, а она к западу, и, хотя она была так слаба, что едва могла стоять на ногах, он смело приказал ей, чтобы она распростерлась вторично, трижды поклоняясь на восток, по обычаю христиан. Она это и сделала. И он научил ее сделать на лице крестное знамение. Затем, когда она снова легла на ложе и за нее были произнесены молитвы, мы пошли к третьему дому, где прежде жила госпожа христианка. По смерти ее ее заменила молодая девушка, которая вместе с дочерью господина радостно приняла нас; в этом доме все с благоговением поклонились кресту; он был положен на шелковое сукно на возвышенном месте, и затем было отдано приказание принести пищу, а именно баранье мясо; когда его положили пред госпожой, она приказала разделить его между священниками. Я же и монах воздерживались от пищи и питья. Когда же это мясо было съедено и было выпито много напитков, нам надлежало идти к помещению благородной девицы Херины, которое находилось сзади большого дома, принадлежавшего ее матери; при внесении креста она распростерлась на земле и поклонилась ему весьма набожно, так как была хорошо в этом наставлена, и положила его на возвышенном месте на шелковой ткани; все эти куски материи, на которые возлагался крест, принадлежали монаху. Этот крест принесен был одним армянином, который прибыл с монахом, по его словам, из Иерусалима; крест был серебряный, весил около четырех марок и имел четыре жемчужины по углам и одну посередине; изображения Спасителя на нем не было, так как армяне и несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным ко кресту. Этот крест они поднесли Мангу-хану, и Мангу спросил у армянина, чего он просит. Тот сказал, что он сын одного армянского священника, церковь которого разрушили Саррацины, и попросил у него помощи для восстановления этой церкви. Тогда хан спросил, за какую цену ее можно снова выстроить; тот ответил, что за двести яскотов, то есть за две тысячи марок. И хан приказал дать ему грамоту к тому, кто собирает дань в Персии и Великой Армении, чтобы тот выплатил ему упомянутую сумму серебра. Этот крест монах носил повсюду с собою, и священники, видя доход от него, начали ему завидовать. Итак мы были в доме этой благородной девицы, и она дала священникам обильно выпить. Отсюда мы пошли к четвертому дому, который был последним по числу и по почету. Ибо этой госпожи [хан] не посещал, и дом ее был ветхим, а сама она была мало приятна, но после Пасхи хан приказал построить ей

новый дом и новые повозки. Она так же, как и вторая, мало или, пожалуй, ничего не знала о христианстве, но поклонялась прорицателям и идолам. Однако при нашем входе она поклонилась кресту, как ее учили монахи и священники. Там священники снова выпили; из этого дома мы вернулись к себе в часовню, которая находилась там поблизости, причем священники пели с громкими завываниями по причине своего опьянения, за которое там не подвергаются порицанию ни мужчины, ни женщины. Затем привели моего товарища, и монах сильно бранил его за то, что тот коснулся порога. На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, вникал ли нам кто-нибудь остерегаться от прикосновения к порогу. Я ответил: "Господин, у нас не было с собой толмача, как могли бы мы понять?" Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

О том, как монах Сергей вылечил госпожу Коту

После того случилось, что госпожа Кота, которая хворала с воскресенья шестидесятницы, захворала смертельно, и волшебства идолопоклонников не могли принести ей никакой пользы. Тогда Мангу послал за монахом, спрашивая у него, что можно тут сделать, и монах легкомысленно ответил, что если она не будет вылечена, то пусть хан отрубит ему голову. После такого заклада монах позвал нас, изложил нам со слезами дело и просил нас бодрствовать с ним эту ночь на молитве, что мы и сделали. У него был некий корень, по названию ремень; монах размельчал его, так сказать, в порошок и полагал в воду с бывшим у него маленьким крестиком с выпуклым изображением Спасителя. Монах говорил про это распятие, что при помощи его он узнавал, когда больной должен был выздороветь или умереть. Именно, если он должен был поправиться, то оно приставало к груди больного как бы приклеенное, в противном же случае оно не прикреплялось. И я верил тогда, что этот ремень представлял собою нечто священное, принесенное им из Иерусалима в Святой Земле. Эту воду он давал пить всем больным, а их внутренности неизбежно подвергались волнениям от столь горького питья. И это движение в их теле они считали за чудо. Когда он готовил это питье, я сказал ему, что его надо сделать из освященной воды, которая приготавливается в Римской Церкви, так как эта вода обладает большой силой для изгнания демонов, ибо мы знали, что госпожа мучима демоном. И, по его просьбам, мы приготовили ему святой воды: он примешал ревеню и положил крест, погрузив его на всю ночь в воду. Я сказал ему также, что если он священник, то священнический чин имеет большую силу для изгнания демонов. Он ответил утвердительно, однако солгал, так как вовсе не имел сана, не знал ни одной буквы, а, как я после проведал, был в своем отечестве, через которое я возвращался, ткачом материи. Итак, на следующий день мы, то есть монах, я и два несторианских священника, пошли к упомянутой госпоже; она находилась в своем маленьком доме сзади большого. При нашем входе она села на ложе, поклонилась кресту, положила его с почетом рядом

с собою на шелковую ткань, выпила благословенной воды с ревенем и омыла себе грудь. Монах попросил меня почитать над ней евангелие. Я прочел Страсти Господни по Иоанну. Наконец она развеселилась, чувствуя себя лучше, и приказала принести четыре яскота серебра, которые положила сперва к подножию креста, а потом дала один монаху и протянула один мне, но я не пожелал взять его. Тогда монах, протянув руку, взял его. И каждому из священников она дала по одному яскоту; таким образом за один раз она отдала сорок марок. Затем она приказала принести вина и дала выпить священникам, и мне также надлежало трижды выпить из ее руки в честь св. Троицы. Она начала также учить меня их наречию, причем шутила со мною, что я нем, не имея при себе толмача. На следующий день мы снова вернулись к ней, и Мангу-хан, слыша, что мы пошли туда, приказал ввести нас к нему, так как узнал, что госпоже лучше.

Мы нашли его с немногими служителями сосущим жидкую глину, то есть тестовидную пищу для укрепления головы, и перед ним лежали сожженные кости бараньих лопаток. Он взял крест себе в руку, но я не видал того, чтобы он поцеловал его или поклонился ему, а хан только глядел на него, спрашивая о чем-то. Тогда монах попросил позволения носить крест на копье вверх, так как по этому поводу хан раньше говорил с монахом, и Мангу ответил: "Носите его так, как знаете лучше сделать". Затем, после приветствия хану, мы направились к вышеупомянутой госпоже и нашли ее здоровой и бодрой; она выпила еще святой воды, и мы прочли над нею Страсти. И эти несчастные священники никогда не учили ее вере и не уговаривали креститься. Я же сидел там немой, не имея возможности что-нибудь сказать, но она сама еще учила меня тамошнему наречию. И священники не порицали ее ни за какое колдовство, ибо я видел там четыре меча, извлеченных из ножен до половины, один у изголовья ложа госпожи, другой у подножия, а два другие по одному с обеих сторон входа. Я видел там также серебряную чашу, напоминающую наши чаши, которая, вероятно, была похищена в одной из Венгерских церквей и висела на стене полная пепла, а сверху над этим пеплом был черный камень, и священники никогда не учат их тому, что это дурно. Наоборот, они сами делают это и учат подобному. Мы посещали большую три дня, и таким образом здоровье к ней вполне вернулось. С того времени монах сделал хоругвь, всю покрытую крестами, и отыскал длинную жердь вроде копья, так что мы носили крест воздвигнутым. Я почитал монаха, как своего епископа, потому что он знал местное наречие. Однако многое из того, что он делал, мне не нравилось. Именно он приказал соорудить для себя складное сиденье, какое обычно бывает у епископов, а также заказал перчатки и шапку из павлиньих перьев, а сверху ее золотой крестик. Это мне очень понравилось только в отношении креста. Он имел ногти с язвинами и старался украсить их благовонными мазями. В речи он являл из себя Надменного. Также и сами несториане произносили какие-то стихи из псалма, как они говорили, над двумя прутьями, которые соединялись взаимно, когда их держали два человека. Монах сам присутствовал при этом, и в нем заметно было много других суетных качеств, которые мне не нравились. Однако мы не отставали от его общества из уважения к кресту. Именно мы носили воздвигнутый крест по всему становищу с пением: "Хоругви царя появляются", отчего Саррацины приходили в полное оцепенение.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Описание земель, лежащих в окрестностях ханского дворца О нравах, монетах и письменах Татар

С тех пор, как мы попали ко двору Мангу, он двигался на повозках только к югу, а с этого времени начал возвращаться в северном направлении, что было и направлением к Каракаруму. Во всю дорогу я отметил только одно, о чем мне сказал в Константинополе господин Балдуин де Гэно, который был там, именно: он видел удивительно только то, что он всю дорогу в путешествии поднимался и никогда не спускался. Ибо все реки текли с востока на запад или прямо, или не прямо, то есть с наклоном к югу или к северу. И я спросил священников, прибывших из Катайи, и они свидетельствовали, что от того места, где я нашел Мангу-хана, до Катайи было 20 дней пути в направлении к юго-востоку, а до Онанкеруле, настоящей земли Моалов, где находится двор Чингиса, было 10 дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы, по имени Су-Моал, то есть Моалы вод, ибо Су значит вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких. К северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени Керкисы. Живут там также Оренгаи, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротой, что ловят птиц и зверей. И еще много других бедных народов живет в северной стороне, поскольку им это позволяет холод; на западе соприкасаются они с землею Паскатира, а это - Великая Венгрия, о которой я сказал вам выше.

Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов. Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся о чудовищах или о чудовищных людях, о которых рассказывают Исидор и Солин. Татары говорили мне, что никогда не видали подобного, поэтому мы сильно недоумеваем, правда ли это. Всем вышеупомянутым народам, как бы бедны они ни были, надо нести какую-нибудь службу. Ибо Чингис издал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы, пока он не настолько стар, что больше не может никоим образом работать. Один раз сидел со мной один священник из Катайи, одетый в красное сукно самого лучшего цвета, и я спросил у него, откуда они берут такую краску. Он рассказал мне, в восточных странах Катайи находятся высокие скалы, на которых живут какие-то создания, имеющие во всем человеческий образ, кроме того, что они не сгибают колен, а ходят, не знаю, как-то подпрыгивая; ростом они всего с один локоть, тело их все одето волосами, живут они в недоступных пещерах. И охотники Катайи ходят на них, имея при себе пиво, возможно более пьяное. Они делают отверстия в скалах, наподобие чаш, и наполняют их этим пивом. Ибо в Катайе нет вина, но теперь они начинают сажать лозы, а [обычное] питье готовят из риса. Итак, охотники прячутся, а вышеупомянутые живые существа выходят из самых пещер, отведывают вышеупомянутого напитка и кричат: "Хин, хин", откуда, от этого крика, они получили свое имя, ибо их называют Хинхин. Затем они собираются в большом количестве, пьют

вышеупомянутое пиво, опьяняются и там засыпают. Тогда подходят охотники и связывают спящих по рукам и по ногам. Затем открывают им на шею жилу, извлекают три или четыре капли крови и дают им уйти свободными. И эта кровь, как он сказал мне, весьма ценна для окраски пурпура. Рассказывали также за истину, чему я не верю, что за Катайей есть некая область, имеющая такое свойство: в каком бы возрасте человек ни вошел в нее, он и остается в таком возрасте, в котором вошел. Катайя находится над океаном. И мастер Вильгельм рассказывал мне, что видел послов некоторых народов, по имени Кауле и Манзе, живущих на островах, но море там зимою замерзает, так что Татары могут тогда направиться к ним. Эти народы предлагали ежегодно тридцать две тысячи туменов яскотов, лишь бы только их оставили в мире. Тумен - монета, содержащая десять тысяч. Ходячей монетой в Катайе служит бумажка из хлопка (Carta de Wambasio), шириною и длиною в ладонь, на которой изображают линии, как на печати Мангу. Пишут они кисточкой, которой рисуют живописцы, и одно начертание содержит несколько букв, выражающих целое слово. Тибетцы пишут, как мы, и их начертания очень похожи на наши. Тангуты пишут справа налево, как Арабы, но умножают строки, восходя вверх, а Югуры, как сказано выше, пишут сверху вниз. Ходячей монетой Русских служат шкурки разных пушных зверей, горностаев и белок.

Когда мы прибыли [жить] с монахом, он с любовью внушил нам воздерживаться от мяса, говоря, что наш служитель будет есть мясо с его служителями, а для нас он сам позаботится о муке и масле растительном и коровьем. Мы исполнили это, хотя такое требование сильно тяготило моего товарища по причине его слабости. Отсюда пищей нашей служило пшено с коровьим маслом, или тесто вареное в воде с тем же маслом или кислым молоком и пресный хлеб, испеченный на бычачьем или конском навозе.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

О втором посте восточных народов

Но настала сыропустная неделя, когда впервые перестают есть мясо все восточные христиане, и главная госпожа Котота ту неделю постилась со всеми женщинами. Она приходила всякий день в нашу часовню и раздавала съестные припасы священникам и другим христианам, которые стекались туда в эту первую неделю в большом количестве для выслушания службы. Она дала нам обоим, мне и моему товарищу, по рубашке и штанам из серого аксамита (samico), подбитым шелковыми охлопками, так как мой товарищ сильно жаловался на тяжесть меха. Я взял платье, чтобы утешить своего товарища, оговорившись, однако, что не ношу таких одежд. Я отдал моему толмачу то, что пришлось на мою долю. Затем придворные привратники, охранявшие двор, видя, что такое огромное количество людей стекалось ежедневно к церкви, которая находилась в пределах двора, послали одного из своей среды к монаху, сообщая ему, что они не желают, чтобы такое большое количество собиралось туда в пределах двора. Тогда монах резко

ответил им, что он хочет знать, сам ли Мангу приказывает это, и прибавил даже некоторые угрозы, будто он собирается обвинить их пред Мангу. Тогда те предупредили его и обвинили его пред Мангу в том, что он слишком много говорит и собирает на свои беседы слишком большую толпу. Тогда в воскресенье четыредесятицы нас позвали ко двору, причем монаха довольно позорно обшарили, ища, нет ли при нем ножа, так что он снимал даже свои башмаки. Затем вошли мы пред лицо хана, который, имея у себя в руке сожженную баранью лопатку, всматривался в нее, а затем, как бы читая в ней, стал порицать монаха, спрашивая, зачем тот, будучи человеком, который должен молиться Богу, столько говорит с людьми. Я же стоял сзади с обнаженной головой, и хан сказал ему: "Зачем ты не обнажаешь головы, когда приходишь ко мне, как поступает этот Франк?" и приказал позвать меня ближе. Тогда монах, сильно смущенный, снял свой клобук, вопреки обычаю греков и армян; после того как хан наговорил ему много резкостей, мы вышли. И тогда монах вручил мне крест для несения до часовни, так как сам от смущения не хотел нести его. Через немного дней он примирился с ханом, обещая ему отправиться к папе и привести в его повиновение все народы Запада. Затем, вернувшись от хана после этого разговора в часовню, он стал спрашивать у меня про папу, думаю ли я, что тот захочет его видеть, если монах явится к нему от Мангу, и захочет ли он дать ему коней до святого Иакова. Спросил он также и про вас, думаю ли я, что вы захотите послать к Мангу вашего сына. Тогда я внушил ему остерегаться давать Мангу лживые обещания, так как последняя ложь будет горше первой, и Бог не нуждается в нашей лжи, чтобы мы ради Него говорили коварные выдумки.

В эти дни возник спор между монахом и одним Священником, по имени Ионой, человеком хорошо образованным, отец которого был архидьяконом, и другие священники считали его за своего учителя и архидьякона (*pro magistro archidiacono*). Именно монах говорил, что человек был создан раньше рая земного и что так говорит Евангелие. Тогда меня позвали разобрать этот спор. Я же, не зная, какие у них были мнения об этом, ответил, что рай был создан в третий день, когда и другие деревья, человек же создан в шестой день. Тогда монах стал говорить: "Разве диавол не принес земли в первый день с четырех стран мира и не создал из образовавшейся грязи человеческого тела, а Бог не вдохнул в него души?" Тогда, слыша знаменитую ересь Манихея и ее столь открытое и бесстыдное провозглашение, я резко выбранил монаха, приказывая ему положить палец на уста свои, так как он не знал Писания, и остерегаться говорить, чтобы не навлечь на себя вины. Но тот и сам начал меня осмеивать за то, что я не знал тамошнего языка.

Итак, я ушел от него, направляясь к себе домой. После этого было так, что и сам он, и священники в крестном ходе отправились ко двору, не позвав меня, так как монах не говорил со мною по причине упомянутого упрека и не хотел вести меня с собою, как это было у него в обычае раньше. Итак, когда они пришли пред лицо Мангу, тот, не видя меня среди них, внимательно осведомился, где я и почему не пришел с ними. Священники испугались и извинились. Вернувшись же, они пересказали мне слова Мангу и сетовали на монаха. После этого монах помирился со мною, а я с ним, прося, чтобы он помог мне в понимании тамошнего языка, а я обещал помогать ему в понимании Священного Писания, ибо брат, получающий помощь от брата, все равно, что крепкий город.

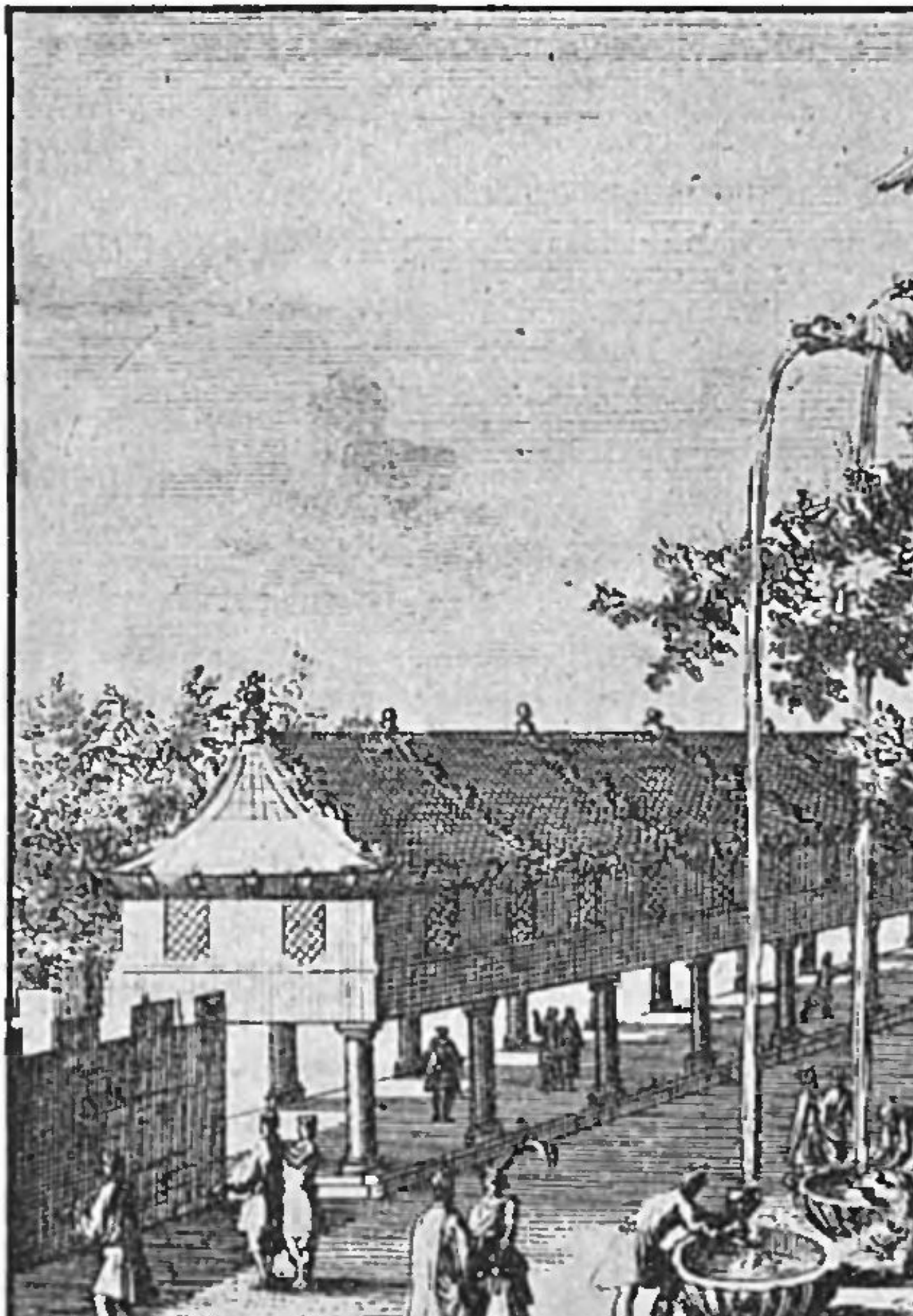
По прошествии первой недели поста госпожа перестала приходить в часовню и давать пищу и пиво, которое мы обычно получали. Монах не позволял приносить их, говоря, что при приготовлении этого кладется бараний жир. Также и растительное масло он давал нам только редко. Итак, у нас не было ничего, кроме испеченного под золою хлеба и теста, сваренного на воде, и мы пили суп, потому что вода была у нас только из растаявшего снега или льда; а такая вода весьма плохого качества. Тогда мой товарищ начал сильно унывать. Тогда я указал на нашу нужду Давиду, учителю старшего сына хана, и тот доложил мою речь самому хану, который лично приказал дать нам вина, муки и масла. Рыбы в четырехдесятницу отнюдь не вкушают ни несториане, ни армяне. Затем нам дали бурдюк с вином. Монах говорил, что он ест только по воскресеньям, и тогда сама госпожа посылала ему пищу из вареного теста с уксусом для питья. У него же при себе, под алтарем, стоял сундук с миндалем, изюмом, черносливом и многими другими плодами, которые он ел целый день, когда был один. Мы ели раз в день и то с большим горем. Именно, с тех пор как они узнали, что Мангу-хан дал нам вина, они самым бесстыдным образом, наподобие собак, бросались на нас, тут были и священники-несториане, которые целый день пьянствовали при дворе, и сами Моалы, и служители монаха. Да и сам монах, когда к нему приходил кто-нибудь, кому он хотел дать выпить, посылал к нам за вином. Итак, это вино доставляло нам больше горести, чем утешения, так как мы не могли отказать в нем, не вызвав ссоры. Если мы стали бы раздавать его, нам не хватило самим; а когда бурдюк был опорожнен, мы не смели просить себе у двора еще.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

О работе Вильгельма, золотых дел мастера, и о ханском дворце в Каракаруме

Около середины четырехдесятницы прибыл сын мастера Вильгельма и принес красивый серебряный крест, сделанный по франкскому обычаю с серебряным изображением Христа, прибитым поперек. Увидев это изображение, монахи и священники сняли его, хотя молодой человек должен был представить крест от имени мастера Булгаю, старшему секретарю двора; слыша это, я сильно огорчился. Этот юноша доложил также самому Мангу-хану, что сооружение, которое тот заказал сделать, исполнено. Это сооружение я вам опишу. В Каракаруме у Мангу имеется рядом с городскими стенами большой двор, обнесенный кирпичною стеною, как окружают у нас монашеские обители. Там помещается большой дворец, в котором хан устраивает попойку дважды в год: раз около Пасхи, когда он проезжает там, и раз летом, когда возвращается. И это последнее празднество более значительно, так как тогда ко двору его собираются все знатные лица, хотя бы они находились где-либо даже на расстоянии двух месяцев пути, и хан тогда дарит им платья и другие вещи и являет великую славу свою. Там имеется также много домов, длинных, как риги, куда убирают съестные припасы хана и сокровища. Так как в этот большой дворец непристойно было вносить бурдюки с молоком и другими напитками, то при входе в него мастер Вильгельм парижский сделал для

хана большое серебряное дерево, у корней которого находились четыре серебряных льва, имевших внутри трубу, причем все они изрыгали белое кобылье молоко. И внутри дерева проведены были четыре трубы вплоть до его верхушки; отверстия этих труб были обращены вниз, и каждое из них сделано было в виде пасти позолоченной змеи, хвосты которых обвивали ствол дерева. Из одной из этих труб лилось вино, из другой - каракосмос, то есть очищенное кобылье молоко, из третьей - бал, то есть напиток из меду, из четвертой - рисовое пиво, именуемое террацина. Для принятия всякого напитка устроен был у подножия дерева между четырьмя трубами особый серебряный сосуд. На самом верху сделал Вильгельм ангела, державшего трубу, а под деревом устроил подземную пещеру, в которой мог спрятаться человек. Через сердцевину дерева вплоть до ангела поднималась труба. И сначала он устроил раздувательные мехи, но они не давали достаточно ветру. Вне дворца находился подвал, в котором были спрятаны напитки, и там стояли прислужники, готовые потчевать, когда они услышат звук трубы ангела. А на дереве ветки, листья и груши были серебряные. Итак, когда начальник виночерпиев нуждался в питье, он кричал ангелу, чтобы загудела труба; тогда лицо, спрятанное в подземной пещере, слыша это, сильно дуло в трубу, ведущую к ангелу; ангел подносил трубу ко рту, и труба гудела очень громко. Тогда, услышав это, прислужники, находившиеся в подвале, наливали каждый свой напиток в особую трубу, а трубы подавали жидкость вверх и вниз в приготовленные для этого сосуды, и тогда виночерпии брали напиток и разносили его по дворцу мужчинам и женщинам.

И дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращенные к югу. Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево, а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы (gradus): по одной подающий ему чашу поднимается, а по другой спускается. Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами, по которым поднимаются к хану, остается пустым; именно там становится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, с левого - женщины. Дворец простирается с севера на юг. К югу, рядом с колоннами, у правого бока, находятся возвышенные сидения, наподобие балкона, на которых сидят сын и братья хана. На левой стороне сделано так же; там сидят его жены и дочери. Одна только жена садится там, наверху, рядом с ним, но все же не так высоко, как он.

Итак, услышав, что сооружение выполнено, хан поручил мастеру поставить его на надлежащее место и хорошенько приладить, а сам около воскресенья на Страстной неделе двинулся вперед с маленькими домами, оставив большие дома сзади себя. И монах и мы последовали за ним, и он прислал нам другой бурдюк вина. И он проезжал между гор, на которых дул сильный ветер, стояла сильная стужа, и выпал большой снег. Поэтому около полуночи он сам прислал к монаху и к нам просить помолиться Богу, чтобы Он умерил эту стужу и ветер, так как все животные, бывшие в караване, подвергались большой опасности, особенно потому, что они были тогда стельными и рожали.

Тогда монах послал ему ладану, препоручая положить его на уголья и принести Богу. Не знаю, сделал ли он это, но буря, которая продолжалась уже два дня, утихла, когда наступал уже третий день.

В Вербное воскресенье мы были вблизи Каракарума. Как только стало рассветать, мы благословили вербы, на которых еще не было заметно никаких почек. Около девяти часов мы въехали в упомянутый город, воздвигнув крест и развернув хоругвь; через середину квартала Саррацинов, где находится рынок и базар, мы добрались до церкви. Несториане вышли нам навстречу с крестным ходом. Войдя в церковь, мы нашли их готовыми к служению обедни; отслужив ее, они все причастились и спросили меня, не хочу ли и я причаститься. Я ответил, что уже раз пил, а причастие следует принимать только натошак. После обедни наступил уже вечерний час, и мастер Вильгельм повел нас с великой радостью в свое помещение отужинать вместе. Жена его - дочь уроженца Лотарингии, а родилась в Венгрии и хорошо знает по-французски и по-комански.

Нашли мы также и еще одного [европейца], по имени Базиля, сына Англичанина; этот Базиль родился в Венгрии и знает вышеупомянутые наречия. После ужина, прошедшего в великой радости, они проводили нас в наше помещение, которое устроили для нас Татары на площади вблизи церкви, вместе с часовней монаха. На следующий день хан прибыл в свой дворец, и монах, я и священники отправились к нему. Товарищу моему они не позволили идти, так как он наступил на порог. Я долго размышлял, как мне следует поступить, идти или не идти. Я и боялся ссоры, если отстану от других христиан, и [видел], что угоден хану, и боялся, что то доброе дело, на возможность осуществления которого я надеялся, встретит

препятствие к распространению, а потому и предпочел лучше идти, хотя видел, что их действия преисполнены колдовства и идолослужения. И я не делал там ничего другого, как только молился громким голосом за всю церковь, а также и за самого хана, чтобы Бог направил его на путь вечного спасения. Итак, мы вступили на упомянутый двор, который был довольно хорошо устроен; летом там повсюду проведены каналы, орошающие двор. После этого мы вошли во дворец, полный мужчин и женщин, и стали пред лицом хана, имея сзади вышеназванное дерево, которое вместе с сосудами занимало значительную часть дворца. Священники принесли два благословенные хлебца и плоды на блюдечке, которые поднесли ему, произнеся над ними благословение. И дворецкий (pincerna) понес их к нему, сидящему вверху на очень высоком и приподнятом месте. И он тотчас один из хлебцев стал есть сам, а другой послал своему сыну и одному из своих младших братьев, который был воспитан одним несторианином и знает Евангелие; он также посылал за моей Библией, чтобы посмотреть ее. После священников монах произнес свою молитву, а после монаха я. Затем хан обещал прийти на следующий день в церковь, которая достаточно велика и красива и вся обтянута сверху шелковой тканью, вышитой золотом. Но на следующий день он продолжал свой путь, поручив извиниться пред священниками, что он не дерзнул прийти в церковь, так как узнал, что туда приносят покойников. Мы же с монахом и другие придворные священники остались в Каракаруме, чтобы там отпраздновать Пасху.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Как несториане совершают таинства. Как христиане исповедовались у Рубрука и причащались в Пасху

Но вот приближался Великий Четверг и самая Пасха, а у меня не было наших облачений; кроме того, я наблюдал способ служения несториан и очень затруднился, что делать, принять ли причастие от них, или служить в их облачении, с их чашей и на их алтаре, или совершенно воздержаться от причастия.

Тогда там было большое количество христиан: венгерцев, аланов, русских, георгианов и армян, которые все не видали причастия с тех пор, как были взяты в плен, так как несториане сами не хотели допускать их к себе в церковь, если те не перекрестятся снова так, как они говорили. Нам, однако, они не делали никакого упоминания по этому поводу; мало того, они признавали, что Римская церковь - глава всех церквей, и что они сами должны были бы принимать патриарха от папы, если бы проезд к нему был свободен. И они щедро предлагали нам свое причастие и приглашали меня стать при входе в хор церкви, чтобы видеть их обряд служения, а накануне Пасхи хотели поставить меня рядом с купелью, чтобы посмотреть обряд крещения. Они говорят, что у них есть то миро, которым Мария Магдалина умастила ноги Господа, и они всегда подливают туда масла, сколько берут, и на нем месят хлеб свой. Ибо все восточные люди кладут в хлеб свой вместо дрожжей или жир, или коровье масло, или сало из бараньего хвоста, или растительное масло. Они говорят также, что у них имеется мука, из которой приготовлен был хлеб,

освященный Господом, и они всегда возмещают ее в таком количестве, в каком берут. У них есть комната, расположенная рядом с церковным клиросом, и печь, где они готовят хлеб, который должны освящать с великим благоговением. Итак на вышеупомянутом масле они изготавливают хлеб шириною в ладонь, который дробят сперва на 12 частей по числу Апостолов, а затем делят эти части по количеству народа. Священник дает каждому в руку тело Христово, и тогда человек благоговейно принимает его на ладонь и касается ладонью до макушки головы. Вышеупомянутые христиане и сам монах настаивали и просили нас именем Божиим отслужить обедню.

Тогда я приказал им, как мог, через толмача, исповедоваться, перечислив 10 заповедей, 7 смертных грехов и другое, в чем человек должен всенародно покаяться и исповедаться. Они оправдывали себя в краже, говоря, что без кражи не могут жить, так как господа их не заботятся для них ни об одежде, ни о пропитании. Тогда я, рассуждая, что они похищали имущество этих лиц не без надлежащего основания, сказал, что им можно брать необходимое из имущества господ и что я готов сказать это перед лицом самого Мангу-хана. Некоторые из них также были людьми военными; они оправдывали себя тем, что им необходимо идти на войну, иначе их убьют. Я крепко наказал им, чтобы они не ходили на христиан и не обижали их, иначе пусть лучше дадут себя убить, потому что таким образом они станут мучениками; и я прибавил, что если кто пожелает обвинить меня за это учение перед Мангу-ханом, то я готов заявить это в его присутствии. Ибо, когда я учил этому, тут были придворные из несториан, и я подозревал их, что они могут случайно донести на нас.

И тогда мастер Вильгельм приказал сделать для нас железце, чтобы придавать надлежащую форму жертвенным облаткам; у него были некоторые облачения, которые он сделал для себя. Ибо он немного знает грамоте и ведет себя, как клирик. Он приказал сделать на франкский лад изваяние святой Девы и в окошках, замыкавших его, изваял очень красиво Евангельскую историю; он изготовил также серебряный ковчег для сокрытия тела Христова и мощей в маленьких ящичках, устроенных в боках ковчега. Он сделал также часовню на повозке, очень красиво разрисованную священными событиями. Итак, я взял его облачения и благословил их, и мы приготовили по своему обычаю жертвы, очень красивые, и несториане отвели мне свою крещальню, в которой был алтарь. Их патриарх посылает им из Балдаха четырехугольную кожу, наподобие переносного жертвенника, помазанную миром, и они применяют ее вместо священного камня. Итак, в Великий Четверг я служил с их серебряной чашей и дискосом, а эти сосуды были очень велики; также было это и в день Пасхи. И мы причастили народ, как я надеюсь, с благословением Божиим. А сами они окрестили в полном благочинии в канун Пасхи более чем шестьдесят лиц, и все христиане сообщая этому весьма радовались.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

О болезни мастера Вильгельма и о священнике Ионе

Тогда мастеру Вильгельму довелось тяжело захворать; когда он стал уже поправляться, посещавший его монах дал ему выпить ревеню, но так, что чуть не убил его. Посетив его затем, я нашел состояние его весьма тяжким и спросил, что он ел или пил. И он рассказал мне, как монах давал ему вышеупомянутого питья и как он выпил два полных блюда, считая, что это - святая вода. Тогда я пошел к монаху и сказал ему: "Или гряди, как апостол, творя истинные чудеса силою молитвы и Святого Духа, или поступай, как врач (phisicus), согласно правилам лечебного искусства. Ты даешь пить крепкое целебное питье людям, к этому неподготовленным, как будто бы это питье было нечто священное; ты подвергнешься за это злейшему бесчестию, если это дойдет до сведения людей". С того времени он стал опасаться и остерегаться меня. Довелось также в то время захворать тому священнику, который считался как бы архидьяконом других, и друзья его послали за одним саррацинским прорицателем, который сказал им: "Некий тощий человек, который не ест, не пьет и не спит на ложе, разгневан на него. Если бы больной мог получить его благословение, то мог бы выздороветь". Тогда те подумали на монаха, и около полуночи жена священника, сестра и сын его пришли к монаху, прося прийти и благословить больного. Они разбудили также и нас, чтобы мы просили монаха. Тогда, в ответ на нашу просьбу, он сказал: "Оставьте его, так как он, с тремя другими, которые равным образом пойдут плохими путями, вознамерился идти ко двору и хлопотать, чтобы я и вы были изгнаны из этих стран". Именно между ними уже ранее возникла ссора от того, что Мангу и его жены послали в канун Пасхи четыре яскота и шелковые ткани как для монаха, так и для священников, чтобы те разделили это между собою, и монах удержал себе на свою долю один яскот, а из остальных трех один был поддельный, так как оказался медным; поэтому священникам казалось, что монах удержал себе чересчур большую долю; отсюда могло быть, что они имели между собою какой-нибудь разговор, который был передан монаху. С наступлением дня я пошел к названному священнику, имевшему сильнейшую боль в боку и харкавшему кровью, отчего я подумал, что у него [внутренний] нарыв. Тогда я посоветовал ему признать папу за отца всех христиан, что он и сделал, дав обет, что если Господь даст ему здоровья, он посетит папу, чтобы облобызать его стопы (visitaret pedes rare), и приложит все старание к тому, чтобы папа послал свое благословение Мангу-хану. Я посоветовал ему также вернуть все, что у него было чужого. Он сказал, что у него нет ничего. Я упомянул ему также про таинство последнего помазания. Он ответил: "У нас оно не в обычае, да и священники наши не умеют совершать его. Прошу вас совершить это для меня так, как, по вашему разумению, надо совершить это".

Я внушил ему также исповедаться, что у них не в обычае. Он сказал что-то немного на ухо одному священнику из своих товарищей. После этого он начал чувствовать себя лучше и попросил меня сходить за монахом. Я пошел. Монах сперва не пожелал прийти; но, услышав, что больному лучше, пошел со своим крестом; пошел и я, неся в ковчеге мастера Вильгельма тело Христово, которое я сберег в день Пасхи по просьбам мастера Вильгельма. Тогда монах начать топтать больного ногами, а тот обнимал его ноги с полным унижением. Затем я сказал больному: "В Римской Церкви есть обычай, что немощные приобщаются тела Христова, как напутствия и укрепления против всех козней вражеских. Вот тело

Христово, которое я сохранил в день Пасхи. Ты должен исповедаться и попросить его". Тогда он сказал с полной верой: "Я прошу от всего сердца". Когда я открыл его, он сказал с большею горячностью: "Я верую, что это - Творец и Спаситель мой, который даровал мне жизнь и вернет ее мне по смерти при всеобщем воскресении". И таким образом он принял из моей руки тело Христово, изготовленное (confectum) по обычаю Римской церкви. Затем монах остался с ним и дал ему в мое отсутствие каких-то напитков. На следующий день он захворал смертельно. Тогда я взял масло их, которое они называли святым, и помазал его по обряду Церкви, как он просил о том меня ранее. Нашего масла у меня не было, так как священники Сартаха удержали его все. Когда мы прочитали ему отходную и я хотел быть при его кончине, монах отослал меня домой, говоря, чтобы я удалился, так как если бы я остался там, то не мог бы входить в дом Мангу-хана вплоть до конца года. Когда я сообщил это друзьям больного, они сказали мне, что это - правда, и попросили меня удалиться, чтобы не встретить препятствия в том благом деле, которое я мог бы подвинуть далее. Когда больной умер, монах сказал мне: "Не беспокойтесь: я убил его своими молитвами. Он один был ученый и противился нам. Другие ничего не знают. Впредь все они и сам Мангу-хан придут к нашим стопам". Затем он пересказал нам вышеприведенный ответ гадалеля; не веря ему, я спросил у священников, друзей усопшего, правда ли это. Они отвечали утвердительно, но не знали того, был ли он заранее предуведомлен, или нет. После того я открыл, что сам монах призывал упомянутого выше гадалеля и его жену к себе в часовню и заставлял просеивать пыль и гадать себе. У него был также какой-то русский дьякон, который гадал ему. Когда я узнал это, я ужаснулся его глупости и сказал ему: "Брат, человек, исполненный Духа Святого, который всему учит, не должен искать ответов или совета у гадалелей; все это запрещено, и люди, этому следующие, отлучены". Тогда он начал оправдывать себя тем, что это не правда, будто он ищет подобного. Я же был не в силах удалиться от него, так как был помещен там по приказу самого хана и не мог переселиться без его особого разрешения.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Описание города Каракарума

О том, как Мангу-хан послал своих братьев против разных народов

О городе Каракаруме да будет вашему величеству известно, что, за исключением дворца, он уступает даже (non ita bona) пригороду святого Дионисия, а монастырь святого Дионисия стоит вдесятеро больше, чем этот дворец. Там имеются два квартала: один Саррацинов, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал Катайев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен

глиняной стеною и имеет 4 ворот. У восточных продается пшено и другое зерно, которое, однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных продают быков и повозки; у северных продают коней.

Следуя за двором, мы прибыли туда в воскресенье пред Вознесением. На следующий день нас, а именно: монаха, всех его домашних, нас и всех послов и иностранцев, которые посещали дом монаха, позвал Булгай, главный секретарь и судья; пред лицо Булгая нас позвали поодиночке, сперва монаха, а после него нас; они начали тщательно расспрашивать, откуда мы, зачем прибыли и в чем состоит наше служение. Этот допрос делался потому, что Мангу-хану было доложено, будто четыреста Человекоубийц прибыли в различных платьях, чтобы убить его. Около этого времени вышеупомянутая госпожа снова захворала и послала за монахом, а тот, не желая идти, ответил: "Она снова созвала вокруг себя идолопоклонников; пусть лечат ее, если могут. Я больше не пойду".

Накануне Вознесения Господня мы были во всех домах Мангу-хана, и я видел, как, когда он должен был пить, они выливали кумыс на его войлочных идолов. Тогда я сказал монаху: "Какое общение у Христа с Ваалом? Какое отношение у нашего креста с этим идолом?"

Сверх того, у Мангу-хана имеется восемь братьев: три единоутробных и пять по отцу. Одного из единоутробных он послал в землю Человекоубийц, именуемых ими Мулидет, и приказал всех их умертвить. Другой отправился в направлении к Персии и уже вступил в нее, собираясь, как полагают, вступить в Турецкую землю и готовясь отправить оттуда войско против Балдаха и Вастация. Одного из остальных он послал в Китайю, против неких народов, которые им еще не повинуются. Меньшего единоутробного брата, по имени Арабукху, Мангу удержал у себя; этот брат занимает двор их матери, которая была христианкой и рабом которой был мастер Вильгельм. Один из братьев хана со стороны отца взял Вильгельма в плен в Венгрии, в одном городе, по имени Белеграв, в котором был Нормандский епископ из Бельвиля, вблизи Руана; вместе с Вильгельмом был взят в плен епископский племянник, которого я видел там в Каракаруме. Брат хана отдал мастера Вильгельма матери Мангу, так как она очень настаивала на обладании им; по смерти ее мастер Вильгельм достался Арабукхе вместе со всеми другими, принадлежавшими ко двору матери, а через него стал известным Мангу-хану, который дал мастеру для выполнения вышеупомянутой работы 100 яскотов, то есть тысячу марок.

Итак, накануне Вознесения Мангу-хан сказал, что хочет отправиться ко двору своей матери и посетить ее, так как это было уже близко. Монах же заявил, что хочет отправиться с ним и дать свое благословение душе его матери. Это понравилось хану. Вечером в день Вознесения состояние здоровья вышеупомянутой госпожи сильно ухудшилось, и глава прорицателей послал к монаху распоряжение не бить в доску. Хотя на следующий день весь двор удалился, двор вышеупомянутой госпожи остался. Когда же мы прибыли на место остановки двора, то монаху приказано было расположиться от двора дальше, чем обыкновенно, что он и исполнил. Тогда Арабукха сам выехал навстречу брату своему хану. Монах же и мы, заметив, что он едет мимо нас, встретили его со крестом. Он же, признав нас, так как раз был в нашей часовне, протянул руку и сделал нам ею крест, как епископ. Тогда монах сел на коня и последовал за ним,

взяв с собою плоды. Арабукха же слез перед двором своего брата, ожидая его, пока тот не вернется с охоты. Тогда монах слез там же и поднес Арабукхе свои плоды, которые тот принял; рядом с ним сидели два вельможи из двора самого хана, Саррацины. Арабукха, зная про вражду, существующую между христианами и Саррацинами, спросил у монаха, знает ли он упомянутых Саррацинов. Тот ответил: "Знаю, потому что они собаки; зачем держишь ты их возле себя?" Те возразили: "Зачем ты говоришь нам обидные речи, тогда как мы не говорим тебе никаких?" Монах сказал им: "Я говорю правду, и вы, и Магомет ваш - презренные псы". Тогда они начали отвечать богохульствами на Христа, но Арабукха удержал их, говоря: "Не говорите, так как мы знаем, что Мессия - Бог". В этот час поднялся внезапно такой сильный ветер по всей стране, что казалось, будто по ней бегают демоны; немного спустя дошли слухи, что упомянутая госпожа умерла. На следующий день хан вернулся к своему двору по иной дороге, а не по той, по которой выехал, ибо у них существует суеверие, что они никогда не возвращаются по той дороге, по которой выезжают. Кроме того, когда где побывает двор, то после его удаления никто, ни конный, ни пеший, не смеет пройти по тому месту, на котором пребывал двор, пока заметны следы огня, который там был разведен. В этот день какие-то Саррацины встретились с монахом на дороге, вызывая его и споря с ним. Так как он не умел защититься при помощи доводов и они стали над ним насмехаться, то он хотел наказать их плетью, которую держал в руке, и достиг того, что вышеупомянутые слова его и поступки были доведены до двора, и нам было приказано, чтобы мы остановились с другими послами, а не перед двором, где мы останавливались обычно.

Я же все надеялся, что приедет царь Армянский. Также около Пасхи прибыл некто из Болата, где живут те немцы, ради которых главным образом я отправился туда; он сказал мне, что этот немецкий священник должен прибыть ко двору. И поэтому я не поднимал никакого вопроса пред Мангу о том, оставаться ли мне или уехать; и сначала он дал нам позволение пробыть там только два месяца; а уже прошло четыре месяца, даже пять. Именно это происходило около конца мая, а мы оставались там весь январь, февраль, март, апрель и май. Я же, не слыша никаких известий про царя или упомянутого священника и боясь, что нам придется возвращаться зимою, суровость которой мы испытали, поручил спросить у Мангу-хана, что он хочет делать с нами, так как мы охотно остались бы там навсегда, если ему это было бы угодно; если же нам надлежит вернуться, то нам легче вернуться летом, чем зимою. Хан тотчас послал ко мне, приказывая мне не отлучаться, так как на следующий день он хочет поговорить со мною. Я же ответил, что если он хочет говорить со мною, то пусть пошлет за сыном мастера Вильгельма, так как мой толмач был неудовлетворителен. Тот же, кто говорил со мною, был Саррацин и ездил послом к Вастацию. Подкупленный его подарками, он посоветовал Вастацию отправить послов к Мангу-хану, чтобы оттянуть время, так как Вастаций полагал, что они немедленно должны вступить в его землю. И тот послал, а когда узнал их, то мало заботился о них и не заключал с ними мира, и они еще не вступали в его страну, да и не смогут этого, лишь бы он осмелился защищаться. И они никогда никакой земли не брали силою, а только коварством; и так как люди заключают с ним мир, то они во время этого мира разоряют их. Затем он стал усиленно расспрашивать про папу и короля Франков и о дорогах, ведущих к ним.

Монах же, слыша это, тихонько внушил мне не отвечать, так как сам хотел похлопотать о том, чтобы его отправили послом; поэтому я замолчал, не желая отвечать Саррацину. И он сказал мне какое-то обидное слово, за которое священники-несториане хотели жаловаться на него, и его убили бы или крепко поколотили бы, но я не пожелал этого.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Как нас несколько раз расспрашивали Наши беседы и споры с идолопоклонниками

На следующий день, именно в воскресенье перед Пятидесятницей, меня повели ко двору; ко мне пришли старшие секретари двора. Один из них, Моал, подает чашу самому хану, а другие - Саррацины, и они стали спрашивать меня от имени хана, зачем я прибыл. Тогда я пересказал им вышеприведенные слова, а именно, как я прибыл к Сартаху, а от Сартаха к Бату, и как Бату послал меня сюда; затем я сказал для передачи хану: "Мне нечего сказать ему от имени какого-нибудь человека (ибо он сам должен знать, что Бату написал ему); я мог бы сказать только слова Божии, если он захочет их выслушать". Они уцепились за эти слова, спрашивая, какие Божии слова я хочу сказать ему, думая, что я хочу предсказать ему какую-нибудь удачу, как поступают многие другие. Я ответил им: "Если вы хотите, чтобы я сказал ему слова Божии, устройте, чтобы я имел толмача". Они ответили: "Мы послали за ним, а теперь говорите, как можете, чрез присутствующего здесь толмача: мы хорошо пойдем вас". И они усиленно понуждали меня говорить. Тогда я сказал: "Кому больше поручено, с того больше взыщется. И еще: кому больше дано, тот должен больше и возлюбить. С этими словами Божиими я и обращаюсь к самому Мангу, ибо Бог дал ему великую власть, и богатства, которые он имеет, дали ему не идолы Туинов, а всемогущий Бог, который создал небо и землю, и в руке коего находятся все царства, и Он переносит их из народа в народ за грехи людей. Отсюда если хан возлюбит Его, хорошо будет ему; иначе же да узнает он, что Бог взыщет с него все до последнего гроша (quadrantem)". Тогда один из тех Саррацинов сказал: "Есть ли какой-нибудь человек, который не любил бы Бога?" Я ответил: "Бог говорит: если кто любит меня, тот соблюдает мои заповеди, а кто не любит меня, тот не соблюдает моих заповедей. Итак, кто не соблюдает заповедей Божиих, тот не любит Бога". Тогда тот возразил: "Разве вы были на небе, чтобы знать заповеди Божии?" - "Нет, - сказал я, - но Он сам дал их с неба святым людям, и напоследок сам сошел с неба, уча нас, и мы имеем их в писаниях и видим в деяниях людей, когда они их соблюдают или нет". На это он сказал: "Итак, вы хотите сказать, что Мангу-хан не хранит заповедей Божиих?" Я ответил: "Как вы говорите, придет толмач, и я пред лицом Мангу-хана, если ему будет угодно, прочитаю заповеди Божии, чтобы он сам судил о себе, соблюдает он их или нет". Тогда они удалились и сказали ему, что я назвал его идолопоклонником, или Туином, и сказал, что он не соблюдает заповедей Божиих. На следующий день он прислал ко мне своих секретарей с

таким поручением: "Господин наш посылает нас к вам с такими словами: вы здесь христиане, Саррацины и Туины. И каждый из вас говорит, что его закон лучше, и его письмена, то есть книги, правдивее. Поэтому хан желал бы, чтобы вы все собрались воедино и устроили сравнение (закона); пусть каждый напишет свое учение (dicta) так, чтобы хан мог узнать истину". Тогда я сказал: "Благословен Бог, который вложил это в сердце хана. Но Писание наше сказало, что рабу Господню не подобает ссориться, а следует быть кротким ко всем; поэтому я готов без спора и борьбы отдать отчет в вере и надежде христианской пред всяким того требующим". Они записали эти слова и доложили ему. Затем было объявлено несторианам, а равно и Саррацинам и таким же образом Туинам, чтобы они позаботились о себе и написали то, что захотят сказать. На следующий день он снова прислал секретарей с поручением. "Мангу-хан хотел бы знать, по какой причине прибыли вы в эти страны". Я ответил им: "Он должен сам знать это из грамоты Бату". Тогда они ответили: "Грамота Бату затерялась, и хан предал забвению то, что написал ему Бату; поэтому он хотел бы знать это от вас". Тогда, ободрившись, я сказал им: "На обязанности нашей религии лежит проповедовать Евангелие всем людям. Поэтому, когда я услышал про славу племени Моалов, я возымел желание пройти к ним; пока я пребывал в этом желании, мы слышали про Сартаху, что он христианин. Тогда я направил свой путь к нему. И господин король Франков послал ему грамоту, содержащую добрые слова, и в числе прочих слов свидетельствовал ему про нас, что мы за люди, прося позволения нам остаться среди людей Моалов. Тогда он послал нас к Бату, а Бату послал нас к Мангу-хану, поэтому мы просили его и теперь просим позволить нам остаться". Они записали все и на следующий день доложили ему. Он снова прислал их ко мне с поручением. "Хан хорошо знает, что среди вас нет никакого посла к нему, а что вы пришли молиться за него, как и другие праведные священники; но он спрашивает, были ли когда-нибудь ваши послы у нас, или наши у вас". Тогда я рассказал им все про Давида и про брата Андрея, и они записали все и доложили ему. Тогда он снова послал ко мне с поручением: "Господин хан говорит: "Вы долго пребывали здесь; он хочет, чтобы вы вернулись в свою землю и спрашивает, желаете ли вы взять с собою его посла". Я ответил им: "Я не посмел бы взяться провожать его послов за пределы его земли, так как между нами и вами есть земля, где идет война (terra guette), а также море и горы; кроме того, я - только бедный монах; поэтому я не посмел бы взять их к себе в сопутники". И они, записав все, вернулись.

Настал канун Пятидесятницы. Несториане написали хронику от сотворения мира до Страстей Христовых и, совершенно миновав Страсти, коснулись Вознесения, Воскресения мертвых и пришествия на Суд; в этой записи было кое-что подлежащее возражению, что я им и указал. Мы же просто написали символ, поющийся в обедню: "Верую во единого Бога". Затем я просил у них, как они хотят поступать дальше. Они сказали, что сначала хотят вести рассуждение с Саррацинами. Я сказал им, что это не хорошо, так как Саррацины согласуются с нами в том, что признают единого Бога: "Поэтому вы имеете в них помощников против Туинов". И они согласились с этим. Затем я спросил у них, знают ли они, как идолопоклонство получило начало в мире, и они не знали. Тогда я рассказал им, и они сказали: "Вы расскажете это им, а затем оставьте говорить нас, так как трудно беседовать через толмача". Я сказал им: "Попробуйте, как вы будете

держаться против них. Я приму на себя сторону Туинов, а вы примите сторону христиан. Допустим так, что я принадлежу к этой секте; так как они говорят, что Бога нет, докажите, что Бог существует". Ибо там существует некая секта, утверждающая, что всякая душа и всякая сила в какой-нибудь вещи и есть Бог этой вещи, и что иначе Бога не существует. Тогда несториане не умели ничего доказать, а рассказывали только то, что рассказывает Писание. Я сказал: "Они не верят Писанию, и вы расскажете одно, а они расскажут другое". Затем я посоветовал им позволить мне раньше сойтись с ними, так как, если я буду приведен в замешательство, им останется еще случай говорить; если же они будут приведены в замешательство, то меня затем могут и не выслушать. Они согласились. Итак, в канун Пятидесятницы мы собрались в нашей часовне, и Мангу-хан прислал трех секретарей, чтобы быть третейскими судьями: одного христианина, одного Саррацина и одного Туина; и было заявлено: "Приказ Мангу следующий, и никто да не дерзает говорить, что этот приказ разнится от приказа Божия. Он приказывает, чтобы никто под угрозой смертной казни не смел говорить едких или оскорбительных для другого слов и чтобы никто не устраивал смуты, могущей помешать этому делу". Тогда все смолкли. И там было большое количество народа, ибо каждая сторона призвала мудрейших из своего племени, и, кроме того, стеклось много других. Затем христиане поставили меня в середине и указали Туинам говорить со мною. Тогда те, собравшиеся там в большом количестве, начали роптать на Мангу-хана, так как никогда никакой хан не посягал на то, чтобы открывать их тайны. Затем они выставили против меня одного, прибывшего из Китая и имевшего своего толмача, а у меня был сын мастера Вильгельма. И тот противник сперва сказал мне: "Друг, если ты будешь приперт к стене, то поищи другого поумнее себя". Я промолчал. Тогда он спросил, о чем я хочу рассуждать раньше, о том ли, как образовался мир, или о том, что будет с душами после смерти. Я ответил ему: "Друг, это не должно быть началом нашей беседы. Все от Бога, и сам Он - источник и глава всего, поэтому мы сперва должны говорить о Боге, о котором вы мыслите иначе, чем мы, и Мангу хочет знать, кто верует лучше". Тогда посредники признали это справедливым. Он хотел начать с упомянутых выше вопросов, так как они считают их более обоснованными; ибо все они примыкают к тому еретическому учению Манихеев, что одна половина вещей дурна, а другая хороша, и что существуют по крайней мере два основных начала, а о душах они все мыслят так, что те переходят из тела в тело. Даже и более ученый из несторианских священников спрашивал у меня про души скотов, могут ли они убежать куда-нибудь, чтобы не быть вынужденными к труду после смерти. Для подтверждения этого заблуждения, как рассказывал мне мастер Вильгельм, они даже привезли из Китая одного мальчика, которому, судя по росту его тела, еще не было трех лет от роду. Однако он вполне обладал разумом и сам говорил про себя, что трижды подвергался воплощению; он умел читать и писать. Итак, я сказал упомянутому выше Туину: "Мы твердо верим сердцем и признаем устами, что Бог существует, и существует только единый Бог, и Он един совершенным единством. Во что веришь ты?" И он сказал: "Глупцы говорят, что существует только единый Бог, а мудрецы говорят, что богов много. Разве в твоей земле нет великих владык, и разве здесь нет наибольшего владыки, Мангу-хана? Так обстоит дело и с богами, так как они различны в различных странах". Я возразил ему: "Ты приводишь

плохой пример; не может быть сравнения от людей к Богу; ибо таким образом всякий могущественный в своей земле человек мог бы назваться Богом". И в то время как я желал уничтожить его сравнение, он опередил меня вопросом: "Каков твой Бог, о котором ты говоришь, что Он только один?" Я ответил: "Наш Бог, кроме которого нет иного, всемогущ и потому не нуждается в чьей-либо помощи. Наоборот, мы все нуждаемся в Его помощи. Не так обстоит дело с людьми. Ни один человек не может всего, и потому на земле надлежит быть нескольким владыкам, так как никто не может снести всего. Точно так же Он знает все и потому не нуждается в советнике. Наоборот, вся мудрость от Него. Точно так же Он всеблаг и не нуждается в наших благах. Наоборот, Им мы живем, движемся и существуем. Таков наш Бог, и потому не следует предполагать другого". - "Нет, - сказал он, - не так. Наоборот, на небе есть единый высочайший, происхождения которого мы еще не знаем; под его властью находятся десять; а под ними один низший. На земле же их бесконечное количество". Он хотел плести и другие басни, но я тогда спросил его о том высочайшем, верит ли он, что тот всемогущ, или думает это про какого-нибудь другого бога. Боясь отвечать, он спросил: "Если твой Бог таков, как ты говоришь, то почему Он создал половину вещей дурною?" - "Это ложь, - сказал я, - кто сделал зло, тот не Бог. И все, что только существует, хорошо". При этих словах все Туины изумились и занесли это в писание, как ложь или невозможное.

Тогда он начал спрашивать: "Откуда же, стало быть, происходит зло?" - "Ты плохо спрашиваешь, - сказал я, - раньше чем спросить, откуда зло, ты должен спросить, что такое зло. Но вернись к первому вопросу; веришь ли ты, что какой-нибудь бог всемогущ, а после этого я отвечу тебе на все, что захочешь спросить". И он долгое время сидел, не желая отвечать, так что слушатели секретари от имени хана приказали ему ответить. Наконец он ответил, что ни один бог не всемогущ. Тогда все Саррацины разразились громким смехом. Когда настала тишина, я сказал: "Стало быть, ни один из твоих богов не может спасти тебя во всякой опасности, ибо может оказаться такой случай, когда у него нет власти. Кроме того, никто не может служить двум господам: как же можешь ты служить стольким богам на небе и на земле?" Слушатели сказали ему, чтобы он отвечал, а он совершенно умолк. И, когда я хотел распространиться в присутствии всех об единстве Божественного существа и о Троичности, местные несториане сказали мне, что этого довольно, так как они хотели говорить сами. Тогда я уступил им, и, когда они хотели вести прение с Саррацинами, эти последние ответили: "Мы признаем, что ваш закон истинен и что все, находящееся в Евангелии, - правда, поэтому мы не желаем иметь с вами о чем-нибудь прение". И они признались, что во всех молитвах молятся, чтобы Господь дал им умереть христианскою смертью. Там был один старик священник из секты Югуров, которые признают единого бога, а все же изготавливают идолов. Несториане долго говорили с ним, рассказывая все вплоть до прибытия Антихриста в мир и даже разъясняя ему и Саррацинам Троичность путем сравнений. Все выслушали без всякого противоречия, но никто, однако, не сказал: "Верую; хочу стать христианином". По окончании этого несториане, так же как и Саррацины, громко запели, а Туины молчали, и после того все обильно выпили.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Как призывал нас хан к себе в день Пятидесятницы О Татарском вероисповедании Беседа о нашем обратном пути

В день Пятидесятницы сам Мангу-хан позвал меня пред свое лицо, равно как и того Туина, с которым я имел прение. Раньше чем мне войти, толмач, сын мастера Вильгельма, сказал мне, что нам надлежит вернуться в свои страны и что я не должен противоречить этому, так как он узнал про это наверное. Когда я пришел пред лицо хана, мне надлежало преклонить колена, что сделал рядом со мною и Туин со своим толмачом. Затем хан сказал мне: "Скажите мне правду, сказали вы однажды, когда я посылал к вам своих секретарей, что я Туин?" Тогда я ответил: "Государь, я не сказал этого; но, если вам угодно, я скажу те слова, которые я сказал". Затем я повторил то, что сказал, и он ответил: "Я правильно подумал, что вы не сказали, так как не это слово вы должны были сказать, но ваш толмач плохо перевел". И он протянул ко мне посох, на который опирался, говоря: "Не бойтесь". Я, улыбаясь, сказал тихо: "Если бы я боялся, то не пришел бы сюда". Хан спросил у толмача, что я сказал, и тот перевел ему. Затем он начал исповедовать мне свою веру: "Мы, Моалы, - сказал он, - верим, что существует только единый Бог, которым мы живем и которым умрем, и мы имеем к Нему открытое прямое сердце". Тогда я сказал: "Он сам воздаст за это, так как без Его дара этого не может быть". Он спросил, что я сказал; толмач сказал ему; тогда он прибавил: "Но как Бог дал руке различные пальцы, так Он дал людям различные пути. Вам Бог дал Писание, и вы, христиане, не храните его. Вы не находите, что один должен порицать другого; находите ли вы это?" - "Нет, Государь, - сказал я, - но я сначала объявил вам, что не хотел бы ссориться с кем-нибудь". - "Я не говорю, - отвечал он, - про вас. Равным образом вы не находите, что за деньги человек должен отклоняться от справедливости". - "Нет, Государь, - отвечал я, &- и во всяком случае я не приезжал в эти страны за добыванием денег, а, наоборот, отказался от тех, которые мне давали".

И тут был секретарь, засвидетельствовавший, что я отказался от одного яскота и от шелковых тканей. "Я не говорю, - сказал он, - про это. Итак, вам Бог дал Писание, и вы не храните его; нам же Он дал гадателей, и мы исполняем то, что они говорят нам, и живем в мире". Прежде чем высказать это, он пил, как я думаю, раза четыре. И, когда я внимательно слушал, ожидая, не пожелает ли он исповедать еще что-нибудь из своей веры, он начал беседовать о моем возвращении, говоря: "Ты долго оставался здесь; я хочу, чтобы ты вернулся. Ты сказал, что не смеешь взять с собою моих послов; хотел ли бы ты передать мои слова или мою грамоту?" И с тех пор я не имел случая или времени объяснить ему католическую веру. Ибо с ним можно говорить только столько, сколько он хочет, кроме того случая, когда говорящий - посол; а посол может говорить все, что хочет, и они всегда спрашивают, желает ли он говорить еще и другое. Мне же он не позволил говорить больше, но мне надлежало слушать его и отвечать на вопросы. Тогда я ответил ему, чтобы он приказал мне уразуметь его слова и изложить их письменно, и тогда я

охотно передал бы их, насколько это у меня в силах. Затем он спросил, желаю ли я золота, серебра или драгоценных одеяний. Я ответил: "Мы не принимаем ничего подобного, но у нас нет, чем возместить издержки, и без вашей помощи мы не можем выбраться из вашей земли". Тогда он сказал: "Я прикажу, чтобы у тебя было все необходимое в моей земле; хочешь ты большего?" Я ответил: "С меня достаточно этого". Тогда он спросил меня: "До которых пор ты желаешь проводника?" Я сказал: "Наше могущество простирается вплоть до земли царя Армении; если бы меня проводили до тех пор, мне было бы достаточно". Он ответил: "Я прикажу проводить тебя до тех пор, а затем сам заботься о своей безопасности". И он прибавил: "У головы два глаза, и хотя их два, однако зрение их одно, и куда один направляет взор, туда и другой. Ты прибыл от Бату, и потому тебе следует вернуться через его владения". После этих слов я попросил у него позволения высказаться. "Говори", - сказал он. Тогда я сказал: "Государь, мы люди не воинственные. Мы хотели бы, чтобы господство над миром было у тех людей, которые будут справедливее управлять им, согласно воле Божией. Наша обязанность учить людей жить согласно воле Божией. Для этого мы прибыли в эти страны и охотно остались бы, если бы вам это было угодно. Раз вам угодно, чтобы мы вернулись, этому надлежит быть. Я вернусь и доставлю вашу грамоту, насколько это у меня в силах, сообразно с тем, как вы прикажете. Я хотел бы просить у вашего великолепия, чтобы, когда я доставлю вашу грамоту, мне было позволено, если на то будет ваше согласие, вернуться к вам, в особенности потому, что у вас в Болате есть ваши бедные рабы, которые говорят на нашем языке, и они нуждаются в священнике, который бы учил их и детей их закону и охотно пребывал бы с ними". Тогда он ответил: "Согласен, если твои государи пошлют тебя снова ко мне". Тогда я сказал: "Государь, я не знаю намерения своих государей, но у меня есть от них позволение идти, куда я захочу, где было бы необходимо проповедать слово Божие, и мне кажется, это было бы вполне необходимо в этих странах; поэтому, пришлет ли он вам обратно послов, или нет, я вернулся бы, если бы это было угодно вам". Тогда он замолчал и долгое время сидел, как бы размышляя, и толмач сказал мне, чтобы я не говорил больше. Я же ждал, обеспокоенный, что он ответит. Наконец он сказал: "Тебе предстоит сделать далекий путь; подкрепишь пищей, чтобы иметь возможность крепким вернуться в свою землю". И он приказал дать мне пить. Затем я вышел от лица его и после того не возвращался. Если бы я, подобно Моисею, имел возможность делать знамения, может быть, он преклонился бы.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

О прорицателях и колдунах у Татар; об их обычаях и дурной жизни

Итак, прорицатели, как признал сам хан, являются их жрецами, и все, что они предписывают делать, совершается без замедления. Я опишу вам их обязанности, насколько я мог узнать про это от мастера Вильгельма и от других лиц, сообщавших мне правдоподобное. Прорицателей много, и у них всегда имеется

глава, как бы папа (pontifex), всегда располагающий свое жилище вблизи главного дома Мангу-хана, перед ним, на расстоянии полета камня. Под охраной этого жреца, как я упомянул выше, находятся повозки, везущие их идолов. Другие прорицатели живут сзади двора, в местах им назначенных; к ним стекаются из различных стран мира люди, верующие в их искусство. Некоторые из них, и в особенности первенствующий, знают нечто из астрономии и предсказывают им затмение солнца и луны. И, когда это должно случиться, весь народ приготовляет им пищу, так что им не должно выходить за двери своего дома. И, когда происходит затмение, они бьют в барабаны и другие инструменты, производя великий шум и крик. По окончании же затмения они предаются попойкам и пиршествам, обнаруживая великую радость. Они указывают наперед дни счастливые и несчастные для производства всех дел; отсюда Татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова; они (Татары) давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого. Они переправляют между огнями все, посылаемое ко двору, и имеют от этого надлежащую долю. Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все, принадлежавшее ему, отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено огнем. Так, видел я, поступили с двором той госпожи, которая скончалась, пока мы были там. Отсюда брату Андрею и его товарищам надлежало пройти огнями по двум причинам: во-первых, они несли подарки, во-вторых, эти подарки были назначены лицу уже умершему, а именно Кен-хану. От меня ничего подобного не требовали, так как я ничего не принес. Если какое-нибудь животное, или что-нибудь другое упадет на землю, пока они проводят это таким образом между огней, то это принадлежит им. Также в девятый день мая месяца они собирают всех белых кобылиц стада и освящают их. Туда надлежит собраться также и христианским священникам с их кадилом. Затем они выливают новый кумыс на землю и устраивают в тот день большой праздник, так как считают, что они пьют тогда впервые новый кумыс, как у нас поступают в некоторых местностях с вином в праздник св. Варфоломея или св. Сикста и с плодами в праздник св. Иакова или св. Христофора. Прорицателей зовут также когда родится какой-нибудь мальчик, чтобы они предсказали судьбу его; зовут их и когда кто-нибудь захворает, и они произносят свои заклинания и решают, естественная ли это немощь, или она произошла от колдовства. По этому случаю женщина из Меца, о которой я упомянул выше, рассказала мне нечто удивительное.

Однажды сделали подарок из очень драгоценных мехов, которые были назначены ко двору той госпожи, которая была христианкой, как я сказал выше, и прорицатели пронесли меха между огней, взяв из них более, чем им следовало бы. Одна женщина, под надзором которой была сокровищница госпожи, обвинила их перед ней за это; поэтому госпожа выразила им порицание. После этого вышло так, что госпожа начала хворать и испытывать какие-то внезапные страдания в различных членах тела. Позвали прорицателей, и они, сидя издалека, приказывали одной из девушек положить руку на место боли и сорвать то, что она найдет. Тогда та вставала, делала так и находила у себя в руке кусок войлока или какую-нибудь другую вещь. Затем они приказывали положить это на землю; когда девушка полагала вещь, то та начинала ползать, словно какое-нибудь живое существо. Затем вещь клали в воду, и она будто бы превращалась в пиявку, а прорицатели говорили: "Госпожа, какая-нибудь колдунья так испортила вас своим колдовством", - и они обвинили ту, которая раньше обвинила их за меха. Ее вывели из стана на поля, семь дней били палками и подвергали другим наказаниям, чтобы она созналась. А меж тем сама госпожа умерла. Услышав это, служанка сказала им: "Знаю, что госпожа моя умерла; убейте меня, чтобы я отправилась вслед за ней, так как я никогда не делала ей зла". И так как она ни в чем не сознавалась, то Мангу приказал позволить ей остаться в живых; и тогда прорицатели обвинили кормилицу дочери госпожи, про которую я сказал выше, что она была христианкой, и муж этой кормилицы пользовался наибольшим почетом среди всех священников-несториан. Ее отвели на пытку с одной ее служанкой, чтобы она созналась, и служанка созналась, что госпожа ее посылала ее поговорить с каким-то конем испросить у него ответов. И сама женщина созналась кое в чем, что она делала, чтобы заслужить любовь у господина и чтобы тот оказал ей милость, но она не сделала ничего, что могло бы ему повредить. Ее спросили также, был ли ее муж соучастником. Она оправдала его, так как сожгла знаки и буквы, которые сделала. Затем ее убили; и Мангу сам послал ее мужа священника на суд к епископу, бывшему в Катайе, хотя этот священник и не оказался ни в чем виновным.

Меж тем случилось, что первая жена Мангу-хана родила сына, и прорицателей позвали предсказать судьбу младенца; все они пророчествовали счастливое, говоря, что он будет долго жить и станет великим государем. Спустя немного дней случилось, что этот мальчик умер. Тогда мать в ярости позвала прорицателей и сказала им: "Вы сказали, что сын мой будет жить, а вот он умер". Тогда те ответили ей: "Госпожа, вот мы видим ту колдунью, кормилицу Хирины, которая была убита некогда. Она убила вашего сына, и вот мы видим, как она его уносит". А у этой женщины остались в становище взрослые сын и дочь; госпожа в ярости послала за ними и приказала мужчине убить юношу, а женщине девушку, в отомщение за ее сына, про которого прорицатели сказали, что мать их убила его. После этого упомянутые дети привиделись во сне хану, и он спросил утром, что случилось с ними. Прислужники его побоялись сказать; тогда он, еще более обеспокоенный, спросил, где они, так как они предстали пред ним ночью в видении. Тогда ему сказали, и он тотчас послал к своей жене спросить у нее, с чего она взяла, что женщина может произносить смертный приговор без ведома своего мужа; и он приказал запереть ее на семь дней, приказывая не давать ей пищи. Мужчину же, который умертвил юношу, хан приказал обезглавить, а голову его повесить на шею женщины,

убившей молодую девушку, и приказал бить ее раскаленными головнями, гоня через стан, а затем убить. Он убил бы также и жену, но пощадил ее только ради детей, которых имеет от нее; она вышла из своего двора и вернулась туда только по прошествии месяца.

Прорицатели также возмущают воздух своими заклинаниями, и, когда от естественных причин наступает столь сильный холод, что они не могут применить никакого средства, они выискивают тогда каких-нибудь лиц в становище, обвиняя их, что через них наступает холод, и тех убивают без всякого замедления. Незадолго пред моим удалением оттуда, одна из наложниц хана занемогла и долго хворала. Прорицатели произнесли заклинания над одной рабыней ее, немкой, и та заснула на три дня. Когда она пришла в себя, то у нее спросили, что она видела; и она видела многих лиц; про них всех прорицатели объявили, что те скоро должны умереть, а так как девушка не видала там своей госпожи, то прорицатели признали, что та не умрет от этой немощи. Я видел эту девушку, у ней еще сильно болела голова после этого усыпления. Некоторые из прорицателей также призывают демонов и созывают тех, кто хочет иметь ответы от демонов, ночью к своему дому, полагая по середине дома вареное мясо; и тот хан, который призывает, начинает произносить свои заклинания и, держа барабан, ударяет им с силой о землю. Наконец он начинает бесноваться, и его начинают вязать. Тогда демон является во мраке, и хан дает ему есть мяса, а тот дает ответы. Однажды, как сообщил мне мастер Вильгельм, один венгерец спрятался с ними и демон, появившись над домом, кричал, что ему нельзя войти, так как с ними находится какой-то христианин. Слыша это, тот убежал с поспешностью, так как они стали разыскивать его.

Прорицатели устроят это и многое другое, рассказывать что было бы слишком долго.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Описание большого праздника

О грамоте, посланной Мангу-ханом королю Французскому Людовику Товарищ брата Вильгельма остался у Татар

С праздника Пятидесятницы они начали составлять грамоту, которую хан должен был вам послать. Меж тем он вернулся в Каракарум и устроил великое торжество как раз в осьмой день по Пятидесятнице и пожелал, чтобы в последний день этого праздника присутствовали и все посланники. Он посылал также и за нами, но я ушел в церковь крестить детей одного бедного немца, которого мы там нашли. На этом празднестве мастер Вильгельм был главным над виночерпиями, так как он сделал дерево, наливающее питье; и все, богатые и бедные, пели, плясали и рукоплескали пред лицом хана. Затем он держал им речь, говоря: "Я удалил от себя братьев моих и послал их на опасность к чужеземным народам. Теперь надо посмотреть, что думаете сделать вы, когда я пожелаю послать вас для увеличения нашей державы". Всякий день, в течение тех четырех дней, они меняли платья,

которые он давал им все одноцветные каждый день, начиная с обуви и кончая головным убором (тюрбаном? *tuagam*). В то время я видел там посла Балдахского (*de Baldach*) калифа; этот посол приказывал носить себя по двору на носилках между двух лошаков; некоторые говорили о нем, что этот посол заключил мир с ними под тем условием, что они должны были дать ему 10 тысяч конного войска. Другие говорили, что Мангу сказал, что они не заключат мира, если те не сроят всех укреплений, а посол ответил: "Когда вы сорвете все копыта у ваших лошадей, тогда мы сроем все наши укрепления". Я видел также послов одного Индийского султана, которые привели 8 леопардов и 10 борзых собак, наученных сидеть на заду лошади, как сидят леопарды. Когда я спрашивал об Индии, в каком направлении находится она от того места, они указывали мне на запад. И те послы возвращались со мною почти три недели все в западном направлении. Я видел там также послов Турецкого султана, которые принесли хану ценные дары; и, как я слышал, он ответил, что не нуждается ни в золоте, ни в серебре, а в людях; поэтому он хотел, чтобы те позаботились о войске для него. В праздник святого Иоанна хан устроил великую попойку; я насчитал (*feci numerare*) сто пять повозок и 90 лошадей, нагруженных кобыльим молоком; так же было и в праздник апостолов Петра и Павла. Наконец, когда окончена была грамота, которую хан посылает вам, они позвали меня и перевели ее. Содержание ее, насколько я мог понять его через толмача, я записал. Оно таково: "Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землею есть только единый владыка Чингис-хан, сын Божий, Демугин Хингей ("т.е. звон железа". Они называют Чингиса звоном железа, так как он был кузнецом, а вознесясь в своей гордыне, именуют его ныне и сыном Божиим). "Вот слово, которое вам сказано от всех нас, которые являемся Моалами, Найманами, Меркитами, Мустелеманами; повсюду, где уши могут слышать, повсюду, где конь может идти, прикажите там слышать или понимать его; с тех пор, как они услышат мою заповедь и поймут ее, но не захотят верить и захотят вести войско против нас, вы услышите, и увидите, что они будут не видящими, имея очи; и когда они пожелают что-нибудь держать, будут без рук; и когда они пожелают идти, они будут без ног; это - вечная заповедь Божия. Во имя вечной силы Божией, во имя великого народа Моалов, это да будет заповедью Мангу-хана для государя Франков, короля Людовика, и для всех других государей и священников, и для великого народа (*saeculum*) Франков, чтобы они поняли наши слова. И заповедь вечного Бога, данная Чингис-хану, ни от Чингис-хана, ни от других после него не доходила до вас. Некий муж, по имени Давид, пришел к вам, как посол Моалов, но он был лжец, и вы послали с ним ваших послов к Кен-хану. Когда Кен-хан уже умер, ваши послы добрались до его двора. Камус, супруга его, послала вам тканей насик и грамоту. Но как эта негодная женщина, более презренная, чем собака, могла бы ведать подвиги воинские и дела мира, успокоить великий народ и творить и видеть благое?" (Мангу сам сказал мне собственными устами, что Камус была злейшая колдунья, и что своим колдовством она погубила всю свою родню). "Двух монахов, которые прибыли от вас к Сартаху, Сартах послал к Бату; Бату же, так как Мангу-хан есть главный над миром Моалов, послал их к нам. Теперь же, дабы великий мир, священники и монахи, все пребывали в мире и наслаждались своими благами, дабы заповедь Божия была услышана у вас, мы пожелали назначить к отправлению вместе с упомянутыми выше

священниками вашими послов Моалов. Священники же ответили, что между нами и вами есть земля, где идет война, есть много злых людей и труднопроходимые дороги; поэтому они опасаются, что не могут довести наших послов до вас невредимыми; но если мы передадим им нашу грамоту, содержащую нашу заповедь, то они сами отвезут ее королю Людовику. По этой причине мы не посылали наших послов с ними, а послали вам, чрез упомянутых ваших священников, записанную заповедь вечного Бога: заповедь вечного Бога состоит в том, что мы внушили вам понять. И когда вы услышите и уверуете, то, если хотите нас послушаться, отправьте к нам ваших послов; и таким образом мы удостоверимся, пожелаете ли вы иметь с нами мир или войну. Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать; когда же вы выслушаете и поймете заповедь вечного Бога, но не пожелаете внять ей и поверить, говоря: "Земля наша далеко, горы наши крепки, море наше велико", и в уповании на это устроите поход против нас, то вечный Бог, тот, который сделал, что трудное стало легким и что далекое стало близким, ведает, что мы знаем и можем".

В этой грамоте они сперва именовали нас вашими послами. Тогда я сказал им: "Не называйте нас послами, так как я ясно сказал самому хану, что мы не послы короля Людовика". Тогда они пошли к хану и сказали ему про это. Вернувшись же, они передали мне, что он признал это вполне хорошим, и что он приказал им написать то, что я говорил им. Я же сказал им, чтобы они удалили слово "посол", а назвали нас монахами или священниками. Меж тем, пока это происходило, мой товарищ, слыша, что нам надлежит возвращаться через пустыню и что один из Моалов будет провожать нас, побежал, без моего ведома, к главному секретарю, Булгаю, и знаками дал ему понять, что может умереть, если отправится по той дороге. А когда настал день, в который надлежало отпустить нас, именно ровно через две недели после праздника святого Иоанна, нас позвали ко двору, и секретари сказали моему товарищу: "Вот Мангу-хан хочет, чтобы твой товарищ вернулся через область Бату, а ты говоришь, что хвораешь, и это ясно видно. Мангу говорит так: если ты хочешь отправиться со своим товарищем, поезжай, но заботься тогда о себе сам (*super sit*), так как ты можешь случайно остаться у какого-нибудь Яма, который о тебе не позаботится, и это будет служить препятствием твоему товарищу. Если же ты хочешь остаться здесь, то хан сам позаботится о необходимом для тебя, пока не явятся какие-нибудь послы, с которыми ты мог бы вернуться более медленно и по пути, на котором находятся города". Брат ответил: "Да дарует Бог счастливую жизнь хану! Я останусь". Я же возразил брату: "Брат, смотри, что ты делаешь. Я не оставлю тебя". - "Вы, - ответил он, - не оставляете меня, а я оставлю вас, так как если я отправлюсь с вами, то вижу опасность для своего тела и души, ибо у меня нет терпения к невыносимому страданию". Секретари держали три одежды или рубашки и сказали нам: "Вы не хотите брать ни золота, ни серебра, а пребывали здесь долгое время, молясь за хана. Он просит, чтобы каждый из вас взял по крайней мере по простой одежде, дабы вы не уходили от него с пустыми руками". Тогда нам пришлось взять их, из уважения к нему, так как они считают большим злом, если пренебрегают их дарами. Он и прежде неоднократно приказывал спросить у нас, чего мы желаем, и мы всегда отвечали одно и то же, а именно, что христиане презирают идолопоклонников, не

стремящихся ни к чему иному, кроме даров. И они отвечали, что мы глупы, так как если бы он пожелал дать им весь свой двор, они охотно взяли бы его и поступили бы благоразумно. Итак, когда мы взяли одежды, они попросили нас произнести молитву за хана, что мы и сделали и, получив таким образом отпуск, отправились в Каракарум.

Однажды, когда мы, монах и другие послы находились в некотором расстоянии от дворца, случилось, что монах приказал сильно бить в доску, так что Мангу-хан услышал это и спросил, что это такое. Тогда ему сказали. И он спросил, почему монах так удален от двора. Ему сказали, что затруднительно приводить ежедневно к монаху для приезда ко двору лошадей и быков, и прибавили, что было бы лучше, если бы он пребывал в Каракаруме возле церкви и там молился. Тогда хан послал сказать монаху, что если тот хочет отправиться в Каракарум и пребывать там возле церкви, то он даст ему все необходимое. Монах же ответил: "Я пришел сюда по заповеди Божией из святой земли Иерусалима и оставил город, в котором находится тысяча церквей, лучших, чем в Каракаруме. Если хан хочет, чтобы я пребывал здесь и молился за него, как Бог заповедал мне, я буду пребывать, иначе же я вернусь к своему месту, откуда я вышел". Тогда, в тот же самый вечер, ему привели быков и запрягли в повозки, а утром его отвезли обратно на то место, где он обычно пребывал пред двором. И, незадолго до нашего отъезда оттуда, прибыл один монах-несторианец, который казался человеком умным. Старший секретарь, Булгай, поместил его перед двором, а хан прислал к нему своих детей, чтобы тот благословил их.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Путешествие из Каракарума к Бату, а от него в город Сарай

Итак мы прибыли в Каракарум; когда мы были в доме мастера Вильгельма, пришел мой проводник, принесший 10 яскотов; пять из них он положил в руку мастера Вильгельма, чтобы тот потратил их от имени хана на нужды брата; другие пять он положил в руку человека божия, моего толмача, приказывая ему издержать их в пути на мои нужды. Так научил их мастер Вильгельм без нашего ведома. Я тотчас распорядился продать один и раздать христианским беднякам, бывшим там, которые все устремляли глаза на нас; другой мы издержали на покупку необходимого себе из платья и другого, в чем нуждались; на третий купил себе кое-что человек божий, причем он получил некоторую выгоду, и что пошло ему на пользу. Остальные мы также издержали на пути, ибо с тех пор, как въехали в Персию, нам нигде не давали в достаточном количестве того, что нам было необходимо, а также нигде и среди Татар, но там мы редко находили и что-нибудь продажное. Мастер Вильгельм, некогда ваш гражданин, посылает вам пояс, украшенный неким драгоценным камнем, который они носят против молнии и грома, и безгранично приветствует вас, всегда молясь за вас. За него я не мог бы воздать достаточную благодарность ни Богу, ни вам. Окрестили мы там всего 6 душ. Итак мы расстались с взаимными слезами, причем мой товарищ остался с

мастером Вильгельмом, а я возвращался один с проводником моим и одним служителем, имевшим приказ брать для нас четверых в четыре дня одного барана.

Итак, мы ехали до Бату два месяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки, в которой не вкушали хлеба. И за эти два месяца и 10 дней мы отдыхали только один единственный день, так как не могли получить лошадей. Мы возвращались по большей части через область того же самого народа, но совсем по другим местностям. Именно мы ехали зимою, а возвращались летом и по гораздо более высоким северным странам, за исключением того, что пятнадцать дней подряд приходится ехать туда и обратно возле какой-то реки между гор, в которых нет травы иначе, как возле реки. Мы ехали по два, а иногда и по три дня, не вкушая никакой пищи, кроме кумыса. Иногда мы подвергались сильной опасности, будучи бессильны найти людей, а съестных припасов нам не хватало, и лошади были утомлены. Проехав 20 дней, я услышал новости про царя Армении, что он в конце августа проехал навстречу Сартаху, двинувшемуся к Мангу-хану со стадом крупного и мелкого скота, с женами и малолетками, однако большие дома его остались между Этилией и Танаидом. Я ходил на поклон к Сартаху и сказал ему, что охотно остался бы в земле его, но Мангу-хан пожелал, чтобы я вернулся и отвез грамоту. Он ответил, что волю Мангу-хана должно исполнить. Тогда я спросил у Койяка про наших людей. Он ответил, что они пребывают при дворе Бату и окружены тщательным попечением. Я потребовал также наше облачение и книги, и он ответил: "Разве вы привезли их не Сартаху?" Я сказал: "Я привез их Сартаху, но не отдал ему, как вы знаете". При этом я повторил ему, как я ответил, когда он спросил, желаю ли я отдать их самому Сартаху. Тогда он ответил: "Вы говорите правду, и правде никто не может воспротивиться. Я оставил ваши вещи у моего отца, пребывающего вблизи Сарая, это - новый город, построенный Бату на Этилии; но наши священники имеют некоторые из облачений здесь с собою". Я ответил ему: "Из облачений удерживайте, что вам угодно, лишь бы мне возвращены были книги". Тогда он сказал, что передаст слова мои самому Сартаху. "Мне следует, - сказал я, - иметь грамоту к вашему отцу, чтобы он вернул мне все". Но они были уже препоясаны в путь, и он сказал мне: "Двор госпож следует за нами здесь вблизи, вы слезете там, и я перешлю вам через вот этого человека ответ Сартаху". Я беспокоился, не обманул бы он меня, однако спорить с ним не мог. Вечером пришел ко мне тот человек, на которого он указал мне, и принес с собой две рубашки, которые я счел за цельную, не разрезанную шелковую ткань. Этот человек сказал мне: "Вот две рубашки: одну Сартах посылает тебе; а другую, если ты считаешь это удобным, представь от его имени королю". Я ответил ему: "Я не ношу таких одеяний; обе представлю я королю в знак уважения к вашему господину". - "Нет, - отвечал он, - поступи с ними, как тебе будет угодно". Мне же угодно обе послать вам, и я посылаю их через подателя настоящего послания. Он дал мне также грамоту к отцу Койяка, чтобы тот вернул мне все принадлежащее, так как он не нуждался ни в чем из моего имущества. Прибыл же я ко двору Бату в тот же день, в который удалился от него в истекшем году, а именно два дня спустя после Воздвижения Святого Креста, и с радостью обрел наших служителей здоровыми, но удрученными сильной скудностью, о чем рассказывал мне Госсет. И не будь царя Армении, доставившего им великое утешение и поручившего их

вниманию самого Сартаха, они погибли бы, так как думали про меня, что я умер; Татары уже стали спрашивать, умеют ли они стеречь быков или доить кобылиц. Ибо, не вернись я, их обратили бы в рабство. После этого Бату приказал мне явиться перед его лицо и велел перевести для меня грамоту, которую посылает вам Мангу-хан. Ибо Мангу написал ему так, что если ему угодно что-нибудь прибавить, отнять или изменить, то пусть он это сделает. Затем Бату сказал мне: "Вы доставите эту грамоту и заставите ее перевести". Он спросил также, какую дорогу хочу я избрать, по морю или по суше. Я сказал, что море недоступно, так как наступала уже зима, а потому мне надлежит отправиться по суше. Я думал, далее, что вы пребываете еще в Сирии, и направил свой путь в Персию. Ибо знай я, что вы переправились во Францию, я отправился бы в Венгрию и скорее добрался бы до Франции, и по пути менее тягостному, чем в Сирию. Затем мы месяц путешествовали с Бату, раньше чем могли получить проводника. Наконец, назначили мне некоего Югура, который, думая, что я ничего ему не дам, приказал, несмотря на мое заявление, что я хочу отправиться прямо в Армению, достать себе грамоту, что он проводит меня к Турецкому султану, надеясь получить от него подарки и иметь больше выгоды на этой дороге. Затем я пустился в путь к Сараяу ровно за две недели до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у Дамиегты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на суднах в 7 местах. При среднем рукаве находится город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины. Там мы нашли одного немца с женой, человека очень хорошего, у которого останавливался Госсет. Именно Сартах посылал его туда, чтобы облегчить таким образом свой двор. Вблизи этих мест пребывают, около Рождества Христова, Бату с одной стороны реки, а Сартах с другой, и далее не спускаются. Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять. Отец Койяка, получив грамоту Сартаха, сам вернул мне облачения, кроме трех стихарей, омофора, вышитого шелком, епитрахили, пояса, а также одежды на алтарь, вышитой золотом, и еще одного диаконского одеяния (*Superpellicium*); вернул он также и серебряные сосуды, кроме курильницы и коробочки, в которой было миро; эти сосуды были у священников, находившихся вместе с Сартахом. Книги вернул он все, кроме псалтыря госпожи королевы, который удержал с моего позволения, так как я не мог отказать ему в этом. Именно он говорил, что псалтырь очень понравился Сартаху. Он просил меня также, чтобы, если мне доведется вернуться в те страны, я привез к ним человека, умеющего изготавливать пергамент. Именно, по поручению Сартаха, он строил большую церковь на западном берегу реки и новый поселок и хотел, как он говорил, приготовить книги для нужд Сартаха. Однако я знаю, что Сартах об этом не заботится. Сарай и дворец Бату находятся на восточном берегу; долина, по которой разливаются упомянутые рукава реки, имеет более 7 лье в ширину, и там водится огромное количество рыбы. Не мог я получить также переложенную в стихи Библию, книгу на арабском языке, стоящую тридцать византиев, и еще много другого.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Продолжение пути от Сарая через Албанские и Лесгийские горы, через Железные Ворота и через другие места

Удалившись таким образом из Сарая в праздник Всех Святых и направляясь все к югу, мы добрались в праздник Святого Мартина до гор Аланов. Между Бату и Сараем, в течение 15 дней, мы не встретили никого из людей, кроме одного из сыновей Бату, который двигался вперед с соколами, и его сокольников, бывших в большом количестве, и одного маленького поселка. Две недели, начиная с праздника Всех Святых, мы не находили никого из людей; и мы чуть не умерли от жажды в течение одного дня и одной ночи, не найдя воды почти до трех часов следующего дня.

Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти Аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, Аланами и Железными Воротами, отстоящими оттуда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркакка. Между морем и горами живут некие Саррацины, по имени Лесги, горцы, которые также не покорены, так что Татарам, жившим у подошвы гор Аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота. И я обрадовался этому, так как надеялся увидеть их вооруженными, ибо я никогда не мог увидеть их оружия, хотя сильно интересовался этим. И когда мы добрались до опасного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых Аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами. Отсюда, как я полагаю, Татары сами имеют не много оружия, а именно только колчаны, луки и меховые панцири (*pelliceas*). Я видел, как им доставляли из Персии железные панцири (*platas*) и железные каски, а также видел двоих, которые представлялись Мангу вооруженными в выгнутые рубашки из твердой кожи, очень дурно сидящие и неудобные. Прежде чем добраться до Железных Ворот, мы нашли один замок Аланов, принадлежащий самому Мангу-хану, ибо он покорил ту землю. Там впервые нашли мы виноградные лозы и пили вино. На следующий день мы добрались до Железных Ворот, которые соорудил Александр Македонский. Это - город, восточная оконечность которого находится на берегу моря, и между морем и горами имеется небольшая равнина, по которой тянется самый город вплоть до вершины горы, прилегающей к нему с запада: таким образом, выше нет никакой дороги из-за непроходимых гор, а ниже нельзя пройти по причине моря, и дорога лежит единственно прямо по середине города поперек, где находятся Железные Ворота, от которых назван город. Он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов, с башнями, построенными из больших обтесанных камней. Но Татары разрушили верхушки башен и бойницы стен,

сравнив башни со стеною. Внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной. На два дня пути отсюда мы нашли другой город, по имени Самарой, в котором живет много Иудеев; когда мы проехали через него, то увидели стены, спускающиеся с гор до моря. И, покинув дорогу через горы у этих стен, так как она сворачивала там на восток, мы поднялись на горы в южном направлении.

На следующий день мы проехали через некую долину, на которой видны были основания стен, простиравшихся с одной горы на другую, а по верхушкам гор не было никакой дороги. Это были укрепления Александра, удерживавшие дикие племена, то есть пастухов из пустыни, от наступления на возделанные земли и города. Есть и другие укрепления, в которых живут Иудеи, о которых я не мог узнать ничего верного; однако во всех городах Персии живет много Иудеев. На следующий день мы приехали к большому городу, по названию Самаг, а за ним на следующий день въехали на огромную равнину, именуемую Моан, по которой течет давшая имя Кургам, именуемым нами Георгианами, Кура. Она протекает по середине Тефилиса, главного города Кургов, и прямо с запада стремится, направляясь на восток, к вышеназванному морю; в этой реке водятся отличные лососи. На этой равнине мы снова нашли Татар. Через эту равнину также протекает Аракс, который из Великой Армении течет прямо в юго-западном направлении. От него земля именуется Арарат, а это и есть сама Армения. Отсюда в книге Царств сказано про сынов Сенахерибовых, что, убив отца своего, они убежали в землю Армян, у Исаии же сказано, что они убежали в землю Арарат. На западе, стало быть, этой красивейшей равнины находится Кургия. На равнине прежде жили Корасмины (Crosmin). При входе в горы находится большой город, по имени Гангес, их прежняя столица, препятствующая Кургам спускаться на равнину. Итак, мы доехали до моста из судов, которые держались вместе большой железной цепью, протянутой поперек реки, где соединяются вместе Кура и Аракс. Но Аракс теряет там свое название.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Продолжение путешествия по Араксу О городе Наксуа, о земле Сагенсы и о других местах

С того времени мы поднимались постоянно вверх вдоль Аракса, о котором сказано, что "моста не терпит Аракс", покинув Персию слева к югу, а Каспийские горы и Великую Кургию справа к западу, и направляясь по пути Африканского ветра к юго-западу. Мы проехали через становище Бату, который является главой войска, находящегося там возле Аракса, и покорил себе Кургов, Турок и Персов. У Тавриса в Персии есть другое лицо, главное по сбору податей, по имени Аргон. Мангу-хан отозвал их обоих, чтобы они уступили свои места его брату, который направлялся к тем странам. Та земля, которую я вам описал, не есть собственно Персия, но прежде ее называли Гирканией. Я был в доме самого Бату, и он дал нам выпить вина, а сам пил кумыс, которого я также выпил бы охотнее, если бы он дал

мне. Однако вино было молодое и отменное. Но кумыс приносит более пользы голодному человеку.

Итак, мы поднимались вдоль Аракса с праздника святого Климента и до второго воскресенья Четырехдесятницы, пока не добрались до истока реки. И по ту сторону горы, на которой начинается Аракс, есть хороший город, по имени Аарзерум, принадлежащий турецкому султану; там поблизости начинается Евфрат, в северном направлении, у подошвы гор Кургии; я хотел пойти к его источнику, но были такие глубокие снега, что никто не мог идти помимо проложенной тропинки. С другого бока Кавказских гор, к югу, начинается Тигр.

Когда мы удалились от Бату, мой проводник отправился в Таврис, чтобы поговорить с Аргоном, и взял с собою моего толмача. Бату же приказал проводить меня до одного города, по названию Наксуа, который прежде был столицей некоего великого царства и величайшим и красивейшим городом; но Татары обратили его почти в пустыню. Прежде в нем было восемьсот армянских церквей, а теперь только две маленьких, а остальные разрушили Саррацины. В одной из них я справил, как мог, с нашим причетником праздник Рождества. А на следующий день умер священник этой церкви; для похорон его прибыл епископ с 12 монахами из горцев. Ибо все епископы Армян, равно как по большей части и греческие, суть монахи. Этот епископ рассказал мне, что там близко была церковь, в которой замучили блаженного Варфоломея, а также блаженного Иуду Фаддея, но из-за снегов дорога туда была недоступна. Рассказал он мне также, что у них два пророка: первый - мученик Мефодий, принадлежавший к их народу; он пророчествовал обо всем, что случится с Измаелитами, и это пророчество исполнилось на Саррацинах. Другого пророка зовут Акатрон; он при смерти своей пророчествовал о народе Стрелков, имеющем прийти с севера, говоря, что они приобретут все земли Востока, и (Бог) пощадит царство Востока, чтобы предать им царство Запада, но братья наши, подобно католикам Франкам, им не поверят, и эти Стрелки займут земли с севера до юга, проникнут вплоть до Константинополя и займут Константинопольскую гавань. Один из них, которого будут именовать мужем мудрым, войдет в город и, увидя церкви и обряды Франков, попросит окрестить себя и даст Франкам совет, как убить владыку Татар, а их там привести в замешательство. Слыша это, Франки, которые будут в середине земли, то есть в Иерусалиме, набросятся на Татар, которые будут в их пределах, и с помощью нашего народа, то есть Армян, будут преследовать их, так что король Франков поставит королевский трон в Таврисе, что в Персии; и тогда все восточные и все неверующие народы обратятся в веру Христову, и на земле настанет такой полный мир, что живые скажут умершим: "Горе вам, несчастные, что вы не дожили до этих времен". Это пророчество я читал уже в Константинополе, куда его принесли Армяне, там пребывающие, но не обратил на него внимания. Но когда я поговорил с упомянутым епископом, то вспомнил о пророчестве и обратил на него больше внимания. По всей Армении они считают это пророчество столь же истинным, как Евангелие. Он также говорил нам: "Как души в преддверии рая ожидали пришествия Христова, чтобы получить освобождение, так мы ожидаем вашего пришествия, чтобы получить освобождение от того рабства, в котором пребывали так долго".

Вблизи упомянутого выше города находятся горы, на которых, как говорят, опочил ковчег Ноя; этих гор две, одна побольше другой; у подошвы их течет Аракс. Там находится один город, по имени Цеманум, что значит "восемь"; говорят, что он назван так от восьми лиц, вышедших из ковчега и построивших город на большей из гор. Многие пытались подняться на гору и не могли. И упомянутый епископ рассказал мне, что один монах очень интересовался этим восхождением, но ему явился ангел, принес ему дерево от ковчега и сказал, чтобы он больше не трудился. Это дерево хранилось, как они мне говорили, у них в церкви. На взгляд, эта гора не очень высока, так что люди могли бы хорошо подняться на нее. Но один старик привел мне достаточно убедительное основание, почему никто не должен подниматься на нее. Название горы "Массис", и это слово - на их языке женского рода. "На Массис, - сказал он, - никто не должен восходить, так как это - мать мира". В этом городе нашел меня брат Бернад, родом Каталонец, из ордена братьев проповедников, который остановился в Кургии с одним настоятелем Святого Гроба, владевшим там большими землями. Бернад научился несколько по-татарски и ехал с одним братом из Венгрии в Таврис к Аргону, желая добиться проезда к Сартаху. Когда они туда приплыли, то не могли получить доступа к Аргону, и венгерский брат вернулся через Тефилис с одним слугою. Брат же Бернад остался в Таврисе с одним братом-миряннином из немцев, языка коего он не понимал.

Из вышеназванного города мы выехали ровно через неделю после Богоявления, а оставались мы там долго из-за снегов. Через четыре дня мы приехали в землю Сагенсы, некогда одного из могущественнейших Кургов, а ныне данника Татар, разрушивших все укрепления его. Отец его, по имени Захария, приобрел эту землю Армян, избавив их от рук Саррацинов. И там находятся весьма красивые селения настоящих христиан, имеющих церкви, совершенно как у Франков. И всякий Армянин имеет у себя дома, на более почетном месте, деревянную руку, держащую крест, и ставит перед нею горящую лампаду; и как мы пользуемся святой водой, кропя ею для отогнания злого духа, так они пользуются ладаном. Именно всякий вечер они зажигают ладан,нося его по всем углам дома для избавления его от врагов всякого рода. Я обедал с упомянутым выше Сагенсой и получил много знаков уважения как от него самого, так и от его жены и сына, по имени Захарий, очень красивого и умного юноши; он спросил у меня, пожелаете ли вы оставить его у себя, если он приедет к вам, именно, он так тяготится владычеством Татар, что хотя и имеет все в изобилии, однако предпочел бы странствовать по чужой земле скорее, чем выносить их владычество. Сверх того, они называли себя сынами Римской Церкви и говорили, что если Господин Папа окажет им какую-нибудь помощь, то они подчинят Церкви все прилегающие к нам племена.

Из этого города мы попали через 15 дней, в воскресенье Четырдесятницы, в землю Турецкого султана; первый замок, который мы нашли, называется Марсенген. Все обитатели местечка были христиане: Армяне, Курги и Греки; но владычество над ними принадлежит исключительно Саррацинам. Там начальник замка сказал мне, что получил распоряжение не выдавать съестных припасов ни одному Франку, ни послам царя Армении или Вастация. Поэтому, начиная с того места, где мы были в воскресенье Четырдесятницы, и вплоть до Кипра, куда я попал за неделю до праздника блаженного Иоанна Крестителя, нам надлежало

покупать себе припасы. Провожавший меня доставлял мне лошадей: он получал также деньги на съестные припасы, но клал их себе в кошелек. Когда он приезжал куда-нибудь на поле и видел стадо, то силой похищал барана и давал своему семейству есть его, удивляясь, что я не хочу есть от его хищения.

В день Сретения находился я в некоем городе, по имени Айни, принадлежавшем Сагенсе и очень укрепленном по своему положению. В нем находятся тысяча армянских церквей и две синагоги Саррацинов. Татары поставили там судью (ballivum). Тут нашли меня братья проповедники, четыре из которых ехали из Прованса во Франции, а пятый присоединился к ним в Сирии. У них был только один немощный служитель, знавший по-турецки и немножко по-французски. Они имели грамоты господина папы к Сартаху, Мангу-хану и Бури, какие и вы дали мне, а именно просительные, чтобы те позволили им пребывать в их земле и проповедовать слово Божие и т.д. Когда же я рассказал им, что я видел и как Татары меня отослали, они направили свой путь в Тефилис, где пребывают их братья, чтобы посоветоваться, что делать. Я им надлежаще разъяснил, что при помощи этих грамот они могут проехать, если пожелают, но должны запастись надлежащим терпением к перенесению трудов и хорошенько обдумать цель своего приезда, ибо раз у них не было другого поручения, кроме как проповедь, Татары станут мало заботиться о них, особенно если у них нет толмача. Что случилось с ними потом, - не знаю.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Переправа через Евфрат Крепость Камаф Возвращение в Кипр, Антиохию и Триполи

Далее, во второе воскресенье Четырдесятницы, мы прибыли к истоку Аракса и, перевалив через вершину горы, добрались до Евфрата, возле которого спускались восемь дней, направляясь все на запад до некоей крепости, по названию Камаф. Там Евфрат сворачивает на юг в направлении к Алании. Мы же, переехав через реку, стали направляться через высочайшие горы и по глубочайшим снегам на запад. Там в том году было такое страшное землетрясение, что в одном городе, по имени Арсенген, погибло 10 тысяч лиц, известных по имени, помимо бедняков, о которых не было сведений. Проехав верхом три дня, мы увидели отверстие в земле, образовавшееся от ее раскола при колебании, и груды земли, сползшие с гор и наполнившие долину; поэтому если бы земля поколебалась несколько больше, буквально исполнилось бы то, что говорил Исаия, а именно: "Всякая долина наполнится и всякая гора и холм принизится".

Мы проехали по равнине, на которой Татары победили Турецкого султана. Писать, как его победили, было бы слишком длинно; но один служитель моего проводника, бывший с Татарами, говорил, что их было всего-навсего не больше 10 тысяч; а один Кург, раб султана, говорил, что с султаном было 200 тысяч, все на лошадях. На этой равнине, на которой происходила эта война, вернее это бегство,

образовалось во время землетрясения большое озеро, и мне говорило мое сердце, что вся эта земля открыла уста свои для принятия и впредь крови Саррацинов. В Себасте, что в Малой Армении, мы были на Страстной неделе. Так посетили мы гробницу сорока мучеников. Там есть церковь во имя святого Власия, но я не мог пойти в нее, так как она находится наверху в крепости. В неделю по Пасхе мы прибыли в Кесарию Каппадокийскую, в которой находится церковь святого Василия Великого.

После этого, через 15 дней, мы прибыли в Иконий, делая небольшие дневные переходы и отдыхая во многих местах, так как не могли очень скоро доставать лошадей. И проводник мой устраивал это умышленно, взимая в каждом городе себе продовольствие за три дня; я очень этим огорчился, но не смел говорить, так как он мог бы продать или убить меня и наших служителей, и никто не стал бы противоречить. В Иконии я нашел многих Франков и одного генуэзского купца из Акры, по имени Николая де Сен-Сир, который с одним своим товарищем, Венецианцем, по имени Бонифацио де Молендино, получил исключительное право на торговлю квасцами в Турции, так что султан не может никому продать сколько бы то ни было, кроме их двоих, а они сделали квасцы настолько дорогими, что то, что прежде продавалось за 15 византиев, ныне продается за 50. Мой проводник представил меня султану. Султан сказал, что охотно прикажет проводить меня до моря Армянского или до Киликии. Тогда вышеупомянутый купец, зная, что Саррацины мало обо мне заботятся и что я чрезмерно тяготился обществом моего проводника, ежедневно надоедавшего мне просьбами о подарках, приказал проводить меня до Курты, гавани царя Армении. Я прибыл туда накануне Вознесения и остался вплоть до дня, следующего за Пятидесятницей. Тогда я услышал, что прибыли послы царя (Армянского) к его отцу. Я сложил свои пожитки на корабль, чтобы отвезть их в Акру, сам же налегке отправился к отцу царя узнать, не услышал ли он чего-нибудь нового о своем сыне. Я нашел старика в Ази вместе со всеми сыновьями, кроме одного, по имени Барунузина, который занимался постройкой какого-то замка. От сына он получил несколько сообщений, а именно, что тот возвращался, что Мангу-хан значительно облегчил ему подать и, кроме того, даровал ему то преимущество, чтобы ни один посол не вступал в его страну; по этому поводу старик со всеми сыновьями и со всем народом устроили большой пир.

Меня же он приказал проводить к морю до гавани, называемой Ауакс; отсюда переправился я на Кипр и в Никозии нашел вашего Провинциала, который в тот же день повез меня с собою в направлении к Антиохии, находящейся в очень плохом состоянии. Там мы прибыли праздник апостолов Петра и Павла.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

О том, как брат Вильгельм писал из Триполи к королю Людовику, донося ему о своем путешествии и об отправке послов к Татарам

Отсюда прибыли мы в Триполи, где, в день Успения Святой Девы, имели собрание нашего ордена; и Провинциал ваш определил, чтобы я избрал [монастырь в] Акре, не позволив мне явиться к вам и приказав, чтобы я написал вам то, что хочу, через подателя сего послания, Я же, не смея противиться обету послушания, составил, как мог и умел, прося прощения у вашей несравненной кротости как за лишнее, так и за нехватки, или за сказанное не совсем умно, а скорее глупо, так как я человек недостаточно умный и не привык составлять такие длинные повествования. Мир Божий, который превосходит всякое понимание, да хранит сердце ваше и разумение ваше! Охотно я повидал бы вас и некоторых особенно близких мне друзей, которых имею я в королевстве вашем. Поэтому, если это не противно вашему величеству, я хотел бы молить вас, чтобы вы написали Провинциалу о позволении мне явиться к вам, под условием скорого возвращения в Святую Землю.

О Турции знайте, что там из десяти человек один не Саррацин, а все это - Армяне и Греки, и дети властвуют над этим краем. Именно у султана, побежденного Татарами, была законная жена из Иверии; от этой жены у него был расслабленный сын, которого он объявил своим наследником. Другой сын у него родился от греческой наложницы, которую он потом передал одному могущественному эмиру (amiraldo); третий сын у него был от Турчанки; соединившись с ним, Турки и Туркоманы пожелали убить сыновей христиан.

Как я узнал, они решили также, в случае победы, разрушить все церкви и убить всех тех, кто не пожелает сделаться Саррацинами; но сын этот был побежден, и многие из его приближенных были убиты. Он обновил свое войско во второй раз, и тогда его взяли в плен, в оковах держат его и поныне. Пакастер, сын Гречанки, стал заботиться о своем сводном брате, чтобы тот стал султаном, так как другой, которого отправили к Татарам, был слабого сложения; родственники его со стороны матери Иверы, или Георгианы, вознегодовали на это. Отсюда ныне в Турции владычествует отрок, не имеющий никакой казны, немного воинов и много недругов. Сын Вастация слабого сложения и ведет войну с сыном Ассана, который также еще мальчик и угнетен рабством Татар. Поэтому, если бы воинство Церкви пожелало пойти к Святой Земле, то было бы очень легко или покорить все эти земли, или пройти через них. Венгерский король имеет, самое большее, не свыше 30 тысяч воинов. От Кельна до Константинополя только сорок дней пути на повозках, а от Константинополя не будет стольких дней пути до земли царя Армении. Некогда проходили через эти земли доблестные мужи и имели успех; однако против них стояли весьма сильные неприятели, которых ныне Бог уничтожил с лица земли, и нам не следовало подвергаться опасности моря и зависеть от милосердия корабельных служителей, а той платы, которую надлежало заплатить за перевоз, хватило бы на издержки при путешествии по суше. Уверю вас, что если бы ваши поселяне, не говоря уже о королях и воинах, пожелали идти так, как идут цари Татар, и довольствоваться такою же пищей, то они могли бы покорить целый мир.

Мне кажется бесполезным, чтобы какой-нибудь брат ездил впредь к Татарам так, как ездил я, или так, как едут братья проповедники; но если бы Господин Папа, который является главою всех христиан, пожелал отправить с почетом одного епископа и ответить на глупости Татар, которые они уже трижды писали Франкам

(раз блаженной памяти папе Иннокентию четвертому и дважды вам: раз через Давида, который вас обманул, а теперь через меня), то он мог бы сказать им все, что захочет, и даже заставить, чтобы они записали это. Именно они слушают все, что хочет сказать посол, и всегда спрашивают, не желает ли он сказать еще; но ему надлежит иметь хорошего толмача, даже многих толмачей, обильные средства и т.д.

ПРИМЧАНИЕ К ПЕРЕВОДУ РУБРУКА.

Стр. 65.

в Экклезиасте] В нашей Библии эта цитата имеется в "*Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова*" (гл. XXXIX, ст. 5): "Будет путешествовать по земле чужих народов, ибо испытал доброе и злое между людьми".

седьмого мая] В оригинале *ponas maij*, что я принимал сперва за *pona d. maij*, во все переводчики передают: "7-го мая".

великим] *Исидор* (Origg. XIII, 16, 1) называет так все Средиземное море. Черное же море именуется так еще у *Марко Поло* (*И. П. Минаев*, стр. 4). Ср. стр. 48.

Стр. 66.

1400 миль] Этот размер представляется преувеличенным, так как теперь длина Ч. моря измеряется в 1160 километров.

один на севере--юге] Ср. ниже "находится на юге" и "находится на севере". В оригинале везде *ad aquilonem... ad meridiem*. Т. к. буквальный перевод противоречил бы географии, остается допустить, что эти выражение стоят здесь в смысле т. н. локатива (ср. *G. H. Grandgent. An introduction to vulgar Latin. Boston, 1908, p. 46*).

Синополь] Синоп, или Синопа, взятый Турками в 1216 г.

Газария] Так, по имени народа Хозаров, назывался Крым, вероятно, с 8-го столетия (*Rockhill*, p. 42, n. 1).

к Иверии... Георгии] См. примеч. к стр. 26.

Керсона] Хорсонес Таврический.

остров] Ср. о нем у *А. Л. Бертье-Делагарда*: Древности Южной России. Раскопки Херсонеса (в "Материалах по археологии России", издаваемых Императорской Археологической Комиссией. Спб. 1893, стр. 68--61), где цитирован, по *Берджерону*, и данный текст Рубрука. Ср. *В. В. Латышев*, ПОНТИКА (Спб. 1909), стр. 374.

Солдаия] Ныне Судак ("собств. Сугдак", *В. В. Бартольд* в "Марко Поло", стр. 5, прим. 1-е), посел. Таврич. губ., Феодосийского у.

горностаев и белок] В оригинале *varium et grysiam*. Ср. *Ducange*, s. v.

бумазею] Ср. *Ducange*, s. v. *Vombax et Gambeso*.

Матрика] *Materkha* у восточных писателей, Ταμάταρκα или ΤαΜάταργα у Константина Порфирородного, Тмутаракань наших летописей.

некое море] Азовское.

Осетров, чебаков] У *Дюканжа* слов *hosas barbatus* нет. Перевод дан по *Д. И. Языкову*, который присоединял сюда еще и тунцов. *Чебак* -- название леща в Азовском море.

Зикия] *Ziquia* или *Zikia*, ср. примеч. к стр. 60.

Свевы] Вероятно, Сваны, обитатели Сванетии.

Иверьи] Татары покорили их в 1239 г., так что показание Рубрука неправильно. Стр. 67.

Трапезунда] Этот город был покорен Монголами в 1244 г.

Гвидо] Рубрук может разуместь только Андровика I Гида, умершего, однако, еще в 1236 г.; при Рубруке же в Трапезунте правил Мануил I (1238--63).

Вастация] Иоанн III Дука Ватацес, никейский император (1222--1264). Он платил дань монголам.

Аскар] Феодор *Ласкарас*, сын Вастация от первой жены его Ирины, дочери императора Феодора Ласкариса.

Блакия] Валахия. Ср. *Ю. А. Кулаковский*, "Где находилась вичинская епархия константинопольского патриархата"? "Визант. Врем." 1897, No 3, стр. 9 отд. отт.

Асану] Разумеется династия царей Асений. Во время Рубрука царем был Михаил Асень.

в Вербное Воскресенье] 12 апреля.

Сартаху] Имя этого сына Батые и внука Чингис-хана в рукописях передается весьма различно (ср. *Rockhill*, p. 48). Форма *Sartax* ближе всего воспроизводит написание этого имени у современных Рубруку магометанских писателей.

будто он христианин] Ср. стр. 94. Мнение о том, что Сартах был христианином и даже носил сан диакона, держалось очень упорно. Ср. *И. А. Орбели*, *hАсан Джалад*, князь Хачонский в "Известиях Имп. Академии Наук", 1909, No 6, стр. 423, примеч. 7е.

Саррацинами] Монголы называли Магометан *Sartol*. Это слово, как и название Саррацины, происходит от арабского *sharki* "восточный". Ср. *Rockhill* ad loc.

Стр. 68.

везший подарки] В оригинале *lator praesentium*, что надо понять, как "податель настоящего послания", ср. стр. 176.

Госсель] Так стоит в тексте *Авезака*; в рукописях *Gosset* и *Goset*.

человек Божий] Ср. наше выражение "раб Божий", указывающее на недостаток разума у человека.

замков] См. *А. А. Куник*. О записке готского топарха в Зап. Имп. Акад. Наук, т. 24 (1874), стр. 78, примеч. 3-е.

Немецкий] *Teutonicum* в оригинале. Ср. *Ю. А. Кулаковский*, Аланы и т. д., стр. 65, примеч., а также примечание к данному месту *Rockhill*'я и *Beazley*.

Команы] Половцы.

Стр. 69.

пол-иперпера] См. примеч. к стр. 26. *Beazley* определяет ценность иперпера в 10 шиллингов 6 пенсов.

Скифию] В оригинале *Sithiam*. *Исидор* (*Originum lib. XIV, 3, 31*) определяет границы Скифии от восточной Индии до Германии и Дуная.

Стр. 71.

один двор] В оригинале *una caria*.

Этим словом Рубрук передает татарское *орда* (стр. 96). Китайские писатели переводят это слово "движущийся дворец". Ср. *d'Ohsson*, I, p. 83, n. 2: "*Ордой* называется собрание шатров (*ravillons*), палаток и хижин, которые составляют обычное поселение государя и его жен, равно как и лиц, состоящих у него на службе; от слова *ordou* произошло слово *horde*, значение которого иное (т. е. орда, шайка, сборище). Множество людей, повинующихся татарскому монарху, именуется сто *улус*, т. е. его народ, а частная территория государя, вождя племени, вождя семейства называется его *юрта*".

Стр. 72.

напиток] Т. н. *террацина* (стр. 139).

из отдаленных стран] Вероятно, из Персии и Туркестана.

маленькой гитарой] Вероятно, подобие нашей балалайки.

Стр. 73.

вилочки] Вилка стала необходимой принадлежностью столовой посуды только около половины XIV века. Ср. *Marquardt-Mau*, *Privatleben der Römmer*, 2-te Anilage, p. 370 (Berl. 1886) и *Lumbroso*, *La forchetta di tavola in Europa* в *Mem. Acc. Lincei*, *Se. morali*, X, 19 fevr. 1882.

каптаргак] "Капы в Туркестане -- мешки, для укладывания всякого товара. *Костенко* III, 76". *Бретинейдер*.

Стр. 74.

кумыс] "Eau de vie de lait de cavale en Kirghise et Tare -- *kumyz*, en mongol aradja. (Kalmuk) *tchigan*". *Бретинейдер*.

вино с прибавкой свежего винограда] В оригинале "*vinum gaspei*." *Vin* гБрИ (*il fait l'effet de Champagne*). *Baker*. "Клерованное вино". *Д. И. Языков*.

Правилом -- свертыванию] В оригинале *regala enim est quod nallins animalis in caias fytas ventre lac non invenitar coagulam coagalatar*. *Rockhill*, м. б. точнее, передает место так: "It is a fact that (the milk) of no animal will curdle in the stomach of whose fetus is not found curdled milk".

Стр. 75.

гриут] Ср. на стр. 78 *зрут*. "Сыр по-киргизски *krouit*, по-турецки *hourt*, по-монгольски (*Певцов*, Путешествие в Монголию, стр. 84) *hurut* или *bislik*". *Бретинейдер*.

согур] "По *Потанину*, киргизы называют это животное *суур*". *Бретинейдер*.

кролики с длинным хвостом] Горностай.

аркали] "*Потанин*, II, 142. *Ovis argali* = *argali* или *arcar*". *Бретинейдер*. По *Rockhill*'ю, это то же животное, что ниже (стр. 103) называется кулан (*culan* или *khulan*, по-монгольски).

Стр. 76.

соколы, кречеты и аисты] В оригинале *falcones, girfans, erodios*. Перевод для *erodios* дан приблизительно к величине этих птиц (также передает слово и *Д. И. Языков*, ср. *Ducange*, s. v. *herodins*). Неправильно, по-видимому, *Rockhill* считает это слово за прилагательное и переводит *hawks and peregrine falcons*. *Языков* отождествлял *herodins* с беркутом (*aquila imperialis*).

Паскату] В других местах *Pascatir* (Башкирия).

Керкиса] Здесь страна Киргизов.

а другую, волос которой] Т. н. *ергак*.

павианов] В оригинале *parionibns*. Ср. *synoscephalus parion*. Но здесь, по всей вероятности, разумеются "лесные собаки, более свирепые, чем волки". *Ducange*, s. v. *Pario*. Поэтому ниже (стр. 126) в переводе оставлена форма папионов.

шапки] У *Языкова* бурки.

Стр. 77.

бокка] По-монгольски *bogtas*. Ср. *Плано Карпини*, стр. 6.

Стр. 78.

ложатся в постель] Ср. *Плосс*, Женщина. Перевод *М. Бартельса*, т. II (СПб. 1900), стр. 140 слл.

грут] См. примеч. к стр. 75.

Платьев они никогда не моют] Эти и нижеследующие странные обычаи монголов стоят по большей части в соответствии с наставлениями Чингис-хана. См. *d'Ohsson*, I, p. 409.

Стр. 80.

Мангу-хана] Он был великим ханом между 1261--1267 гг.

Команы] О могилах половецко-татарской эпохи в России см. у *Д. Я. Самоквасова*, Могилы русской земли (М. 1908), стр. 337 слл.

Стр. 81.

из города] В оригинале *de villa*. Вероятно, разумеется Константинополь.

Скатай] В рукописях варианты: *Scatai*, *Scatay*, *Scatatai*, *Scatatay* и *Seatanay*. *Rockhill* склонен думать, что это лицо тождественно с Каданом у *Плано Карпини* (стр. 22 и 61).

император константинопольский] Балдуин II, последний импер. латинской империи (1228--1261),

айра] "По *Потанину*, кислое молоко по-монгольски *agik*, по-киргизски *aOran*". *Бретинейдер*.

Стр. 83.

в восьмой день] 6-го июня.

за Пятидесятницей] 8-го июня.

Накануне] 6-го июня.

Аланы] См. примеч. к стр. 35.

Стр. 84.

иперперы] См. примеч. к стр. 26.

В день] 7-го июня.

Стр. 85.

перекопом] Перекопский перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком. В древности он был перекопан рвом, см. *Геродот*, IV, 3. *В. В.*

Латышев, Известие древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1 (СПб. 1893), стр. 11.

Исидор] В сочинении *Originum lib. XIV*, cap. IV, 3. О громадном значении Исидора в начале средневековья ср. свидетельства, собранные у *Philippe*, *LacrXce dans la thИologie chrИtienne* (Paris 1896), p. 26 s.

Капчат] "*Радлов* (*Ans Sibirien*, II, 10) и *Sven Hedin* упоминают племя Киргизов, по имени *Kirchak*, и поныне живущее в восточном Памире". *Rockhill*.

до Этилии] *Птолемей*, первый из классических писателей, упоминающих про Волгу, называет ее *Rha*, *Константин Багрянородный* -- *Atel* или *Etel*.

Стр. 86.

Пруссия] Окончательное покорение ее рыцарями тевтонского ордена совершилось значительно позже, ср. *Соловьев*, кн. I, ст. 816--820.

Стр. 87.

Марии Магдалины] 22-го июля.

Азии от Европы] Что Дон (Танаид) служил границей между Европой и Азией, это было общераспространенное мнение античных географов, которое повторяют еще *Герберштейн* (стр. 106) и *Олеарий* (стр. 387).

поселок] Casalia именовались местности, примыкавшие к замку или городу; это могли быть как отдельные дворы, так и целые деревни. См. *Heyd*, Die italienischeii Handelskolonien in Paliistina в *Zeitschr. f. Staatswiss.*, Bd. XVI, p. 32.

чебак] См. примеч. к стр. 66.

из болот Меотиды] Что разумеется под этим названием, в точности неизвестно. *Бенедикт*, толмач Плано Карпини, понимал под ним соленые озера в степях к северу от Каспийского моря. *D'Avezac*, p. 777. По *Герберштейну* (стр. 106), Дон берет начало из Иванова озера, а, по *Олеарию*, из 3 озер, называемых Resanscha (см. его карту).

Стр. 88.

Моксель] Мохы у *Барбаро*. Ср. название реки *Мокша* (левый приток Оки в Пензенск. и Тамбовской губ.) и *Герберштейн*, стр. 103.

Мердас] Мордва. Ср. *Герберштейн*, там же.

Стр. 89.

Лесгами] Вероятно, Лезгинцы.

Капчат] В рукописях варианты: Capchas и Capchat.

Койаку] В рукописях варианты: Caias, Coias и Coiat.

Ямям] На стр. 123 и 164 только *ям*, отсюда наши *ямская слобода*, *ямщик*.

церковной утвари] В оригинале capella, ср. *Ducange*, s. v.

Стр. 90.

Балдуина Гэно] Vaudouin de Hainaut, рыцарь при дворе императора Константинопольского, ср. *Rockhill* ad. l.

Давида] Ср. стр. 91, 161, 162 и 178. Его путешествие относилось к 1248 г. См. *Rockhill* ad loc.

Стр. 91.

в Аконе] То есть в Акре.

в день] 1-го августа.

следующее] 2-го августа.

Стр. 92.

правила] Sentencias. На стр. 100 Рубрук говорит, что у него не было других книг, кроме Библии и служебника. *Beazley* понимает под Sentenciae большой труд *Петра Ломбардского*, епископа Парижского (ум. 1164), носившего прозвище Magister Sententiarum.

Моал] Эта форма, по-видимому, взята из Турецкой формы данного имени Mogal.

Стр. 93.

взяли Антиохию] В 1098 году.

Кон-хам] Это есть титул Gur Khan ("Всеобщий хан"), принятый в 1126 г. (а не в 1098) основателем Каракитайской империи в средней Азии Yela Tashih. *Bretschneider*, I, 216, 226, 236; II, 266 и прим. 1069.

хам] Но имеет ничего общего со словом хан. *Beazley*.

Каракатай] Ср. *Bretschneider*, I, 208--235 и прим. к стр. 17.

Кен-хана] Вариант Keu chan. Это -- Куйюк у *Плано Карпини*.

Андрей] Андрей de Longameau или de Lonjmel был послан Людовиком IX к Монголам в феврале 1249 г.

Унк] Или Togrul, сын Гурхана, ср. выше. Ср. *d'Ohsson*, I, p. 61. Марко Поло (стр. 82) отождествляет попа Ивана с Унк-ханом.

Каракорум] Это наиболее часто встречающееся название этого города (другие варианты Caracaron, Caracatum, Caratorum, Caratharm).

Крит] Вероятно, Керaitы, жившие к с.-в. от оз. Байкала.

Стр. 94.

Таргары] По *Rockhill'ю*, первое упоминание этого имени относится к 732 г. по Р. Хр. Ср. *d'Ohsson*, I, p. 427--29.

Онанкеруле] Местность в бассейне Амура, между реками Онон и Карулэн. Ср. *Beazley*, p. 323.

Стр. 95.

в доску] Греч. Semantem. Ср. *F. X. Kraus*, Realencyklopädie der christl. Alterthümer, Bd. I (Freiburg im Breisgau), p. 622 s.

Сиркан] Ср. Nysanum. Варианты Sirsan и Sirtan. М. б., это название происходит от персидской провинции Schirwan, главный город которой б. Шемаха.

Исидор] Он считал Каспийское море заливом (Origg. XIII, 17, 1). Ср. стр. 96.

Мулигек] "Имеется в виду арабское слово *мульхид = еретик*". *В. В. Бартольд*, стр. 67, прим. 2-е.

Человекоубийц] "Название секты было *Хашишин* от одуряющего напитка хашиш. Убийства исмаилитов получили такую известность, что от название их секты произошло франц. слово assassin (убийца)". *В. В. Бартольд*, стр. 68, прим. 1-е.

Кангле] Кангиты у *Плано Карпини*, стр. 36, 60 и 61.

Стр. 96.

Исидор] *Origg.* XIV, 3, 34.

поселок] Укака у *Марко Поло* (стр. 6). "Увек или сего Ивановское, Саратовской губ. и уезда, в 12 в. от Саратова (татарское название было Укек". *В. В. Бартольд*).

городов Великой Булгарии] У теперешнего селения Болгары или Успенское, ср. примеч. к стр. 26.

в Израильском народе] См. книгу *Числ*, гл. I, ст. 61--63; гл. II, ст. 1--31.

Стр. 97.

к Кен-хану] Им. брата Андрея, ср. примеч. к стр. 93.

Стр. 98.

де Поликарпо] Разумеется *Плано Карпини*. Об упоминаемой затем перемене платья говорит толмач *Плано Карпини*, *Бенедикт* (*Avezac*, p. 777 s.).

Жана де Бомон] Это был адмирал флота Людовика IX при высадке в Египте, 6-го июня 1249 г. "Жаль, что мы не имели чести знать Господина де-Бомона".

Карамзин, IV, прим. 49-е.

Стр. 99.

для слушателя] Николая, см. стр. 68.

Накануне Успения] 14-го августа.

Стр. 101.

На второй день] В оригинале *seconda die*, что можно понять: "на другой день", т. е. 16-го сентября.

Всех Святых] 1-го ноября.

Канглы] По мнению *d'Avezac'a* (р. 469), Печенеги.

Ягак] Яик, н. Урад.

Паскатири] Башкирия.

Исидор] *Origg.* IX, 2, 66.

Блак] То есть Валахи.

произошли те] Это передвижение Булгар было около 486 г. по Р. Хр. Ср. *Bretschneider*, 11, 82 слл.

по словам Господним] *Второзаконие*, XXXII, 21 (ср. *Посл. к Римлянам*, X, 19). В нашей Библии: "Они раздражили Меня не богом, суетными своими огорчили Меня: и я раздражу их не народом, народом бессмысленным огорчу их".

Стр. 102.

от Парижа до Орлеана] 100 километров. По вычислениям *F. M. Schmidt'a* (*Ueber Rubruk's Reise von 1263--66* в *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*, XX Band (1886), р. 162, н. 161). Рубрук делал ежедневно по 80 килом.

пшена] В оригинале *miliam*, ср. *Rockhill* ad loc.

Стр. 103.

четыре сына] Juchi, Chagatai, Ogodai и Tnlui. Старший умер еще при жизни отца.

накануне] 31-го октября.

через какие-то горы] В оригинале *per alpes quasdam*. По *Дюканжу* (s. v. Alpes, 2), Alpes могло означать даже горные пастбища, расположенные в котловинах. Поэтому понимание в данном месте Пешелем и Шмидтом предлога *per* безусловно неправильно. Ср. *Rockhill* ad l.

Кулам] См. примеч. к стр. 73.

Кинчат] Варианты *Kenchas*, *Kenchat* и *Kinchat*. У восточных писателей *Kedjek*; вероятно, в бассейне р. Таласа.

Стр. 104.

Талас] Город на реке того же имени; точное положение его неизвестно. См. *Schmidt*, р. 194 ss.

Бури] Бурин у *Плано Карпини*, стр. 22. Ср. *d'Ohsson*, II, 111.

Болат] *Volo* у Китайских писателей. "*Lag im Gebiete der Borotola nordlich vom Sairamsee*". *Schmidt*, р. 200.

Стр. 105.

Эквиус] Вблизи нынешнего Копала; точное положение неизвестно. *Schmidt*, р. 203.

Кайлак] Вероятно, *Kayalik*, *Kaligh* и *Khaulak* у мусульманских писателей, *Hai-vali* у китайских; находился, по *Шмидту* (стр. 204), немного к западу от нынешнего Копала.

Органум] Адьмалик или Кудьджа. *Bretschneider*, I, 114, 167 и прим. 286. По мнению *Yule*, Органа было имя царицы той страны (*Schmidt*, p. 204), так что Рубрук здесь странно ошибся.

Югуров] Уйгуров, см. прим. к стр. 3.

Стр. 106.

крестик из чернил] О подобном обычае среди Турок говорит византийский писатель *Феофилакт* (т. 46, стр. 226 Боннского издания).

пасха Саррацинов] Вероятно, Байрам.

блаженного Христофора] То есть великаном. См. *Kraus*, 1. с, I, p. 289.

идол такой большой] О колоссальных статуях Будды см. у *Rockhill'*я ad loc.

Стр. 107.

общине] Разумеется буддистский монастырь.

со 100] По *Rockhill'*ю, теперь 108.

on mani бассам] Это первое упоминание европейца о великой формуле буддистов: *Om, mani padme hūm*, что *Rockhill* переводит: "Om, the jewel in the lotus, hum", а *Бретшнейлер*: "Salut perle renfermée dans le lotus".

Стр. 108.

изображение своих умерших] Ср. *d'Ohsson*, I, p. 16.

Стр. 109.

свою дочь] Факт неизвестный. Ср. *Rockhill* ad loc.

Тангуты] См. *Марко Поло*, стр. 74. Племя в сев. Тибете. Чингис-хан воевал с ними в 1209--10 гг. и покорил их в 1226--7 г. "*История первых четырех ханов*, стр. 41 сл. и 133.

быки] Т. н. як (по *Krphagns grunniens*).

Тибетцы] Ср. *Марко Поло*, стр. 168 слл. У *Плано Карпини* (стр. 20) Буритабет.

Стр. 110.

У Югуров -- наречия] "Интересное и вполне точное замечание". *Rockhill*.

Лонга и Соланга] См. примеч. к стр. 3.

дощечку] По-китайски hu, ср. *Rockhill*, ad loc.

Мук] Вероятно, тунгусское племя *Муку*. *Schmidt*, p. 218.

Стр. 111.

я полагаю] Рубрук -- первый из западных писателей, который отождествляет Катайю с Серами.

от некоего их города] Взято у *Исидора* (*Origg.* XIV, 3, 29).

город с серебряными стенами] Вероятно, *Singanfa*. Ср. *Beazley*.

среди гор Кавказа] Ср. у *Исидора* (*Origg.* XIV, 8, 2): "Кавказские горы, протянувшиеся от Индии до Тавра, именуются на своем протяжении различными именами сообразно с разнообразием народов и языков".

Скифии] В оригинале *Sithie* и *Stchie*. Ср. *Исидор* XIV, 4, 31.

Сегин] Обыкновенно его отождествляют с *Hsi-an Fu*.

Стр. 112.

Туинов] "*Touinzzlama en ouigoar* (*DjihankoushaO*). *QuatremXre*, Hist. d. Mongols, p. 198. Восточный Сборник, 64 (Григорьев): тойн". *Бретшнейлер*. Ср. *d'Ohsson*. II, 264, n. 1.

святого Андрея] 30-го ноября.

столицы] В оригинале ad capud. *Rockhill* переводит: to the head of that province.

моря] Вероятно, разумеется соединение озер Балкаша и Ала-куль. См. *Шмидт*, стр. 206.

долина] По *Шмидту* (стр. 206 сл.), "углубление, отделяющее джунгарское Алатау от гор Барлык и связующее бассейны Алакуль и Эбиноор". Река, вероятно, Тосту.

большим горам] Вероятно, Тарбагатай.

святого Николая] 6-го декабря.

Стр. 113.

субботу] 13-го декабря.

одно место] Ср. *Плано Карпини*, стр. 51, и другие свидетельства, собранные у *Шмидта*, стр. 207.

на ту равнину] У города Омыл, ср. *Плано Карпини*, стр. 17 и 61.

Стр. 114.

Стикана] В рукописях варианты: Stican, Strican, Strichan и Stichin. У *Плано Карпини* Сыбан, у магометанских писателей Schiban. Ср. *d'Ohsson*, II, 8.

Сиремон] Хиренен у *Плано Карпини* (стр. 22). По *d'Ohsson'у* (II, 187), Куйюк был его дядей. Ср. с данным рассказом изложение *d'Ohsson'a*, (II, 255 s.).

Ибо в печали -- утешителя] Вероятно, намек на начало книги *Плач пророка Иеремии*.

Стр. 115.

блаженного Стефана] 26-го декабря.

Евангелиста Иоанна] 27-го декабря.

рисовое пиво] На стр. 120 и 139 оно названо террацина, по-монгольски tarassun. Ср. *Марко Поло*, гл. CI (стр. 151 сл.).

Стр. 116.

сейчас лишимся их] В оригинале statim admittereums eos. *Rockhill* исправляет emitteremus; ближе к тексту было бы amitteremns.

великий секретарь] Булгай Ака, начальник ханской канцелярии, финансового и внутреннего управления. Ср. *d'Ohsson*, II, 260.

Стр. 117.

brosdate sive bistrate] См. *Ducange*, s. t. brusdus.

Стр. 118.

впервые] В оригинале primo, что *Rockhill*, кажется без нужды, исправляет на *principi* или *prime*, подразумевая под этим первую жену Мангухана.

дня избияния] 3-го января 1264 г.

Стр. 119.

польни] "Saksaul или Anabasis Ammodendron". *Rockhill*, стр. 35.

тюленя] В оригинале bovis marini.

Стр. 120.

бал] Или boal, т. н. буза.

Стр. 122.

той госпожи] См. стр. 119.

Стр. 123.

султана Мон-Реальского и Кракского] Монреаль и Крак -- города Аравии.

из Амморика] В оригинале ab Ammogiso. Что кроется под этим собственным именем -- неизвестно. *Rockhill* исправляет (невероятно) на Armenia (Армения).

Отоном] Odon или Eudes de ChBteau-Roux или ChBteau-Raoul в Берри, кардинал епископ Тускульский.

Стр. 124.

Молес] Вероятно, искажение имени Louis.

при Мансуре] Знаменитая битва 1249 г., в которой Людовик был взят в плен.

полные отверстий] См. *Н. И. Веселовский*, Свистящие стрелы в *Известиях Имп. Археоло. Комм.*, вып. 30-й (Спб. 1909), стр. 160.

буллу] См. *Н. И. Веселовский*, там же, стр. 166.

Стр. 126.

просового пива] В оригинале *servisia de milio*. Это единственное упоминание о подобном напитке. *Rockhill* отождествляет его с китайским *huang chiu*.

Котота Катен] Магометанские писатели называют ее *Kutuktai Khatun*. Khatun, турецкое Khanum, происходит от *хан* и давалось, как титул, вдовам императоров и князей.

Стр. 128.

греки -- канон] В оригинале: *quem Greci dicunt fuisse canon*. Последнее загадочное слово скорее всего надо рассматривать, как сокращение *canonizatum* (т. е. причислен к лику святых).

кости бараньих лопаток] Этот способ гадания, не чуждый и античным народам, называется скапуломантией или омоплатосконией. Ср. *Gombojew*, p. 664 s.; *Тэйлор*, Первобытная культура. Пер. под ред. *Д. А. Корончевского*, изд. 2-е (Спб. 1896), т. I, стр. 112, и другую литературу, указанную у *Rockhill'я* ad loc.

Стр. 130.

молодая девушка] Ср. стр. 119. В изложении Рубрука замечается некоторая неясность, так как, вероятно, та же девица разумеется и в следующей фразе.

к тому, кто] По мнению *Rockhill'я*, это был Arghun I, имевший резиденцию в Таврисе.

Стр. 131.

по названию ремень] Это средство было в большом ходу у монголов, ср. *d'Ohsson*, I, p. 372.

Стр. 132.

жидкую глину] Вероятно, кирпичный чай.

Стр. 133.

над двумя прутьями] О таком гадании упоминает и Марко Поло (ср. *Rockhill* ad loc). *Аммиан Марцеллин* (кн. XXXI, гл. 2, § 24) говорит следующее про Аланов: "Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклятиями и получают весьма определенное указание о том, что предвещается" (Перевод проф. *Ю. А. Жулаковского*, вып. 3, Киев, 1908, стр. 242 сл.).

Стр. 134.

Су-Моал] См. примеч. к стр. 16.

Керкисы] Киргизы.

Оренгаи] Урянхайцы, живущие ныне по обе стороны Русско-Китайской границы, приблиз. между 60 и 63 сев. шир. и 59--69 вост. долг.

Исидор] Вероятно, в XIV-й книге, ср. *Rockhill*.

Солин] См. стр. 207 сл. по 1-му изд. *Моммзена* (Берл. 1864).

Он рассказал мне] Аналогичные рассказы в китайских сочинениях см. у *Rockhill'*а ad loc.

Стр. 135.

Кауле] То есть *Као-ли*, название династии, дарившей в Корею до середины XV столетия.

Манзе] "Так [Манги или Манзи] называлась часть Китая к югу от Желтой реки". *И. П. Минаеву* стр. 169, прим. 3-е.

бумажка из хлопка] При дворе Кублая были в ходу ассигнации из коры тутового дерева, см. *Марко Поло*, гл. ХСVI.

и одно начертание -- слово] "Это древнейшее западное известие о письменах китайцев". *Rockhill*.

сыропустная неделя] 23-го февраля.

аксамита] "Золотая или серебряная ткань с травами и разводами, плотная и ворсистая как бархат". *Савваитов*, стр. 2.

Стр. 136.

святого Иакова] Вероятно, de Compostella, в Испанской области Галиции.

Стр. 137.

ересь Манихея] В оригинале Manchei и Manichei. Основатель секты носил почетное прозвище Мани (греч. Μάνης).

брат, получающий -- город] *Rockhill* говорит, что эти слова взяты из книги *Притчей Соломоновых*, гл. XVIII, ст. 19. *Baker* цитирует "Притчи, 10". В нашей Библии в гл. XVIII, ст. 20, стоит следующее: "Озловившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка".

Стр. 138.

большое серебряное дерево] См. примеч. *Rockhill'*а (ad. loc.), который описывает целый ряд подобных сооружений при восточных дворах. Ср. *И. А. Орбели*, стр. 433, примечание 4-е.

Стр. 140.

хан сидит -- с северной стороны] Ср. *Марко Поло*, гл. LXXXVI (стр. 128).

около воскресенья] В оригинале circa dominicain in Passione (am Sonntag Judica, *Schmidt*, p. 220), т. е. 29-го марта.

между гор] По *Шмидту* (стр. 220), цепь Хангай (Khangaikette).

В вербное воскресенье] 5-го апреля.

Стр. 142.

Великий Четверг] 9-е апреля. Правда, *d'Ohsson* (II, 299) считает, что Пасха в 1264 г. была 19 апреля. Ср. стр. 118.

Стр. 143.

четыреугольную кожу] Антиминс. Ср. *Православную Богословскую Энциклопедию*, т. I, изд. 2-е (Петроград, 1904), стр. 797 сл., *Krans*, I, p. 57.

Стр. 146.

просеять пыль] Ср. *Тэйлор*, т. II, стр. 247, о суевериях английского простолюдина: "Вечером накануне дня св. Марка нужно посыпать очаг золой, чтобы увидеть отпечаток ноги того, кто должен умереть в этом году".

в воскресенье] 17-го мая.

Стр. 147.

Накануне Вознесения] 20-го мая.

Одного из единоутробных] Именно Hulagu.
Одного из остальных] Кублая.
Арабукху] Arık Boga.
Белеграв] По *Rockhill'ю*, Белград.
Стр. 148.
На следующий день] 22-го мая.
царь Армянский] Heuythum I, царь Малой Армении.
Стр. 149.
в воскресенье] 27-го мая.
Стр. 150.
Бог говорит] См. *Евангелие от Иоанна*, гл. XIV, ст. 15 слл.
на следующий день] 25-го мая.
Стр. 151.
Писание наше] *Ап. Павел*, 2-е послание к Тимофею, гл. II, ст. 24: "Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым".
На следующий день] 26-го мая.
канун Пятидесятницы] 30-го мая.
Стр. 153.
подвергался воплощению] По замечанию *Rockhill'я*, Рубрук -- первый из западных писателей, который упоминает про буддийское учение о воплощении. О важности этого учение в религиозной системе буддизма см. *Subhadra Bhikschu, Buddhistischer Katechismus, 5-te Anflage (Braunschweig 1896)*, стр. 9.
Стр. 155.
В день Пятидесятницы] 31-го мая.
Стр. 157.
на нашем языке] Место, важное для определение национальности автора. См. Введение.
он преклонился бы] Армянский историк *Haiton* (Heuythum) говорит, что Мангухан и все его домашние приняли крещение от армянского, епископа, сопровождавшего царя Heuythuin'a I (в 1263 г.). См. *Bergeron, Voyages faits principalement en Asie, t. II (A la Haye, 1726)*, p. 39.
Стр. 158.
проводя ее через огонь] См. примеч. к стр. 9.
белых кобылиц] Ср. у *Марко Поло* (гл. LXXXIX) описание праздника, устраиваемого при дворе хана в начале нового года (в феврале месяце, стр. 132).
Стр. 159.
находила у себя в руке кусок войлока] См. любопытные параллели к данному рассказу у *Тэгнора*, т. II, гл. 14.
Стр. 160.
знаки и буквы] Ср. аналогичный рассказ у *d'Ohsson'a*, IV, 54.
возмущают воздух] Ср. *Марко Поло*, стр. 164.
Стр. 161.
Некоторые из прорицателей также призывают демонов] До какой степени прочно держатся подобные обряды и ныне, показывает фельетон одного из

участников Туруханской экспедиции, г. *Вас. Анучина*: "Спиритизм и шаманизм" (*Биржевые Ведомости*, 1910, No 11622, вечерний, 19 марта).

в осьмой день] 7-го июня.

меняли платья] См. примеч. к стр. 98 и *Марко Поло*, гл. XC (стр. 134 сл.).

Стр. 162.

как сидят леопарды] См. *Марко Поло*, гл. XCII (стр. 136).

Турецкого султана] "This sultan was Azzeddin, son of Ghaisheddin Keikhosrew II". *Rockhill*.

святого Иоанна] 24-го июня.

апостолов Петра и Павла] 29-го июня.

Хингис-хан] "*Чинк* (tchink) значит по-монгольски *сильный, твердый*, а частица *giz* (guiz) обозначает множественное число (le pluriel)". См. *d'Ohsson*, I, p. 99, n. 2.

сын Божий] Это -- древний китайский императорский титул T'ien-tzЭ ("сын неба").

Демучин] Искажение имени *Тэмуцзин* (Тъхе-му-чжень), что значит *лучшее железо*. Это слово смешивалось с турецким *Temurdji* -- кузнец, отсюда и пошла легенда, что Чингис-хан был кузнецом. Ср. *История первых четырех ханов*, стр. 378 и *d'Ohsson*, I, p. 36, n. 2.

Хангей] В оригинале *Cingei*, то же, что Хингис (Чингиз).

не захотят верить и захотят вести войско] В оригинале глаголы имеют обратный порядок: *voluerunt credere et noluerunt facere exercitum*.

Стр. 163.

Камус] В оригинале здесь *Samus*, ниже *Charnus*. Это была вдова Куйюка *Ogoul GaOmisch*, интриговавшая против Мангу, ср. *d'Ohsson*, II, p. 268 s. *История первых четырех ханов*, стр. 309.

мой товарищ] Варфоломей из Кремоны.

Стр. 164.

через две недели] 8-го июля.

Однажды, когда мы] Этот эпизод нарушает хронологию рассказа.

Стр. 165.

против молнии и грома] Ср. у *d'Ohsson'a*, (II, 614) рассказ о камнях, вызывающих, при обмакивании их в воду, даже среди лета снежный вихрь и чрезмерный холод.

Стр. 166.

одной деревеньки] В оригинале *una vilula*, что правильнее передать "*одного городка*", хотя *Rockhill* переводит *one little village*. *Шмидт* (стр. 231) предполагает, что это был Омыл, который Рубрук, по его словам (стр. 113), посетил при возвращении.

возле какой-то реки] По *Шмидту* (стр. 230), Улунгур.

Сарая] Сарай, бывшая столица Золотой Орды, лежал на левом берегу р. Ахтубы, в местности, где ныне находится уездный город Астраханской губ. Царев. См. статью г. *Шперка* в "Энциклопед. Словаре" *Брокгауза и Эфрона*, полут. 66, стр. 399.

Стр. 167.

два дня спустя] 16-го сентября.

ровно за две недели] 16-го октября.

Стр. 168.

Суммеркент] В оригинале варианты: Summerkent и Summerkeur. Точное положение этого города и история его неизвестны; можно думать, что он впоследствии был затоплен Волгой. *Шмидт* (стр. 242 сл.) относит к Суммеркенту сообщение одного Бакинского географа Абд-алрашида (в начале XV в.), говорящего про город Sacassin.

Стр. 169:

Всех Святых] 1-го ноября.

Святого Мартина] 15-го декабря.

Железные Ворота] Дербент, который, по преданию, был основан Александром Великим. Об этом городе много говорит *Олеарий* (стр. 486 слл.), дающий и любопытное его изображение.

Аркакка] В оригинале planicies Arcassi. Это имя совершенно неизвестно.

Стр. 170.

Самарон] Точное положение этого города неизвестно; он находился в середине между Дербентом и Шемахой, на два дня пути от того и другого города.

о которых я не мог узнать ничего верного] Намек на известную легенду о народах Гог и Магог (см. *книгу пророка Иезекииля*, гл. 39, и *Откровение св. Иоанна*, гл. 20, ст. 77. Ср. *А. Н. Веселовский*, в Журн. Мин. Нар. Пр., 1876, кн. 4, стр. 304 слл.).

Самаг] Шемаха, уездн. город Бакинской губ.

Моан] По *Шмидту* (стр. 247), ныне Mugaп.

Тефилиса] Нынешний Тифлис.

в книге Царств] Кн. IV, гл. 19, ст. 37.

у Исаии] Гл. 37, ст. 38. В нашей Библии в том и другом месте стоит: "в землю Араратскую".

Корасмины] По *Rockhill'ю*, Хорасмии.

Гангес] По *Шмидту* (стр. 248), нынешнее Gendje или Елизаветполь.

Стр. 171.

Кура и Аракс] У сел. Джеват, Бакин. губ.

"моста не терпит Аракс"] В оригинале pontem dedignatur Araxes. Это цитата из Энеиды: VIII, 728 (где сказано, однако, indignatus) -- место, часто приводимое, ср. *Ribbeck ad loc.*

Аргон] Arghun aka, ср. *Rockhill ad loc.*

становище Батыя] В оригинале: per herbergiam ipsins Baatn или Ваачу.

Конечно, это лицо надо отличать от известного Батыя, упомянутого раньше. Другие писатели называют этого монгольского генерала Bajothnoy (причем поу является отзвуком монгольского слова noian "господин"), Bачou, Baiju и Bачu Churchi. Он принимал Асцелина, который сообщает про этого вождя много любопытного (ср. у *Д. И. Языкова*, стр. 223 слл.).

святого Климента] 23-го ноября.

второго воскресенья] 15-го февраля.

Аарзерум] Ныне Эрзерум. Раньше (на стр. 126) в оригинале этот город был назвав Arseron.

Таврис] Tauginum в оригинале.

Наксуа] Нахичевань.

Стр. 172.

два пророка] См. А. Н. Веселовский, о. с, стр. 328 сл., примеч. 1-е.

Деманум] В рукописях варианты: Cemanium, Cemaugum и Cemanum. Ср. *Rockhill* ad loc.

Стр. 173.

Массис] Это армянское название Арарата.

Из вышеназванного города] То есть Нахичевани.

через неделю] 13-го января.

Сагенсы] Разумеется владыка Анийский Шахиншах.

Стр. 174.

Из этого города] *Rockhill* опять предполагает, что это -- Нахичевань.

в воскресенье] По мнению *Rockhill'*я, второе. Следует заметить, что хронологический порядок изложения здесь сильно спутан.

Марсенген] Вариант: Merseogen. По мнению *Rockhill'*я, это нынешний Меджинтерт (между Карсом и Эрзерумом).

за неделю] То есть 17-го июня.

Айни] Ани, столица Багратидского царства, город важный своими археологическими памятниками. Ср. *Н. Я. Марр* в "Известиях Императ. Акад. Наук", 1910. No 6 (1 апреля), стр. 438 следд. Там же (стр. 446 сл.) указана важнейшая литература, посвященная исследованию древностей Ани.

Стр. 175.

во второе воскресенье] 15-го февраля.

Камаф] у *Константина Порфирородного*, на нынешних картах Kemakh или Gemash.

Алапии] Алеппо.

Арсенген] Ныне Эрзинджан или Эрзингян, город в Эрзерумском вилайете Азиатской Турции.

говорит Исаия] Гл. XL, ст. 4. В нашей Библии: "Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизится".

по равнине] Именно между Эрзерумом и Эрзингянью. Турецким султаном был Ghaiatheddin Keikosrew II, а со стороны Татар сражался генерал Ваату или Ваачу, упомянутый выше (стр. 171). Битва происходила в 1243 или 1244 г.

в Себасте] Ныне Сивас, недалеко от истоков Галиса (н. Кизиль Ирмака).

на Страстной неделе] В 1264 г. она продолжалась с 21-го до 28-го марта.

сорока мучеников] Римских воинов, замученных в гонение Лициния.

в неделю по пасхе] 4-го апреля.

Кесарию Каппадокийскую] Прежде, до обращения Каппадокии в римскую провинцию, Мазака, столица тамошних царей.

Иконий] Город Малой Азии, ныне Кония.

Стр. 176.

до Киликии] Чтение спорно. В оригинале: Silice или Ecilie.

до Курты] Вероятно, Согусус античных писателей; теперь и город, и имя исчезли.

накануне Вознесения] 5-го мая.

до дня, следующего] 16-го мая.

Ази] Sis в Киликии, столица Малой Армении.

Барунузина] Baron Oschin, ch. *Rockhill* ad loc.

Ауакс] Лаяс у *Марко Поло*, стр. 12. Ныне Lajazzo.

Стр. 177.

особенно близких] В оригинале: *speciales*, вариант: *spirituales*.

законная жена] Thamat, дочь Грузинской царицы Kusudan.

Пакастер] Rokneddin.

Сын Вастация] Феодор II Ласкарис (1256--1259).

с сыном Ассана] Михаил Асень (1245--1258).